

Шорин А. Г.

ЗДАНИЯ УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО

Екатеринбург, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

1. Здания Уральского горного	3
2. Два года, о которых мы забыли	92
3. История журнала "Известия УГГУ"	105
4. Веймарн и Артемьев: противопоставление разных педагогических систем высшего образования на примере двух горных вузов в процессе их формирования	114

ЗДАНИЯ УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО

2017-й – год для Уральского государственного горного университета особенный: сто лет назад начались первые занятия в нашем вузе, поэтому особое внимание мы будем уделять истории. Статья о зданиях УГГУ – это, на первый взгляд, статья на достаточно узкую тему. Однако рассказывая о зданиях первого вуза Урала, мы тем самым рассказываем и об истории института, и о целом пласте истории Екатеринбурга, а порой обращаемся и к истории страны. Хронологически мы рассматриваем сначала здание, которое строилось специально для горного института, затем здания, в которых институт работал в разные годы, и, наконец, те, в которых он существует сейчас.

Краткий исторический очерк

Прежде чем рассказывать о зданиях нашего вуза, нужно сначала обозначить основные вехи истории Горного.

Уральский горный институт, окончательное решение об открытии которого после многолетних перипетий¹ было принято императором Николаем II 3(16) июля 1914 года, изначально именовался Екатеринбургским горным институтом.

С момента подписания указа до начала учебных занятий прошло три года, в течение которых был назначен будущий ректор – Петр Петрович фон Веймарн², который до открытия занятий занимал пост председателя Строительной комиссии, управляющей строительством здания горного института, а также занимался подбором преподавательского состава и организацией будущего учебного процесса.

17 июля 1916 года³ было торжественно заложено здание горного института.

27 января 1917 года⁴ с целью получения поддержки строительства от государства институт был переименован в Уральский горный институт Императора Николая II⁵. Сразу после Февральской революции 1917 года он, хотя официально и не переименовывался, во всех документах начал называться просто Уральским горным институтом. Однако, несмотря на все усилия, здание института так и не было достроено.

9 (22) октября 1917 года состоялось торжественное собрание, посвященное открытию горного института, а на следующий день, 10 октября, в институте начались первые занятия – в зданиях, арендованных временно. В течение 1917–1918 учебного года институт работал при Советской власти, 1918–1919 учебный год – под властью Уральского временного правительства, а потом омского правительства Колчака.

В июле 1919 года, когда Екатеринбург заняли войска Красной Армии, Веймарн с частью преподавателей и студентов уехал во Владивосток. Это был самый необычный период в истории вуза, так как некоторое время существовало два независимых друг от друга Уральских горных института⁶.

¹ Подробнее об этом см. Шорин А. Г. Два года, о которых мы забыли (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.) // Изв. УГГУ. 2016. № 4(44). С. 105–108.

² Подробнее о П. П. фон Веймарне см. Шорин А. Г. Статья о Петре Петровиче фон Веймарне для русской «Википедии» // Изв. УГГУ. 2016. № 2(42). С. 97–100.

³ По старому стилю.

⁴ По старому стилю.

⁵ Подробнее названия вуза в одной таблице, а также фамилии его руководителей см. Поленов Ю. А., Шириханова Н. А. Страницы истории УГИ–СГИ–УГИ–УГГГА–УГГУ // Изв. УГГУ. 2013 № 3(30). С. 75–79.

⁶ Подробнее о вузе во Владивостоке см. Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Изв. УГГУ. 2016. № 3(43). С. 123–127.

Горный институт во Владивостоке потерял самостоятельность в апреле 1920 года, влившись в состав Владивостокского политехнического института, который в свою очередь работал до 1922 года, когда город был занят войсками Красной Армии. Затем он претерпел множество реорганизаций, однако сейчас существует горный факультет, основы которого были заложены уральцами, в составе Дальневосточного федерального университета.

Уральский горный институт в Екатеринбурге в 1919–1920 учебном году существовал как самостоятельный вуз, но уже в следующем учебном году был включен в состав вновь созданного Уральского государственного университета (название того времени – Уралуниверситет, или УГУ⁷). 19 августа 1920 года Горный был разделен на два института: собственно Горный (УГИ) и Политехнический (УПИ), каждый из которых в свою очередь делился на несколько факультетов⁸. В то время предполагалось, что институты в составе Уралуниверситета будут сохранять самостоятельность, и для этого было предпринято много усилий со стороны администрации Горного, однако институты самостоятельности не получили, в результате чего УГИ потерял статус института, превратившись в несколько факультетов в составе университета.

Вопрос о том, насколько Уралуниверситет был сформирован на базе Уральского горного института, остается дискуссионным⁹, однако к маю 1925 года в нем остались действующими всего три факультета, два из которых изначально были сформированы за счет УГИ. То есть проект создания Уральского государственного университета по сути провалился, 15 мая 1925 года Уралуниверситет был упразднен¹⁰ и переименован в Уральский политехнический институт (УПИ)¹¹, где сохранился горный факультет.

Однако вскоре на Урале начался бум развития промышленности, УПИ начал развиваться и строить собственный комплекс зданий. И 23 июля 1930 года он был разделен сразу на 8 институтов: появились Уральский институт черных металлов, Уральский институт цветных металлов, Уральский геологоразведочный институт (на базе геологоразведочного отделения горного факультета), Химико-технологический институт, Уральский механико-машиностроительный институт, Строительный институт, Уральский лесотехнический институт¹² и Физико-механический институт. В сентябре появились еще два института, которые довели общее их число до 10: из Уральского института цветных металлов был выделен самостоятельный Уральский горный ин-

⁷ Позже университет получил аббревиатуру УрГУ и был самостоятельным до 2009 года, когда слился с УГТУ – УПИ. Объединенный вуз сейчас называется Уральским федеральным университетом имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ).

⁸ Подробнее о делении на факультеты мы будем писать ниже, рассказывая об истории зданий, временно использовавшихся Горным.

⁹ Например, первый выпуск журнала «Известия Уральского государственного университета» целиком состоял из статей, подготовленных преподавателями Горного, и даже выходивших отдельными оттисками как журнал «Известия Уральского горного института». Подробнее об этом см. Шорин А. Г. История журнала «Известия Уральского государственного горного университета». Изв. УГГУ. 2016. № 1 (41). С. 152–158.

¹⁰ Вновь восстановлен Уральский государственный университет (уже с аббревиатурой УрГУ) был в 1931 году.

¹¹ Любопытный факт: этот институт постановлением Совнаркома сначала решено было именовать горным институтом и лишь затем переименовать в Уральский политехнический институт (Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 579).

¹² Ныне – Уральский государственный лесотехнический университет.

ститут угольных и нерудных ископаемых (но сначала рудничное отделение горного факультета было передано Уральскому институту цветных металлов и названо горным факультетом), а из Уральского механико-машиностроительного – энергетический институт.

Это слишком громоздкое деление вскоре стало вновь укрупняться¹³, и 5 июня 1932 года Горный вновь стал Уральским горным институтом, объединив Уральский горный институт угольных и нерудных ископаемых с Уральским геологоразведочным институтом. 18 декабря 1934 года вуз стал – уже на долгие годы – Свердловским горным институтом (СГИ).

В 1947 году СГИ стал именоваться Свердловским горным институтом им. В. В. Вахрушева¹⁴, а в 1969 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹⁵ и стал называться Свердловский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева.

В 1991 году вуз (уже в который раз!) стал Уральским горным институтом: полное название – Уральский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева.

С 1993 года институт был преобразован в УГГА – Уральскую государственную горно-геологическую академию.

В 2004 году Горная академия получила статус университета и нынешнее название – Уральский государственный горный университет (УГГУ).

Несбывшаяся мечта (здание, строившееся специально для Уральского горного института)

С 1915 года будущий первый ректор Горного института П. П. фон Веймарн почти до самого начала учебного процесса в вузе имел должность председателя Строительной комиссии, и в его обязанности входило следить за финансированием и строительством здания института. Скажем прямо: это была самая, пожалуй, сложная из его обязанностей, если учесть что с 1915 года, когда он вступил в должность, до июля 1919 года, когда он навсегда уехал с Урала, дважды менялась власть в стране (в феврале и в октябре 1917 года), а в Екатеринбурге – еще чаще (в июле 1918 года город был захвачен Чехословацким корпусом, после чего было создано Уральское временное правительство, в ноябре власть на этой территории перешла к администрации Колчака, а в июле 1919 года снова вернулась Советская власть). В итоге здание так и не было достроено, и в конце концов пошло под снос...

Но каким оно задумывалось и где строилось?

¹³ Например, шесть институтов были снова объединены в Уральский индустриальный институт (УИИ), который в 1948 году вновь был переименован в Уральский политехнический институт – УПИ (ныне – УрФУ).

¹⁴ Василий Васильевич Вахрушев был первым министром (наркомом) угольной промышленности СССР. Скончался в январе 1947 г. К горному институту Вахрушев никакого прямого отношения не имел, но это не имело в то время особого значения: в его честь было названо много объектов, в том числе, например, шахтерский город на Украине, а в Свердловской области его имя носил трест «Вахрушевуголь» в г. Карпинске. Возле современного первого здания УГГУ сохранился памятник-бюст В. В. Вахрушева (скульптор Н. В. Томский).

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1969 года под номером 3862-VII о награждении института «за большие заслуги в подготовке специалистов для народного хозяйства и развитии научных исследований» подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный и Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе.

Для проектирования этого здания Веймарн выбрал двух архитекторов – братьев Бернардацци: архитектора-художника Александра Александровича и архитектора-строителя Евгения Александровича. Несмотря на свою фамилию (их предки были родом из Швейцарии), это были известные русские архитекторы в третьем (!) поколении, их дед (тоже с братом) участвовали еще в строительстве Исаакиевского собора и перестройке Аничкова дворца. А. А. Бернардацци проектировал «дом-сказку»¹⁶ в Петербурге и занимался реконструкцией здания Министерства народного просвещения. И уже вместе с братом они перестраивали под институт (тоже, кстати, горный) здание Екатеринбургского высшего горного училища.

Проект здания Уральского горного института предполагал 3410 кв. саженей полезной площади¹⁷ при высоте потолков не менее 3 саженей¹⁸. В плане здание представляло собой подкову (половину дуги окружности), концы которой соединялись главным корпусом. Два этажа. Центральная часть – десятиколонный портик¹⁹. С учетом портика «подкова» здания, если смотреть сверху, могла напоминать перстень с печаткой. Главный корпус вмещал в себя огромный конференц-зал, аудитории, чертежную, канцелярию, кабинет ректора и пр. В левом крыле здания была спроектирована горнозаводская лаборатория, в правом – химическая.

В общем это должно было быть ультрасовременное – по тем временам – здание, построенное специально для вуза. Проект его был закончен к началу 1916 года.

Место для строительства института было выбрано за городской чертой Екатеринбурга, недалеко от Омской железной дороги, причем для доставки стройматериалов пришлось провести к месту строительства специальную железнодорожную ветку, а позже предполагалось пустить туда трамвайную линию²⁰. Это был лесной участок за Главным проспектом (ныне – проспект Ленина), неподалеку от парка Зеленая роща²¹. Возле института предполагалось разбить собственный парк с прудом перед главным корпусом. Неподалеку должен был быть построен жилой дом для преподавателей. Любопытно, что для постройки всего этого комплекса пришлось даже вносить изменения в генеральный план строительства города. В итоге должен был вырасти университетский городок по примеру европейских.

Современная привязка того места, где строилось главное здание, – площадь Кирова, напротив современного главного здания УрФУ (ранее УГТУ – УПИ).

Подрядчиком строительства был выбран Я. Я. Эспозито – итальянец, скульптор по профессии. Причина, по которой стали приглашать человека со стороны, в том, что местные подрядчики так завысили цены, что от них пришлось отказаться, а итальянец смог предложить более выгодные условия (хотя отчаянно торговался: остались сведения, что его пришлось долго уговаривать взяться за эту работу). Есть сведения,

¹⁶ Это великолепное здание 1909–1910 года постройки было разрушено в 1942 году во время бомбежек Ленинграда. Подробнее см. Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 170.

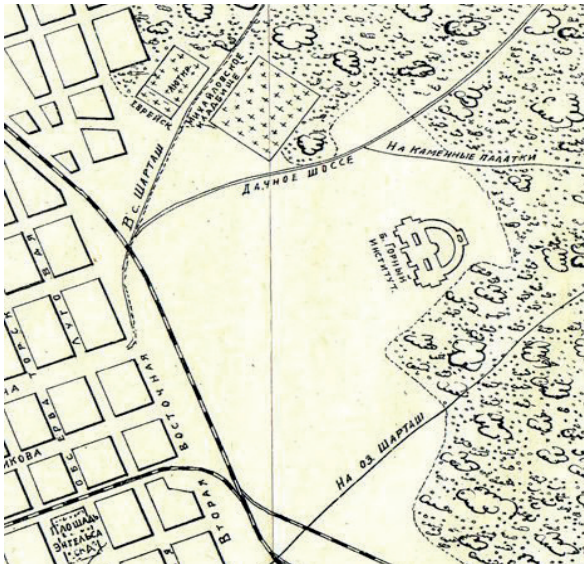
¹⁷ 15 345 м².

¹⁸ 6,5 м.

¹⁹ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 619.

²⁰ Вопрос о трамвайных линиях в Екатеринбурге обсуждался еще с конца XIX века, но фактически трамваи появились только на улицах уже советско-го Свердловска – в ноябре 1929 года.

²¹ Не путать с современным парком Зеленая роща, который тогда назывался Монастырским кладбищем. Старый парк Зеленая роща представлял собой большой кусок соснового бора за улицей 2-й Восточной (ныне – просто Восточная), за полотном железной дороги. Сегодня от этого парка остался только кусочек – это дендрологический парк-выставка на ул. Первомайской.

Бывший Горный институт на карте города 1924 года

Остатки фундамента Горного института возле УГИ (снимок сделан на легкоатлетической эстафете в начале 1950-х годов)

Дом-сказка в Санкт-Петербурге (фото начала XX века)

Эскиз проекта здания Горного института

Недостроенное здание Горного (фото 1920-х годов)

Строительство главного корпуса УПИ (снимок 1930-х годов)

Современное здание главного корпуса УрФУ (бывший главный корпус УПИ). На месте бывшего здания Горного института сейчас стоит памятник С. М. Кирову. Фото автора

что для удешевления сметы при рытье котлованов и траншей использовались военнопленные, жившие в бараках на месте строительства.

Торжественная закладка здания Горного института (в лесу, на очищенной площадке, которую украсили флагами) состоялась 17 июля 1916 года.

К осени 1917 года, когда по плану начинались занятия в институте, здание так и не было закончено. «Надорвались мои силы», – писал позже Веймарн, вспоминая о годах, отданных на выполнение этой задачи. Но в итоге, несмотря на все эти усилия, институт пришлось открывать в разных временных помещениях, о которых удалось договориться.

Тем не менее часть «коробки» главного здания была построена примерно на 40 процентов: двухэтажные корпуса южной и частично западной сторон здания, где даже стены уже были оштукатурены, но не было пола²² и отопления, а остекление окон – лишь частично. В начале 1918 г. новая власть упразднила Строительную комиссию, отказалась от услуг Эспозито в качестве подрядчика, и строительство было передано Деловому совету, подконтрольному выборным рабочим. К началу летнего сезона удалось худо-бедно продолжить строительство, но тем временем власть в Екатеринбурге снова поменялась – город был захвачен Чехословацким корпусом. Все работы по строительству были прерваны.

С июля по ноябрь 1918 года власть в Екатеринбурге принадлежала Уральскому временному правительству, с ноября – Омскому правительству Колчака. И с тем и с другим правительствами ректор УГИ Веймарн сотрудничал, пытаясь получить финансирование и на функционирование института, и на продолжение строительства. Функционирование института поддерживать удалось, а вот строительство – нет²³.

Недостроенное здание горного института, которое так никогда и не использовалось по прямому назначению, то есть для учебных занятий, с осени 1918 года, по распоряжению городской управы, начало использоваться для расквартирования войск. Произошло это при Уральском правительстве. Веймарн пытался протестовать, и его поддержала Городская дума, однако военные не подчинились решению думы и недостроенный институт превратился в казармы. Впрочем, вполне возможно, что частично стройка все-таки контролировалась институтом: по крайней мере, когда в декабре одно из деревянных помещений (кучерская) вблизи стройки загорелось от неумеренной топки печи, ущерб оплачивался из средств института.

Точно известно, что из «белых» в этом здании в 1919 году квартировали аненковцы²⁴, которые остались очень недовольны пребыванием там: «...3-й Сводный Партизанский полк дивизии атамана Аненкова расположен в Горном институте, – рапортовал Переведенцев. – Помещение сырое, недостроенное, без окон; сильно сквозит, кругом лес – сыро, холодно. А солдаты ничего не имеют, кроме летних рубашек. Ночью спать невыносимо. Сидят у костров. Появилось много заболеваний простудой»²⁵.

Так же точно, как при «белых», при возвращении советской власти здание стало использоваться под казармы и склады (несмотря на то, что уже новое руководство института, без Веймарна, ходатайствовало о продолжении строительства). Последняя попытка администрации Горного института возобновить строительство здания

²² Позже, когда здание использовалось для расквартирования войск, полы настелили.

²³ Удалось утвердить продолжение строительства в правительстве Колчака, но случилось это только к концу июня 1919 года, когда к городу уже подступала Красная Армия, поэтому продолжить строительство не удалось.

²⁴ Борис Владимирович Аненков – атаман Сибирского казачьего войска, командующий Отдельной Семиреченской Армии. Аненковцы принимали активное участие в Гражданской войне на стороне «белых».

²⁵ Шульдяков В. А. Выдвижение резервов Партизанской дивизии атамана Б. В. Аненкова на Восточный фронт (апрель–июль 1919 года) // Сибирь: вчера, сегодня, завтра (Первые Ермаковские чтения): материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 165–171.

была предпринята в 1919 году²⁶ – уже новым составом администрации, после отъезда Веймарна с частью преподавателей во Владивосток. В ноябре советом института была создана комиссия содействия строительству, но решить вопрос о продолжении строительства комиссии так и не удалось.

В итоге здание пришло почти в полную негодность: «...в начале декабря (1920 года) сгорела законченная часть постройки Горного института за городом, где временно была расквартирована часть 36 запасного пехотного полка. Сгоревшая часть не представляла собой и одной пятой всего проектируемого здания, но при современном кризисе в строительных материалах и при чрезвычайно остром жилищном кризисе в городе Екатеринбурге уничтожение всякого помещения является невознаградивой утерей»²⁷.

Далее были попытки – уже руководства Уралуниверситета – возобновить строительство, но вялые, и они ни к чему не привели. В 1925 году новые попытки возобновить строительство поступали уже от УПИ. И снова безрезультатно.

Вспомнили всерьез о здании Горного лишь в 1927 году, когда по итогам работы комиссии СНК РСФСР вышло специальное постановление правительства о возведении здания для Уральского политехнического института. Предполагалось (и даже рекомендовалось) использовать в проекте недостроенное здание Горного института. Был объявлен конкурс. Прекрасный проект, куда вписывалось это здание, поступил из Парижа, однако первое место получил проект московского архитектора С. Е. Чернышева, который оказался дешевле, а он-то как раз не предполагал использование старого здания. В итоге из-за занятости Чернышева проектирование было поручено мастерской № 2 Московского архитектурного института, возглавляемой Г. Я. Вольферзоном. В 1929 году постановлением Уралоблисполкома уже местным архитекторам К. Т. Бабыкину, А. В. Горшкову, А. П. Уткину и А. В. Кацу было поручено образовать управление по возведению Втузгородка. В итоге архитекторами главного здания УПИ считаются Вольферзон и Уткин.

Недостроенное здание Горного института, так и не использованное по прямому назначению, продолжало разрушаться, да еще и заслоняло собой фасад главного здания УПИ. Тем не менее одну из башен использовали для размещения лаборатории Уральского физико-технического института. Сотрудники шутливо называли это помещение «Башней Тамары», поскольку она была похожа на древние грузинские крепостные сооружения времен этой царицы²⁸.

В конце концов было принято решение остатки здания взорвать. Однако даже будучи взорванным, недостроенный корпус продолжал портить вид на УПИ, и окончательно эти развалины убрали лишь в 1950-е годы, когда по проекту архитектора Г. В. Шауфлера была перепланирована и благоустроена площадь напротив УПИ, получившая имя С. М. Кирова. В 1983 году в ее центре был установлен и памятник Кирову.

Сейчас о том, что на этой площади когда-то стояло здание горного института, вспоминают лишь при проведении подземных работ (например, при прокладке те-

²⁶ Подробнее см. Масленникова В. М. К истории Свердловского горного института (подг. Ю. А. Поленов) // Изв. УГГУ. 2014. № 2(34). С. 84–89.

²⁷ Главацкий М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. С. 185.

²⁸ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 636.

Здание городской думы (фото начала XX века)

Нынешний вид здания, в котором сейчас расположен Свердловский областной краеведческий музей и Министерство культуры Свердловской области. Фото автора

плотрассы), когда обнаруживают фрагменты старого фундамента. И еще малоизвестный факт: колонны главного здания УПИ (ныне УрФУ) – это своеобразная дань архитектора С. Е. Чернышева братьям Бернардацци: он тоже использовал в своем проекте портик, так что облик старого здания получился узнаваемым²⁹.

Во время становления вуза (здания, временно использовавшиеся Горным институтом)

Указ об учреждении в Екатеринбурге горного института был подписан в 1914 году, однако Строительная комиссия, которую возглавил будущий первый ректор института, была создана лишь в следующем году, поэтому летопись помещений, относящихся к Горному, тоже начинается с 1915 года.

Здесь и далее будет рассказано о тех зданиях, где либо размещался Горный институт, либо принимались какие-то важные решения, определяющие его судьбу.

1915–1917 годы

Городская дума. В здании Городской думы проходило первое заседание Строительной комиссии под председательством Веймарна сразу после его приезда в Екатеринбург – в начале ноября 1915 года.

Здание Городской думы в то время располагалось на Покровском проспекте (ныне – ул. Малышева). Здание построено в конце XVIII–начале XIX века на средства городских купцов и мещан.

Изначально оно построено в духе классицизма «казенных зданий». В 1870-е гг. на главном фасаде снесли портик, а на его месте сделали пристрой с балконом. В 1890–1900 гг. была новая реконструкция, в 1910–1913 годах появился пристрой к восточному фасаду, выполнявший роль вестибюля, который был снесен уже в начале 1990-х годов в результате новой реконструкции.

С начала XIX века в здании располагались: городской магистрат, Городская дума, сиротский и словесный суды, мещанская управа и архивы этих учреждений. С начала XX века часть помещений снимались под городской общественный банк и магазин. После 1920 года в здании размещался уездно-городской отдел коммунального хозяйства. С конца 1940-х и до начала 1990-х годов здесь располагался один из факультетов Свердловского педагогического института, в годы Великой Отечественной войны – эвакуированный из Москвы завод № 217, который в 1966 году переименован в Уральский оптико-механический завод. С марта 1994 года в здании разместилось Управление культуры Свердловского облисполкома (Департамент культуры Правительства Свердловской области, с 1998 года – министерство культуры Свердловской области), второй этаж занимает Свердловский областной краеведческий музей. Современный адрес – ул. Малышева, 46.

Из людей, присутствовавших на первом заседании Строительной комиссии под председательством Веймарна, наибольшую роль в открытии Горного института сыграл последний городской глава Екатеринбурга дореволюционного времени Александр Евлампиевич Обухов. Он был и одним из инициаторов приглашения Веймарна (осенью 1915 года он даже специально приезжал к Веймарну в Петербург, чтобы убедить его принять это предложение) и потом поддерживал все его начинания, связанные с открытием института. В 1917 году после Февральской революции Обухов не был переизбран и отошел от активной общественной деятельности, но Горному продолжал

²⁹ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 635.

Дом Барабошкина (фото начала XX века)

На месте дома Барабошкина, который был снесен, построено большое здание завода ОЦМ, однако кирпичное здание аффинажного завода сохранилось (см. на фото справа). Фото автора

помогать по мере сил. Уехал из Екатеринбурга одновременно с Веймарном в 1919 году. Жил в эмиграции. Похоронен в 1948 году на русском кладбище Гонконга³⁰.

Дом Барабошкина. По приезде в Екатеринбург Веймарн поселился не в гостинице, а выбрал в качестве квартиры дом своего старого товарища по Петроградскому горному институту Николая Николаевича Барабошкина, расположенный по адресу Главный проспект, 8. Дом этот стал и местом проживания Веймарна, и первым (временным, примерно на месяц) месторасположением канцелярии Строительной комиссии – будущей канцелярии горного института.

Небольшой полукаменный двухэтажный дом, в котором остановился Веймарн, не выглядел примечательным, однако еще в начале 1870-х годов именно в нем открыл первое в Екатеринбурге фотоателье Иван Акинфиевич Терехов – первый собственный фотограф в городе, который стал составлять конкуренцию заезжим фотомастерам. О нем известно, что он был к тому же активным членом знаменитого УОЛЕ – Уральского общества любителей естествознания, участвовал в московских и международных выставках. К сожалению, уже через несколько лет на пике мастерства и славы он умер. Несмотря на то что дело продолжил его брат, создавший «Фотографию А. Н. Терехов и Сын», ныне эта фамилия почти совсем нами забыта.

Не менее примечательной личностью был и сам институтский товарищ Веймарна – Н. Н. Барабошкин, недаром сегодня его называют «отцом русского аффинажа». Уроженец Петербурга, Барабошкин блестяще окончил там в 1914 году Горный институт (его дипломная работа была удостоена премии К. И. Лисенко), а на Урал уехал чтобы внедрить в жизнь свое изобретение – способ переработки золото-сурьмяных руд. Также разработал способ добычи платины из руд методом аффинажа, который впоследствии получил название «серноокислый метод Барабошкина–Клауса». На Урал он приехал тоже в 1915 году, но к приезду Веймарна уже не только обзавелся домом, но и начал строить рядом с этим домом здание аффинажного завода, который был достроен и пущен в эксплуатацию в 1916 году.

Несмотря на занятость собственным делом, Барабошкин принимал самое активное участие в открытии Горного института еще на стадии проектирования и строительства, а затем стал преподавать в нем. Однако начиная с июля 1918 года пути Веймарна и Барабошкина разошлись. В литературе до сих пор можно встретить версию, что «при приближении белых войск к Екатеринбургу часть студентов во главе с проф. Н. П. Гориным и преподавателем Н. Н. Барабошкиным ушли в Красную Армию защищать Советскую власть»³¹. На самом деле ситуация была куда прозаичнее: летом 1918 года Барабошкин уехал в Москву по делам института, а тем временем Екатеринбург был захвачен войсками Чехословацкого корпуса³². Именно это обстоятельство коренным образом изменило судьбу Барабошкина: в 1919 году, уже после возвращения в Екатеринбург Советской власти, он вернулся в Горный институт и стал в нем профессором. Помимо этого стал уже советским директором ранее принадлежавшего ему аффинажного завода, позже переименованного в Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов (завод ОЦМ). К 1930 году Барабошкин стал уже крупным со-

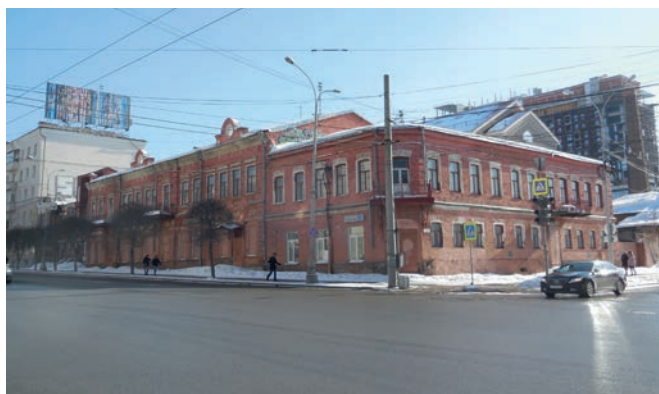
³⁰ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 667–668.

³¹ Урал. гос. ун-т (отдельный оттиск) из юбилейного сборника Екатеринбургского городского совета Р. и КД «Екатеринбург за двести лет». Екатеринбург: Уралкнига, 1923. С. 6.

³² Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 242.

Вид на Покровский проспект (ныне – ул. Малышева), где виден дом Полякова. Фото начала XX века

*Современный вид дома Полякова.
Фото автора*

ветским ученым с несколькими внедренными изобретениями (занимался, например, переработкой медеэлектролитных шлаков) и занял пост директора НИИ цветных металлов. Умер в 1935 году. Его имя было увековечено на мемориальной доске в УПИ (ныне – УрФУ).

Дом по Главному проспекту, 8, которым владел Барабошкин в 1915 году, до наших дней не сохранился, на его месте был построен главный корпус завода ОЦМ. Однако сохранился построенный им в 1916 году корпус аффинажного завода – это один из производственных корпусов завода ОЦМ. Его современный адрес: просп. Ленина, 8.

Дом Полякова. В декабре 1915 года после второго по счету утвержденного плана постройки здания Горного института из министерства в Петрограде на депозит председателя строительной комиссии П. П. фон Веймарна поступило 12 тысяч рублей – на содержание канцелярии и личного состава института. Так впервые появилась возможность арендовать здание для институтской канцелярии. Для этих целей был выбран дом, принадлежавший кондитерскому фабриканту Х. П. Полякову³³ на Покровском проспекте (ныне – ул. Малышева).

Каменный доходный дом, построенный в 1880-х годах на углу Покровского проспекта и 2-й Береговой улицы (ныне ул. Максима Горького³⁴), изначально принадлежал наследникам мещанина П. М. Рукавишника и состоял из каменного дома, флигеля и служб. В конце XIX века здесь располагались магазин мужского платья с мастерской К. Асташева, фруктовый погреб З. Хисамутдинова, «гармонная» мастерская С. Ф. Захарова и прачечная. Позже вдоль Покровского проспекта к угловому зданию был пристроен второй (основной) корпус доходного дома.

В начале 1900-х годов владельцем дома стал купец И. А. Бабушкин, который сдавал его под магазин Р. Р. Штроля, который вел торговлю велосипедами, швейными

³³ Х. П. Поляков – екатеринбургский фабрикант еврейского происхождения, небольшая «конфетная» фабрика которого стала потом предтечей современной кондитерской фабрики «Конфи». Любопытно, что сын этого фабриканта Михаил Харитонович, которому в 1915-м был 21 год, в 1918 году вступил в РКП(б) и даже стал членом коллегии НКВД, а позже был управляющим советским правительством Крыма. В конце 1930-х годов репрессирован и расстрелян, в 1956 году посмертно реабилитирован.

³⁴ Ул. 2-я Береговая в начале 1920-х годов была переименована в ул. Рабочего Загвозкина (одного из екатеринбургских большевиков). Ул. Максима Горького, появившаяся в начале 1930-х годов, объединила в себе ул. Рабочего Загвозкина, Механическую улицу и Набережную Труда (бывш. Тарасовскую набережную).

машинками, резиновыми изделиями и пр., также там располагались колониальный и гастрономический магазины Ф. С. Гусева, «восточный» магазин Исамухамедова, магазин часов и золотых вещей И. Г. Крумнас.

В собственность фабриканта Х. П. Полякова дом перешел в 1910 году. Сюда он перевел свое кондитерское заведение, превратившееся в фабрику. Поляков также сдавал помещения под магазины и акционерному обществу «Кровля».

Дом сохранился до нынешнего времени. Современный адрес: ул. Малышева, 58/37. В советское время в доме размещались разные учреждения, в том числе и образовательные (техникум дизайна и сервиса, институт развития образования). В 1924–1926 годах дом был достроен специально для фотоателье (ул. Малышева, 58а).

Под Строительную комиссию Горного института с 1915 года там снималось небольшое помещение, где изначально помещались лишь делопроизводитель, бухгалтер, смотритель по материальной части и машинистка. Там до 1917 года располагался рабочий кабинет Веймарна.

1917–1918 учебный год

В 1917 году начались занятия в Уральском горном институте. Проходили они в арендованных зданиях, разбросанных по всему городу.

Первая городская публичная библиотека им. В. Г. Белинского. Это здание очень важно для истории Горного, потому что именно здесь 9(22) октября 1917 года состоялось открытое заседание Совета института и Строительной комиссии под председательством Веймарна, посвященное началу занятий в институте.

Каменный двухэтажный дом на Вознесенском проспекте (ныне – ул. Карла Либкнехта) строился с 1804 по 1809 годы как городская усадьба купца М. К. Борчанинова. В 1875 году наследники Борчанинова продали здание земской управе, и с 1899 года здесь находилось мужское начальное училище им. А. С. Пушкина. Однако в 1915 году для этого училища было построено собственное здание, а в особняк было решено перевести публичную библиотеку им. В. Г. Белинского.

Городская публичная библиотека открылась в Екатеринбурге еще 26 мая 1899 года³⁵, однако размещалась она в различных арендованных зданиях, бывший особняк Борчанинова стал первым собственным зданием этой библиотеки. Для этого городской архитектор А. А. Федоров выполнил проект перестройки здания, а технической частью проекта занимался архитектор К. Т. Бабыкин. Открытие же библиотеки в собственном здании состоялось в октябре 1916 года – всего за год до начала занятий в Уральском горном институте.

При Советской власти библиотека сохранила за собой имя В. Г. Белинского и стала окружной, затем областной. В 1925 году в здании были установлены бюсты В. Г. Белинского, Ф. М. Решетникова и Д. Н. Мамина-Сибиряка работы В. А. Алмазова. В 1960 году библиотека переехала в новое здание по ул. Белинского, 15. Ныне это крупнейшая в регионе Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского.

В старом здании библиотеки стала работать детская библиотека. Ныне это Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В. П. Крапивина. Современный адрес здания – ул. Карла Либкнехта, 8.

В 1917–1918 учебном году читальный зал библиотеки использовался Уральским горным институтом для проведения лекций.

³⁵ По старому стилю.

*Здание городской библиотеки им. В. Г. Белинского (здание справа).
Фото начала XX века*

*Современный вид здания. Ныне в нем находится областная библиотека для детей
и молодежи им. В. П. Крапивина. Фото автора*

Любопытно, что уже в 1919 году (а в то время эта библиотека уже не имела отношения к Горному), когда в Екатеринбург впервые³⁶ приехал поэт Владимир Маяковский, на выступлении поэта перед студентами горного института к нему с вопросом обратилась пожилая женщина-библиотекарь. Она безапелляционно заявила: «Непонятно и трудно читать ваши стихи. Вот поэзия Серёжи Есенина проста и понятна». Маяковский ответил на это очень обстоятельно: «Во-первых, одинаковых поэтов нет и не надо. Каждый пишет в своей манере, в своем стиле, избранном им. А во-вторых, к чему такое амикошонство? Есенина некоторые из вас называют «Серёжа», «Серёженька», «Серёжка». Вы этим унижаете поэта. Надо понять, что нет в поэзии Серёжки Есенина, а есть прекрасный поэт Сергей Есенин...»³⁷. Известно, что после этого разговора он посетил библиотеку, где, видимо, разговор о поэзии был продолжен.

Здание мужской гимназии. Здание, принадлежавшее в 1917 году мужской гимназии Екатеринбурга, расположенное на Главном проспекте (ныне – просп. Ленина) изначально строилось для Уральского горного училища (о нем мы подробнее расскажем позже), которое в 1840-х годах стало ведущим учебным заведением края по подготовке специалистов горного дела. В 1847 году был образован строительный комитет, работавший изначально по планам архитектора М. П. Малахова. Строительство здания началось в 1849 году и было завершено в 1852 году уже по проекту архитектора К. Г. Турского. Официальное открытие состоялось в 1853 году.

В 1855 году Александр II разрешил открыть в Екатеринбурге гимназию широкого профиля, которая разместилась на втором этаже горного училища.

До открытия вузов в Екатеринбурге мужская гимназия считалась самым элитным учебным заведением города, где учились многие дети тогдашней элиты. Также в этом здании зародилось Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), правопреемником которого сейчас считается областной краеведческий музей.

В 1861 году гимназия получила новое имя – мужская гимназия Его Императорского Величества Александра II, а в 1877 году здание полностью передано этой гимназии.

Студенты Уральского горного института в 1917–1918 годах занимались практическими занятиями по черчению в гимнастическом корпусе гимназии, который был построен в восточной части участка уже много позже основного здания – по проекту архитектора К. Т. Бабыкина (строился с 1912 по 1914 год). Любопытно, что после Фев-

Здание мужской гимназии (справа – одноэтажный гимнастический зал). Фото начала XX века

Современный вид здания, ныне это гимназия № 9 (гимнастический зал сохранился). Фото автора

³⁶ Более известен его приезд в 1928 году уже в Свердловск.

³⁷ Вечерний Свердловск. 1988. 26 января.

ральской революции именно гимнастический зал использовался для политических собраний: именно здесь 4 мая 1917 года Екатеринбургский Совет большинством голосов принял предложенные большевиками резолюции о войне и о недоверии Временному правительству³⁸, а 1 сентября того же года – митинг забастовщиков, состоявшийся по призыву II областного съезда Советов³⁹.

Любопытно, что весной 1919 года, когда Екатеринбург был под властью Колчака, в один из его визитов сюда ему предложили остановиться именно в здании гимназии. Он спросил: «А дети где?». Ему ответили: «Учатся». Тогда он сказал: «Ну и пусть учатся, а мне найдите другое здание».

В том же 1919 году, но уже после восстановления Советской власти, гимназию у детей все-таки забрали: здесь разместился штаб Красной гвардии. А с 1920 года – правление Пермской железной дороги.

Дети вернулись в это здание лишь восемь лет спустя, когда здесь разместили сразу три школы: № 2 имени Горького, № 12 имени Тургенева и № 129 имени Бубнова. А школа № 9 (будущая знаменитая «девятка») здесь появилась лишь в 1937-м, ее образовали от слияния школ № 129 и № 43. С ней история тоже любопытная: новая школа № 9 должна была открыться в новом здании на ул. 9 января, 51а (ныне – ул. Бориса Ельцина), но к 20-летию Октября (7 ноября 1937 года) здание достроить не успели, однако, так как Сталину уже было сообщено телеграммой об открытии новой школы, то она и «открылась», но до января 1938 года дети из «девятки» учились в здании бывшей гимназии.

В годы Великой Отечественной войны город стал сильно нуждаться в госпиталях, и здания на ул. 9 января отдали под госпиталь, а школу-«девятку» перевели сначала в здание по просп. Ленина, 13, а в 1943 году – уже в здание бывшей мужской гимназии. Тогда казалось, что временно, но школа так и осталась здесь после войны.

В 1991 году школа-«девятка» стала гимназией № 9. В 2006–2007 годах здание гимназии было реконструировано, в частности, внутренний дворик стал помещением – хореографическим залом, а в целом бывшая П-образная постройка оказалась замкнутой в прямоугольник. Адрес гимназии № 9 – просп. Ленина, 33.

Воскресенская школа. Земская школа строилась в 1910–1911 годах на восточном склоне Воскресенской горки под руководством городского архитектора И. К. Янковского. Из-за особенности постройки на горе левая часть П-образного здания имела один этаж, правая – два. Еще до окончания строительства в Городскую Управу поступило ходатайство от церковно-приходского попечительства при градо-Екатеринбургской Вознесенской церкви продать недостроенное здание под церковно-приходскую школу. Ходатайство было удовлетворено, поэтому школа хотя и строилась как земская (и именно так отражена во всех справочниках), на деле же была церковно-приходской, где учились около ста детей, поэтому в просторечии ее никогда не называли земской, а просто Воскресенской. В советское время там размещалась школа-семилетка, затем – музыкальная школа.

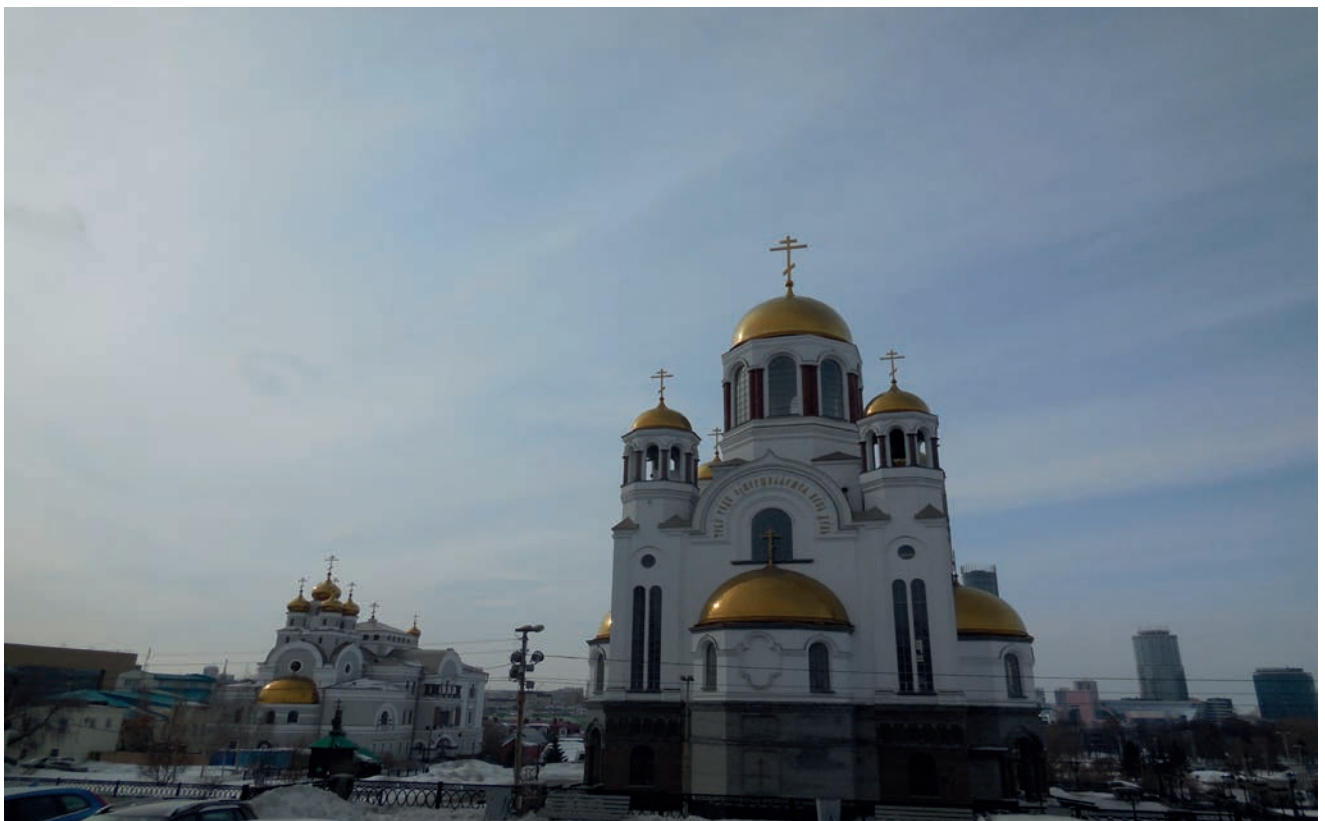
С 1980 года здание было признано объектом культурного наследия. Однако относительно недавно оно стало объектом пристального внимания СМИ из-за его сноса: в 2008 году часть здания была снесена из-за строительства административного здания

³⁸ Неверов Л., Владимирский Д. Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области. Свердловск: Свердлов. кн. изд-во. 1962. С. 35.

³⁹ Там же. С. 38.

Вид на дом Ипатьева (внизу справа) с Воскресенской горки. Фото начала XX века

Современный вид с Воскресенской горки на Храм-на-Крови

с подземной парковкой – несмотря на протесты жителей окрестных домов и настоятеля Вознесенской церкви. После начала сноса поднялась общественность уже всего Екатеринбурга, и снос удалось остановить (осталась часть фасада). Дело о правомерности сноса рассматривалось в судах, однако в мае 2010 года в здании случился пожар, практически окончательно уничтоживший остатки этого памятника архитектуры. Последний адрес здания: ул. Клары Цеткин, 13а.

Исторически сложилось, что Вознесенская горка – одно из самых известных мест города. В 1735 году там построил себе дом один из основателей Екатеринбурга Василий Татищев. Храм («новый деревянный») там был построен в 1770 году, а в 1792 году там был заложен каменный храм, который к началу XX века имел шесть приделов и считался одним из крупнейших в Екатеринбурге. Рядом – знаменитая усадьба Расторгуева–Харитоновна, которую начали строить одновременно с закладкой каменного храма, сейчас она – памятник архитектуры федерального значения. Поблизости – не менее знаменитый Харитоновский парк, который в начале XX века регулярно использовался для народных гуляний как городской парк. Еще когда открытие Горного института в Екатеринбурге было в планах, одним из вероятных мест для его размещения был особняк Расторгуева–Харитоновна, однако ни тогда, ни позже это здание так не использовалось Горным.

Здание Воскресенской школы было арендовано горным институтом в 1917–1918 учебном году: там расположились канцелярия (а значит, и кабинет Веймарна), библиотека и мастерские по ремонту физических и геодезических приборов.

Любопытно, что начиная с конца апреля 1918 года именно Вознесенская горка стала важнейшим военно-политическим объектом. Дом инженера Ипатьева⁴⁰, который на время стал Домом особого назначения (начиная с 17 (30) апреля 1918 года в нем содержалась семья последнего императора России Николая Романова вплоть до расстрела всей этой семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 года⁴¹), был совсем не виден любому наблюдателю вблизи – из-за построенного вокруг него двойного забора, зато с Воскресенской горки просматривался как на ладони. Именно поэтому, кстати, на колокольне Вознесенской церкви был установлен пулемет, направленный в сторону этого дома – на случай, если Романовых попытаются освободить силой. Примерно в это время Горный институт «попросили» из здания Воскресенской школы.

⁴⁰ Кстати говоря, Николай Николаевич Ипатьев был членом Строительной комиссии Горного института, и Веймарн упоминает его в числе тех, кто помогал в разработке технической документации при строительстве здания, был преподавателем в Горном институте. После того как дом этого инженера стал печально известным из-за расстрела в нем семьи Романовых, он отказался в нем жить. Из России Ипатьев эмигрировал в 1919 году и жил в Чехословакии. Похоронен в Праге. Сам дом Ипатьева в Екатеринбурге не сохранился (был снесен в 1977 году), на его месте с 2003 года стоит Храм-на-Крови.

⁴¹ Любопытные сведения об этом расстреле неожиданно можно обнаружить, листая книгу «Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области» (Л. Неверов, Д. Владимирский. Свердловское книжное издательство. 1962. С. 21.). Выдержка: «Старейший коммунист П. З. Ермаков рассказывал о существовавшей еще в 1906 году в Екатеринбурге подпольной школе боевиков (...) Практические занятия проводились далеко за городом, возле деревни Коптяки». Этот текст можно оценить только зная, что именно туда повезли тела царской семьи, а Ермаков – один из участников расстрела. Получается, что тела повезли не абы куда: места эти были хорошо известны бывшим подпольщикам еще с 1906 года.

Здание бывшей Воскресенской школы. Фото середины XX века

Современный вид полуснесенного здания Воскресенской школы. Фото автора

Золотосплавочная лаборатория. Уральская золотосплавочная химическая лаборатория – это комплекс, состоящий из лабораторного корпуса и жилого дома. Двухэтажный каменный жилой дом был построен во второй половине XIX века по проекту архитектора К. Г. Турского на углу Тарасовской набережной (ныне ул. Максима Горького) и Клубной (сейчас ул. Первомайская). Лаборатория – здание со стороны набережной.

Лаборатория была построена во время уральской «золотой лихорадки» XIX века, когда старатели золото здесь мыли повсеместно, в том числе на реке Исеть прямо в черте Екатеринбурга. Даже существует городская легенда о том, что каждый новый добытый пуд золота отмечали выстрелом пушки с пруда, и иной раз пушка стреляла по несколько раз в день.

Лаборатория стала нужна для обогащения руды, когда чистый золотой песок и самородки уже стали редкостью. Здесь же все добытое золото превращали в слитки, которые потом отправляли в государственную казну. С каждого слитка лаборатория брала пробу на чистоту металла и проставляла его точный вес. Лаборатория стала местной достопримечательностью, куда любили водить разных важных гостей города (например, в 1887 году ее посетил великий князь Михаил Николаевич Романов).

В 1917–1918 учебном году эту химическую лабораторию, которая находилась в ведении Уральского горного управления, позволили использовать Горному институту для практикума студентов.

Любопытно, что в золотосплавочной химической лаборатории была собственная электрическая станция, правда, в нерабочем состоянии. Однако член академической коллегии УГИ Трофим Титович Усенко⁴² сумел отремонтировать эту электростанцию и даже организовать для студентов небольшую лабораторию по изучению теплотехники.

В советское время дом при лаборатории стал коммунальной квартирой, а сама лаборатория принадлежала институту «Уралцветмет».

В 1930-е годы в этот квартал собирались перенести библиотеку им. В. Г. Белинского и даже построили для нее красивое здание с колоннами (ул. Максима Горького, 17), однако началась Великая Отечественная война, и вместо библиотеки там разместился эвакуированный московский завод № 214 по производству авиационных приборов, ныне – Уральский приборостроительный завод.

Здание золотосплавочной химической лаборатории сохранилось до наших дней, хотя и находится сейчас в ветхом состоянии. Современный адрес: ул. Максима Горького, 15/Первомайская, 1.

1918–1919 учебный год

Период с июля 1918 по июль 1919 года в Екатеринбурге не было советской власти: город захватили войска Чехословацкого корпуса, и здесь сначала было образовано временное областное правительство Урала, а затем (в ноябре) власть перешла к омскому правительству Колчака. Это был период попытки возвращения к той жизни,

⁴² Рассказывая о периоде работы Горного в 1917–1919 годах (Шорин А. Г. Два года, о которых мы забыли (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.) // Изв. УГГУ. 2016. № 4(44). С. 105–108), мы упоминали о том, что М. О. Клер был единственным преподавателем Горного, который в 1919 году уехал во Владивосток, но затем снова вернулся в Екатеринбург. Оказывается, вернувшихся было двое, второй – Т. Т. Усенко. Однако, в отличие от М. О. Клера, о судьбе Усенко по возвращении почти ничего не известно, скорее всего, его очень быстро «пустили в расход» как контрреволюционера.

*Золотосплавочная лаборатория в начале XX века.
Фото С. Прокудина-Горского*

*Современный вид здания золотосплавочной лаборатории.
Фото автора*

которая была после Февральской революции, только без большевиков. Уральский горный институт продолжал работать.

Еще в апреле 1918 года канцелярию Горного «попросили» из Вознесенской школы (см. выше), и она разместилась в Золотосплавочной лаборатории, о которой мы тоже уже рассказывали. Она размещалась там в течение всего этого учебного года. Также Горный лишился лекционного зала в библиотеке им. В. Г. Белинского – помещение было передано под госпиталь.

Собственное здание УГИ так и не было достроено, поэтому для учебных занятий и собраний вновь пришлось использовать различные съемные помещения. В итоге практические занятия студентов проходили в золотосплавочной химической лаборатории (см. выше), а лекции – в гимнастическом зале мужской гимназии (о котором мы тоже уже рассказывали), а также в арендованных помещениях Уральского горного училища.

Уральское горное училище. Об Уральском горном училище мы уже начинали рассказывать, когда речь шла о здании мужской гимназии (нынешняя гимназия № 9 на просп. Ленина, 33). Напомним, что здание, где позже разместилась мужская гимназия, изначально строилось (с 1849 по 1852 год) для горного училища. А когда в 1855 году император Александр II разрешил открыть в Екатеринбурге гимназию широкого профиля, она разместилась в одном здании с горным училищем, занимая второй этаж. В 1877 году эти учебные заведения наконец разъехались по разным зданиям – горное училище переехало в дом напротив.

Здание на Главном проспекте (ныне – просп. Ленина), куда переехало Уральское горное училище, было построено еще в 1806 году – как здание главной конторы и лаборатории Екатеринбургского завода (рядом с плотиной).

Само горное училище считается правопреемником Екатеринбургской горнозаводской школы, открытой в 1724 году, которая в свою очередь берет начало от Уктусской школы, организованной начальником Уральских заводов и одним из основателей Екатеринбурга Василием Татищевым на Уктусском заводе еще в 1721 году. То есть это учебное заведение – не только старейшее в городе, но даже старше Екатеринбурга, основанного в 1723 году, на целых два года. Выпускником Уктусской школы был изобретатель первой паровой машины Иван Ползунов, поэтому учебное заведение, которое с 1918 года было сначала Уральским рабочим политехникумом, потом (с 1928-го) Свердловским горно-металлургическим, с 1947 года носит имя Ивана Ползунова. С 1995 года его название – Уральский государственный колледж имени И. И. Ползунова.

В советское время здание дважды перестраивалось: в 1928 году по проекту архитектора Г. А. Голубева (в формах советской неоклассики), и в 1954 году – по проекту И. А. Грушенко (был пристроен корпус по ул. Воеводина). Современный адрес здания: просп. Ленина, 28.

3 ноября 1918 года, за два дня до начала занятий первого курса горного института, здесь прошло собрание студентов-первокурсников, которые знакомились и обсуждали насущные проблемы. На весь учебный 1918–1919 учебный год горное училище предоставило студентам института в аренду помещения для занятий.

Горный институт во Владивостоке (с 1919 года)

В июле 1919 года, когда Екатеринбург заняли войска Красной Армии, часть преподавателей и студентов вуза уехала во Владивосток (как они думали – временно), а часть осталась. В итоге осенью 1919 года Уральский горный институт как бы распался надвое, причем каждый из вузов, имевших одно и то же название и корни, начал свои

Здание горного училища (слева). Фото начала XX века

Современный вид здания. Ныне это Уральский государственный колледж имени И. И. Ползунова. Фото автора

занятия. Сначала расскажем о том, как это происходило во Владивостоке⁴³.

Коротко суть того, что происходило с УГИ на Дальнем Востоке, можно изложить так. Преподаватели и студенты Уральского горного института во главе с ректором П. П. фон Веймарном, уехавшие из Екатеринбурга в июле 1919 года, прибыли в теплушках во Владивосток только 4 сентября. Уральский вуз прикрепили к Высшему политехникуму – частному учебному заведению, которое открылось во Владивостоке совсем недавно – в ноябре 1918 года – по инициативе союза инженеров (то есть он был создан даже позже УГИ). Как раз в сентябре этот политехникум был переименован во Владивостокский политехнический институт. Этот молодой вуз так же, как и Горный в Екатеринбурге, не имел собственных помещений, арендуя в основном площади Коммерческого училища: это училище, открытое еще в 1908 году, располагало не только собственными помещениями, но и лабораториями, оборудованными на университетском уровне. Уральский горный институт получил помещение, которое своими силами привел в порядок.

В апреле 1920 года Владивостокский политехнический институт получил статус государственного вуза, а УГИ потерял самостоятельность, став с ним единым целым, причем больше половины профессорских должностей заняли преподаватели из Екатеринбурга, а Веймарн стал сначала проректором, а через месяц ректором объединенного вуза. Причем весь этот вуз стал работать по уставу, разработанному в Екатеринбурге для Уральского горного института. Однако в ходе Гражданской войны и многочисленных переворотов во Владивостоке правительству ДВР было не до института, и уже осенью Веймарн сложил с себя полномочия ректора и вскоре эмигрировал в Японию. Вуз же продолжал существовать, время от времени меняя арендованные помещения.

В 1923 году после прихода во Владивосток Советской власти все вузы города (а их на тот момент насчитывалось три) было решено объединить в один. Так был создан государственный дальневосточный университет (ГДУ), в котором Владивостокский политехнический институт стал факультетом (сначала этот факультет назывался политехническим, потом техническим).

Несмотря на то, что многие преподаватели и студенты бывшего УГИ с приходом Советской власти эмигрировали, некоторые из оставшихся оставили заметный след в развитии науки на Дальнем Востоке. В общем следует отметить, что то, что произошло в итоге с уральским вузом во Владивостоке, нельзя назвать тупиковой ветвью – примерно те же процессы происходили в это время и в Екатеринбурге, где Горный институт влился в состав Уральского университета. Разница лишь в том, что на Урале горный вуз сумел вновь стать и сохраниться самостоятельным, а там нет. Сейчас преемник государственного дальневосточного университета – это Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

А теперь расскажем подробнее о тех зданиях во Владивостоке, которые имели отношение к Уральскому горному институту.

Шефнеровские казармы. Помещение, выделенное Уральскому горному институту во Владивостоке, находилось на ул. Светланской, 139.

Светланская – это первая и главная улица Владивостока. С 1861 по 1873 год она называлась Американской – в честь парового корвета «Америка», на котором генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский (кстати, умер в Париже, но

⁴³ Подробнее см. Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Изв. УГГУ. 2016. № 3(43). С. 123–127.

Шефнеровские казармы, Владивосток. Фото середины XX века

*Все, что сохранилось сегодня от Шефнеровских казарм.
Владивосток, современное фото*

в 1990 году его останки с Монмартрского кладбища были торжественно перезахоронены в центре Владивостока) 18 июня 1859 года прибыл в пролив Гамелен (ныне Босфор Восточный) и принял решение основать Владивосток. В 1873 году улица была переименована в Светланскую – опять же в честь корабля – фрегата Светлана, на котором во Владивосток с визитом прибыл великий князь Алексей Александрович. В 1924 году она была переименована в Ленинскую (официально – улица товарища Ленина), а в 1992 году ей вернули название Светланской. На этой улице самое большое во Владивостоке количество исторических зданий, но дом под номером 139 не сохранился.

Вообще Шефнеровские казармы – это сборное название, так как под ним подразумевалось не одно конкретное здание, а несколько – в одном районе. Алексей Карлович Шефнер – это историческое лицо: генерал-лейтенант, первостроитель Владивостока. В честь него казармы флотских экипажей и называли «шефнеровскими». Преподавателям и студентам Уральского горного пришлось самостоятельно приводить в порядок переданные им помещения, чтобы в них можно было проводить занятия. Любопытно, что по соседству в этих казармах продолжали жить курсанты военных училищ, у которых профессора Горного принимали экзамены по техническим дисциплинам. Казарм было несколько, стояли друг за другом, поднимаясь от Дальзавода по склону сопки. Среди них были и покрупнее, но все они были снесены, когда застраивали ул. Ленинскую/Светланскую.

Воспоминания современников сохранили для нас описание некоторых кабинетов и лабораторий: «В числе других лабораторий университета она располагалась в тот период в здании бывших Шефнеровских казарм, недалеко от главного входа в Дальзавод. Большущий зал с асфальтированным полом и несколькими вспомогательными помещениями и кабинетом Любарского составляли территорию лаборатории. По одну сторону зала были установлены рабочие химические столы для практических работ студентов, по другую – оставался проход в соседнее помещение»⁴⁴.

Когда в 1920 году во Владивостоке был отпечатан первый том журнала «Известия Уральского горного института» (ныне – «Известия УГГУ»), адрес редакции указывался: Владивосток. Светланская, 139. Сейчас дома с таким номером не существует, на большом многоэтажном доме, который стоит примерно на этом месте, указан общенный номер 135–141.

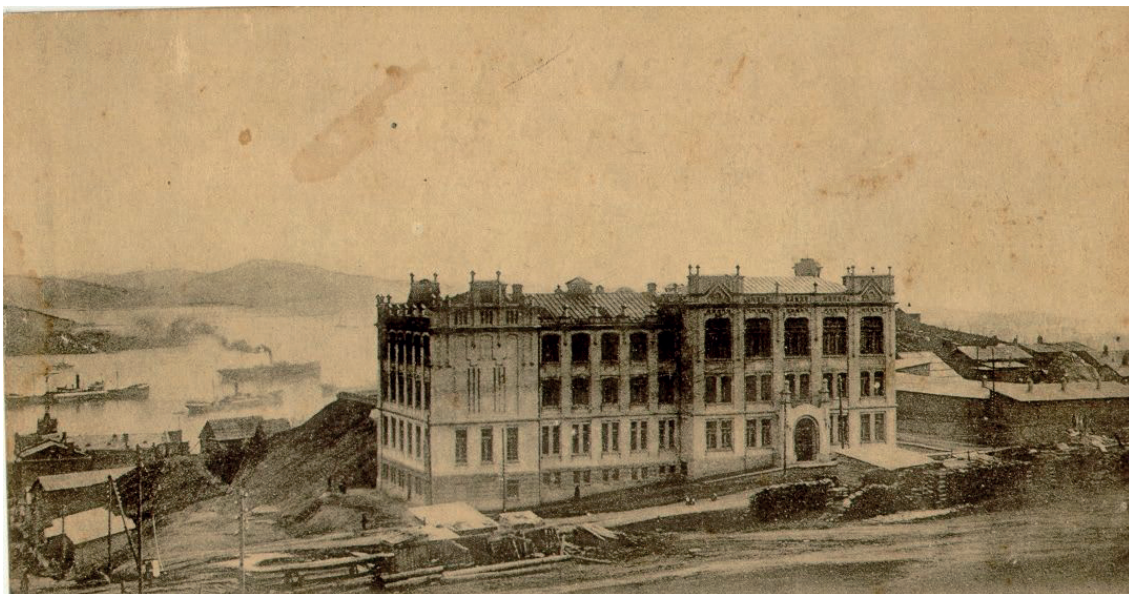
Здание Коммерческого училища. Как мы уже упоминали, Высший политехникум (позже Владивостокский политехнический институт) использовал для занятий арендованные помещения в Коммерческом училище.

Коммерческое училище Владивостока, основанное в 1908 году, тоже начинало свою работу в разных помещениях (сначала на Суйфуновской улице – ныне Уборевича, затем в здании мужской гимназии на Светланской, 25), а собственным зданием обзавелось лишь в 1913 году. Зато это было здание, которым до сих пор гордится Владивосток: построенное в стиле «рационального модерна», оно имело 12 учебных классов, три кабинета, отдельный рисовальный класс, библиотеку и столовую на 200 мест.

Во время Гражданской войны студентов и учащихся потеснили военные, поэтому и приходилось учиться в казармах, но некоторое время занятия здесь все-таки продолжались.

В 1923 году на базе училища был организован промышленно-экономический техникум, но в 1930-х годах здание было передано управлению НКВД, которое размеща-

⁴⁴ Максимов О. Б. Воспоминания. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 39.

Здание коммерческого училища Владивостока. Фото начала XX века

*Нынешний вид бывшего здания коммерческого училища.
Владивосток, современное фото*

лось здесь до конца 1950-х годов; когда здание вновь стало учебным – было передано Дальневосточному государственному университету (ныне – ДВФУ). Современный адрес здания: Владивосток, ул. Суханова, 8.

Любопытно, что в Коммерческом училище Владивостока, поступить в которое было, кстати, непросто, до 1919 года учился будущий известный советский писатель Александр Фадеев.

Здание Дальзавода. Мастерские и лаборатории Коммерческого училища, которыми пользовались студенты Владивостокского политехнического института (а значит,

Фасад главного здания и главные ворота.

Главное здание Дальзавода. Владивосток, фото начала XX века

Нынешний вид здания Дальзавода. Владивосток, современное фото

и студенты УГИ), располагались в здании Дальзавода.

Дальзавод – это судоремонтный завод, основанный во Владивостоке еще в 1887 году – для обеспечения ремонта и поддержания боевой готовности кораблей в военном порту. Начинаясь с деревянных механических мастерских.

Здание, в котором располагались мастерские и лаборатории – это первое каменное здание Дальзавода, построенное в начале XX века (в 1902 году проект здания был удостоен серебряной медали).

Сейчас здание принадлежит российскому судостроительному и судоремонтному предприятию АО «Холдинговая компания «Дальзавод». В здании находится центральный склад. Его адрес: Владивосток, ул. Дальзаводская, 2.

Любопытно, что в 1897 году один из построенных сухих доков Дальзавода назвали в честь цесаревича Николая – будущего императора Николая II, расстрелянного в Екатеринбурге. Этот док сохранился до сих пор как «сухой док № 1».

Здание в «Матросской слободке». В 1920 году, когда Владивостокский политехнический институт «попросили» не только из здания Коммерческого училища, но и из Шефнеровских казарм, институту пришлось искать новое помещение. И оно нашлось в Матросской слободке: улица 7-я Матросская, 12.

Это кирпичное трехэтажное здание с двухэтажным эркером в главной части фасада было построено в начале XX века. До 1920 года здесь располагался пункт гуманитарной помощи жителям восточной части города. Рядом располагался склад той самой помощи (которая шла в основном из Японии). Политехнический институт работал здесь вплоть до 1924 года.

После объединения вузов города в единый университет здание отдали под школу. Затем здесь располагалось техническое училище № 5, затем техническое училище связи № 8. В 1970-х годах окрестные дома снесли и рядом выстроили новую школу (№ 22) и школьный стадион. До 2013 года здесь располагался Владивостокский колледж связи, экономики и сервиса (созданный на базе училища связи). Сейчас здание находится на консервации, возможно, будет снесено.

Здание Восточного института. В 1923–1924 годах после объединения вузов Владивостока в один университет главным учебным зданием нового вуза стало здание Восточного института.

Старейший вуз Владивостока – Восточный институт – был основан еще в 1899 году. Здание строилось с 1896 по 1899 год по проекту архитектора А. А. Гвоздиовского. Основное направление обучения – изучение восточных языков, подготовка кадров для административных и торгово-промышленных учреждений Дальнего Востока. В 1918 году из-за финансовых проблем институт начал распадаться. В 1920 году решением Приморской областной земской управы на его базе был основан новый Государственный дальневосточный университет. Этот университет и стал основой для нового – уже советского – университета, объединившего все вузы города в один.

Здание долгие годы было главным зданием Дальневосточного государственного технического университета (сейчас входит в состав ДВФУ). Сейчас это одно из учебных зданий ДВФУ. Современный адрес: ул. Пушкинская, 10. Кстати, фасад этого здания легко узнаваем из-за каменных львов, расположенных по бокам от входа.

Со зданием Восточного института связана история, имеющая отношение к журналу «Известия УГИ» (ныне – «Известия УГГУ»). Первый том этого журнала печатался в типографии Восточного института, которую арендовал В. А. Григорьев, с которым и был заключен договор на печать. Договор был заключен в конце 1919 года, а жур-

налы должны были быть напечатаны не позднее февраля 1920 года – т. е. к моменту закрытия кредитов на 1919 год, так как не было известно, будут ли кредиты на печать журнала в 1920 году. К оговоренному сроку Григорьев работу не выполнил и наполовину, и пришлось продолжать ее уже после февраля 1920 года, благо кредит снова удалось получить. К апрелю Григорьев, ссылаясь на инфляцию, повысил цену договора, и институту пришлось на это пойти. Григорьев деньги взял, а работу начал опять задерживать. В итоге журналы напечатали лишь к октябрю, причем брошюровать их пришлось сотрудникам института. А когда допечатали, оказалось, что вышло 500 лишних отдельных оттисков статьи Елиашевича и 800 оттисков статьи Веймарна. По иронии судьбы сегодня нам нужно благодарить мошенника Григорьева за «лишние» оттиски: дело в том, что журнал «Известия УГИ» печатался в двух вариантах: полном и урезанном («для студентов»), и до наших дней в архивах сохранился лишь урезанный вариант. Зато нашелся отдельный оттиск статьи Веймарна, которого нет в урезанном варианте⁴⁵.

Екатеринбург. 1919–1920 учебный год

После отъезда преподавателей и студентов во главе с Веймарном во Владивосток в июле 1919 года Горный институт в Екатеринбурге сохранился почти чудом: К. К. Матвеев⁴⁶, оставшийся в институте исполняющим обязанности ректора (во время наступления Красной Армии на Екатеринбург Веймарн был в командировке), хотя и высказал сомнение в том, что может взять ответственность за эвакуацию⁴⁷, начал организовывать вагоны-теплушки. И тот факт, что институт не был эвакуирован полностью, оказался делом случая: подводы для перевозки багажа к поезду реквизировали военные. В итоге часть преподавателей и имущества института остались в Екатеринбурге. 8 июля состоялся Совет института, на котором было решено, что Горный институт остается и действует в Екатеринбурге.

К началу 1919–1920 учебного года у института было лишь помещение Золотосплавочной лаборатории (см. о ней выше), да и то под вопросом. В октябре институту было отказано в аренде мужской гимназии, дома бывшего Главного начальника уральских заводов (вскоре его все-таки отдали Горному, поэтому о нем мы расскажем чуть ниже) и горного училища. Пришлось подыскивать новые помещения.

Дом Баландиных (здание Общественного собрания). В критической ситуации лишь к ноябрю 1919 года удалось для занятий первого курса снять один из залов бывшего Общественного собрания на углу Вознесенского проспекта (ныне – ул. Карла Либкнехта) и Клубной (ныне – Первомайская). Занятия здесь начались 16 ноября 1919 года.

Это каменное двухэтажное здание было построено до 1856 года. Домом Баландиных его называли из-за того, что изначально он строился как городская усадьба купца

⁴⁵ Это статья «Очерки по энергетике культуры». После того как был обнаружен оттиск, мы перепечатали ее (Изв. УГГУ. 2016. № 2(42). С. 101–110).

⁴⁶ Константин Константинович Матвеев – основатель уральской школы минералогии и петрографии. Был и. о. ректора, деканом геологоразведочного факультета (1919) Уральского горного института, затем Уральского государственного университета (1920–1921), заведующим кафедрой минералогии и петрографии (1925–1949). Доктор геолого-минералогических наук, профессор. Организатор и первый председатель Уральского отделения Всесоюзного минералогического общества. Интересный факт: в 2017 году Бажовскую литературную премию получила книга внучки К. К. Матвеева – Анны Матвеевой «Горожане», в которой один из рассказов посвящен К. К. Матвееву и его семье.

⁴⁷ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 299.

*Здание в Матросской слободке. Владивосток,
фото начала 1920-х годов*

*Нынешний вид здания в Матросской слободке. Владивосток,
современное фото*

*Здание Восточного института.
Владивосток, фото начала XX века*

*Нынешний вид здания. Владивосток,
современное фото*

И. Д. Баландина, а затем принадлежал его наследникам (другая их усадьба сохранилась на нынешней улице Чапаева). Этот дом сначала арендовался, а потом был выкуплен городским Общественным собранием Екатеринбурга. В 1869–1973 годах здание перестраивалось под руководством архитектора М. Л. Реутова. При доме был сад, который в 1880 году расширили – за счет бывшей усадьбы Зотова. В 1915 году в здании прошла очередная реконструкция (на этот раз по проекту А. А. Федорова), в результате чего в здании появился зал со сценой, который используется до сих пор.

В 1917 году, когда в Екатеринбурге проходила Уральская областная конференция РСДРП, ее делегаты собирались в двух зданиях – в духовном училище (ныне – ул. 8 Марта, 62) и в здании Общественного собрания. Так как это была первая легальная конференция РСДРП, то она получила название Свободной, а руководил ею «товарищ Андрей» – Я. М. Свердлов, имя которого носил Екатеринбург с 1924 по 1991 год. В этом здании проходили заключительные заседания этой конференции.

При Советской власти в 1918 году здесь располагался городской комитет партии, а после 1919 года сначала клуб Красной Армии, а затем клуб коммунистов. С 1936 года здесь начал работать Театр юного зрителя, который потом (в 1977 году) переехал в новое здание (поэтому некоторые нынешние старожилы называют его «зданием старого ТюЗа»). Сейчас в нем работает Учебный театр Екатеринбургского государственного театрального института. Современный адрес: ул. Карла Либкнехта, 38.

Американская гостиница. Здание гостиницы на углу Покровского проспекта (ныне – ул. Малышева) и ул. Златоустовской (ул. Розы Люксембург) построено во второй половине XIX века по прошению купца П. В. Холкина. Это был комплекс, включавший в себя шесть построек: собственно гостиница, ресторан с магазином, жилой дом, бильярдная, флигель и конюшня. Все здания объединялись кирпичной оградой с трехчастными воротами.

Бильярдную и ограду снесли в 1971 году, в 1976-м разрушили ворота, кирпичную стену, флигель и конюшню. В 2005 году здание гостиницы и блок с рестораном и магазином были реконструированы: к ним надстроили еще один этаж, который сравнялся по высоте с гостиницей. Жилой дом сохранился (находится во дворе здания).

Известна история начала XX века, когда владелец этого гостиничного комплекса Павел Холкин, установивший в своих зданиях электрическое освещение, остался очень недоволен качеством услуг, предоставляемых городской электростанцией, директором которой был инженер Л. А. Кроль: электричество то появлялось, то исчезало. Ходили слухи, что таким образом Кроль оказывает давление на строптивых абонентов, которые, подключаясь к электростанции, отказываются покупать у нее же электрические лампочки, закупая их по дешевке у конкурентов. Холкин, известный своим вздорным нравом, в ходе этого конфликта дошел до того, что отказался от услуг Кроля, установив собственную динамомашину.

В Американской гостинице, которая считалась одной из лучших в городе, останавливались в разное время такие известные люди, как И. И. Пущин, А. П. Чехов и Д. И. Менделеев. Любопытно, что и писатель Чехов, и химик Менделеев оставили о Екатеринбурге записки не самого лестного характера. Антон Павлович, останавливавшийся здесь в 1890 году во время путешествия на Сахалин, упомянул, что «Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазками, с громадными кулачищами», а сам город «такой же точно, как Пермь и Тула. Похож и на Сумы и на Гадяч». Не более благожелателен был и Дмитрий Иванович, отметивший: «Екатеринбург называют столицей Урала. Нельзя сказать,

Здание Общественного собрания. Фото начала XX века

Нынешний вид здания. Сейчас это учебный театр ЕГТИ. Фото автора

Екатеринбургъ.

Американская гостиница.

Здание Американской гостиницы. Фото начала XX века

Нынешний вид здания. Сейчас в нем расположено художественное училище им. И. Д. Шадра. Фото автора

чтобы он производил впечатление, соответствующее названию. Правда, город большой, но какой-то унылый, как будто он обустроивается, и как будто разрушается». А в 1915 году здесь останавливался поэт Константин Бальмонт, который поддержал своих предшественников такими словами: «Город сонный и отставший в умственном отношении на целую четверть века».

В 1918 году в здании располагалась знаменитая ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, которая на местном уровне решала в том числе судьбу Романовых.

В 1919 году горному институту удалось здесь арендовать зал для лекционных занятий второго курса (практические занятия проходили в Золотосплавочной лаборатории). Длилось это не очень долго, вскоре гостиницу занял Совет народного хозяйства.

В дальнейшем в бывшей гостинице располагались суд и прокуратура Свердловской области, а затем педагогическое училище. А с 1967 года здание занимает художественное училище, которое в 1987 году получило имя И. Д. Шадра⁴⁸. Современный адрес – ул. Малышева, 68а⁴⁹.

Дом главного начальника горных заводов Хребта Уральского. Отчаявшись получить поддержку на местном уровне, представители Горного К. К. Матвеев и избранный на Совете института ректором Н. Г. Келль неоднократно ездили в Москву, чтобы институт получил поддержку на самом высоком уровне. Итогом стала телеграмма за подписью члена Президиума ВСНХ Сыромолотова⁵⁰ в Екатеринбургский горисполком, в которой предписывалось отдать для нужд Екатеринбургского горного института дом бывшего начальника Горного управления (так в то время было принято называть это здание). И в самом начале 1920 года (решение было принято в декабре 1919 года) часть помещений этого здания была передана горному институту.

Строившееся архитектором М. П. Малаховым в 1817 году как жилой дом пермского берг-инспектора А. Т. Булгакова здание в начале 1830-х годов было продано казне – под квартиру для Главного горного начальника. К двухэтажному дому Булгакова были построены портик и мезонин. Дом окружала садовая ограда, а рядом располагались конюшня и хозяйственные пристройки. Сюда к дому примыкал сад. Серьезной перестройке здание подверглось спустя сто лет – в 1930-х годах.

Почти 20 лет – с 1837 по 1856 год – в этом доме жил самый известный из Горных начальников генерал Владимир Андреевич Глинка, который железной рукой руководил за-

⁴⁸ Иван Дмитриевич Шадр (урожденный Иванов, взявший псевдоним по названию родного города – Шадринска) – один из самых известных советских скульпторов 30-х годов прошлого века. Подростком с родителями переехал в Екатеринбург, где сумел без подготовки поступить в Екатеринбургскую художественно-промышленную школу, так что екатеринбуржцы считают его своим земляком. Самая известная скульптура Шадра – «Девушка с велослом». Это обнаженная фигура, которая была установлена в ЦПКиО им. Горького в Москве. Любопытно, что натурщицей для этой скульптуры была студентка Вера Волошина, которая в 1941 году казнена немцами в один день с Зоей Космодемьянской за то же преступление (диверсия) и тем же самым способом (повешение).

⁴⁹ Раньше адрес был ул. Малышева, 68, но сейчас адрес ул. Малышева, 68/ул. Розы Люксембург, 4 занимает торговый центр «Покровский пассаж».

⁵⁰ Федор Федорович Сыромолотов учился в Горном училище Екатеринбурга и был здесь участником революционного движения в 1905 году. В 1919–1921 годах в Москве исполнял обязанности заведующего финансами ВСНХ, был председателем Горного Совета, наблюдающего за научно-техническим отделом, Главным геодезическим управлением, членом ЦК горнорабочих, членом Малого Совета народных депутатов, членом президиума Госплана.

Дом главного начальника горных заводов Хребта Уральского. Фото начала XX века

Нынешний вид здания. Областная больница № 2. Фото автора

водами Хребта Уральского, за что получил прозвище «Царя и Бога» Уральских заводов. В 1837 году у него останавливался при визите в Екатеринбург наследник престола Александр Николаевич – будущий император Александр II со свитой, в которую входил его наставник поэт В. А. Жуковский. После отставки Глинки дом занимал Ф. И. Фелькнер, потом А. А. Иосса и все последующие горные начальники – вплоть до 1917 года.

В 1918 году в этом здании на Гимназической набережной (ныне – набережная Рабочей молодежи) размещались Екатеринбургский окружной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и областной комитет Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов.

С 1920-го до осени 1921 года в здании размещался геолого-разведочный⁵¹ факультет горного института, который с 1921 года стал работать уже в составе Уральского государственного университета, пока не переехал в здание бывшей второй женской гимназии (нынешнее главное здание УГГУ). После этого переезда бывший дом начальника Горного управления отдали под квартиры для профессоров Горного. В частности, там жила семья переехавшего из Томска профессора П. К. Соболевского. Сохранились воспоминания его дочери Ольги Станиславовны, что их квартира отапливалась печами, а вот за водой приходилось ходить к городскому пруду⁵², там же стирали белье.

Сегодня в здании расположена областная больница № 2. В советское время это была спецбольница для высшего начальства области, в просторечии «спецуха». Современный адрес: набережная Рабочей молодежи, 3.

Кстати, в подвале этой больницы есть дверь, заложенная кирпичной стеной еще до 1915 года. Есть предположение, что она может вести в пороховой погреб Екатеринбургской крепости. Если это предположение верно, то за этой дверью может быть не только самое старое подземное сооружение Екатеринбурга, но и вообще одно из первых каменных сооружений периода города-завода.

Дом купца Пшеничникова. Здание, стоящее по соседству с бывшим домом начальника Горного управления, о котором мы рассказали ранее, из-за своей богатой событиями истории имеет множество названий: он же дом Главного лесничего Уральских горных заводов, он же дом страхового общества «Якорь», он же дом Мира и Дружбы. Также он иногда упоминается как дом Логинова (по фамилии одного из владельцев). Ныне – Приемная Президента РФ. Какое название использовать – зависит от того, о каком историческом периоде времени идет речь.

Заказчиком строительства и первым владельцем дома был екатеринбургский купец И. Г. Пшеничников, по заказу которого над проектом работали архитекторы И. И. Свиязев и М. П. Малахов в 1930-х годах. Как дом Главного лесничего Уральских горных заводов он стал известен почти сразу после постройки, когда сдавался под служебную резиденцию Главного лесничего⁵³.

В 1910 году наследница Пшеничникова М. И. Емельянова продала часть усадьбы К. К. Попову, управляющему екатеринбургской конторой страхового общества

⁵¹ Сейчас «геологоразведочный» принято писать слитно.

⁵² В то время водопровода в Екатеринбурге еще не было.

⁵³ Самым известным Главным лесничим Уральских горных заводов был И. И. Шульц, занимавший эту должность с 1837 по 1858 год. Он проводил широкие работы по восстановлению лесов на местах бывших горных выработок, для чего даже изобрел специальную сеялку.

*Бывший дом купца Пшеничникова (дом страхового общества «Якорь»)
Фото начала XX века*

Современный вид здания. Приемная Президента РФ. Фото автора

«Якорь»⁵⁴, который отремонтировал здание и открыл в нем представительство этой конторы, которое существовало здесь до 1917 года. Именно поэтому в начале 1920-х годов это здание повсеместно называлось домом бывшего страхового общества «Якорь».

Горный институт занимал это здание в тот же самый период, что и соседнее: решение о передаче здания было принято в декабре 1919 года, а студенты там учились с января 1920 по сентябрь 1921 года. В тот период, когда Горный институт вошел в состав Уральского государственного университета, там размещался рудничный факультет.

О том, как в дальнейшем использовалось здание, сведений нет до 1980-х годов, скорее всего, в нем были коммунальные квартиры. 13 июня 1986 года (в международный год Мира) в этом здании открылся Свердловский областной Дом Мира и Дружбы, который проработал там до 2009 года, когда там разместилась Приемная Президента РФ Д. А. Медведева (ныне – Приемная Президента РФ В. В. Путина). Современный адрес здания: наб. Рабочей Молодежи, 2/пер. Химиков, 1.

1920–1921 год

Проигранная «битва» за независимость Горного. В 1920 году Уральский горный институт перестал существовать как самостоятельный вуз, влившись в состав Уральского государственного университета.

Сейчас то, что Горный в то время влился в состав университета и потерял самостоятельность – уже исторический факт, однако в период слияния вузов этот вопрос был чрезвычайно спорным. Уральский горный институт до последнего стремился остаться самостоятельным, но ему это не удалось. Для того чтобы обозначить этапы этой борьбы, которую в заголовке мы назвали «проигранной «битвой» за Горный», расскажем вкратце историю создания в Екатеринбурге Уральского государственного университета.

Начнем с того, что еще с конца XIX века Пермь и Екатеринбург вели борьбу за право открыть первый вуз на Урале⁵⁵. Формально эту борьбу выиграл Екатеринбург, так как именно здесь в 1914 году был основан Горный институт, но на практике Пермь наверстала упущенное, открыв отделение Петроградского университета, где уже в 1916 году начались занятия (а занятия в Горном институте в Екатеринбурге начались годом позже), а в 1917 это отделение в Перми уже было преобразовано в самостоятельный университет. Естественно, в Екатеринбурге раздались голоса: «А чем мы хуже?». И в конце декабря 1917 года Я. А. Шохат (кстати, профессор Уральского горного института) предложил проект «Народного университета»⁵⁶. Под этим словосочетанием подразумевалось обучение широких народных масс по «любимым специальностям», без экзаменов и зачетов (!). Модная в то время идея была подхвачена, и уже в начале 1918 года университет действительно открылся. В современном нашем понимании это было что-то вроде курсов для всех желающих (где, кстати, с удовольствием преподавали профессора из Горного). Проект этот вскоре заглох, так и не успев развиться, но слово «университет» в Екатеринбурге стало на слуху. Поэтому, когда в 1919 году после восстановления в Екатеринбурге Советской власти появилась идея создания университета, первоначально предполагалось, что создаваться он будет на базе существовавшего «Народного университета». Однако

⁵⁴ Страховое общество «Якорь» было основано в 1872 году в Москве известным предпринимателем А. И. Абрикосовым. К 1917 году это общество имело множество филиалов и входило в десятку крупнейших страховщиков в стране.

⁵⁵ Подробнее см. Шорин А. Г. Два года, о которых мы забыли (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.) // Изв. УГГУ. № 4(44). 2016. С. 105–108.

⁵⁶ Подробнее см. Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 289–296.

постепенно идея создания советского университета (уже без всякой опоры на «Народный университет», который при ближайшем рассмотрении по уровню оказался не выше общеобразовательной школы для рабочих, просто с громким названием) в Екатеринбурге набирала сторонников (в их числе был и Шохат), и Горному пришлось с этим считаться.

Коротко можно сказать, что к началу 1920 года в Екатеринбурге параллельно существовали две концепции развития высшего образования. Первая концепция: образование нового университета, лидером которой стал приехавший из Петрограда А. П. Пинкевич⁵⁷, позже ставший первым ректором университета и директором педагогического института, входящего в его состав. Сторонником второй концепции – независимого горного института – были профессора Горного, из которых самым ярким сторонником самостоятельности был К. К. Матвеев. О Матвееве мы уже упоминали, когда рассказывали о том, что именно он остался и. о. ректора после отъезда из Екатеринбурга Веймарна и сумел сохранить институт. В конце 1919 года на Совете института ректором был избран не он, а профессор Н. Г. Келль, но Матвеев остался членом Совета, и именно он до конца «бился» за Горный.

Поначалу казалось, что эти концепции могут существовать независимо друг от друга, однако из-за недостатка финансирования и помещений, пригодных для вузов в Екатеринбурге, они неизбежно должны были «столкнуться лбами». Однако на начальном этапе Горный просто вел свою собственную политику выживания. Мы уже писали о том, что в конце 1919 года в Москве при поддержке выходца из Екатеринбурга Ф. Ф. Сыромолотова Матвееву и Келлю удалось «выбить» для института два здания на берегу городского пруда. Однако положение института все равно оставалось плачевным, и тогда – в феврале 1920 года – горняки обратились за помощью к Троцкому.

Тут нужно напомнить, что в 1920 году Л. Д. Троцкий был, по сути, вторым по значимости человеком в стране после В. И. Ленина (например, нынешняя улица 8 Марта с ноября 1919 года называлась ул. Троцкого). Способ обратиться к нему напрямую был, так как в феврале он сам приехал в Екатеринбург. Причина, которая привела Троцкого на Урал, некоторым образом касается нашей темы, поэтому есть смысл о ней упомянуть. В январе 1920 года на адрес Ленина и Троцкого пришла телеграмма от командира 3-й армией Восточного фронта М. С. Матияевича с предложением преобразовать эту армию в Трудовую. Ленин поддержал идею, а Троцкий начал на основе военных армий создавать Трудовые армии повсеместно. Так уже в феврале на Урале была создана 1-я Революционная Армия Труда, а в Екатеринбурге появился еще один орган власти – Совет трудовой армии (Совтрударм-1), председателем которого был назначен Троцкий. Для нашей темы имеет значение, что, во-первых, по причине создания Совтрударм-1 Л. Д. Троцкий побывал в феврале 1920 года в Екатеринбурге, а во-вторых сам этот орган власти еще будет нами упоминаться в связи с передачей зданий вузам.

После обращения к Троцкому было принято решение о передаче горному институту двух зданий (об этих и других зданиях – чуть позже). А кроме Троцкого в число сторонников Горного удалось привлечь другого высокого партийного деятеля – Г. Л. Пятакова, который внес предложение «укрепить горный институт (...), а организацию университета запретить⁵⁸».

⁵⁷ Альберт Петрович Пинкевич – педагог и организатор народного образования, доктор педагогических наук. Первый ректор УрГУ, с 1924 года работал в МГУ в Москве. В 1937 году репрессирован и расстрелян.

⁵⁸ Главадский М. Е. Рождение Уральского университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 70.

Как видим, сторонникам Горного удалось привлечь на свою сторону очень видных деятелей государства. Однако у Пинкевича союзники оказались еще выше: это были самый известный из пролетарских писателей Максим Горький⁵⁹ и сам В.И. Ленин, причем именно Ленин предложил в составе университета иметь техническое направление: «Почему в Вашем проекте, – заявил он в беседе с Горьким, – не говорится о технической силе и горной жизни Урала?»⁶⁰. С такими союзниками сторонникам независимого Горного института просто «выкрутили руки».

В итоге Горный был разделен на два института: собственно Горный (с геолого-разведочным, рудничным и металлургическим факультетами) и Политехнический⁶¹ – с механическим, химическим и инженерно-лесным факультетами⁶². Тут нужно отдать должное мужеству Матвеева, который даже в такой ситуации не сложил руки, а продолжал бороться. Когда стало ясно, что Горный неизбежно войдет в состав университета, он предложил сам университет рассматривать как союз институтов, каждый из которых имеет собственное руководство. Тогда Екатеринбургскому Губисполкому в августе 1920 года пришлось просто распустить Совет Горного института⁶³, а ректором был избран А. Е. Маковецкий, абсолютно лояльный к проекту вхождения Горного в состав университета.

Любопытно, что Матвеев, воспитанный Веймарном в духе свободолюбия, не сдался окончательно и после закрытия Совета, и даже после того, как Ленин в октябре подписал декрет⁶⁴ об учреждении Уральского государственного университета. Уже в ноябре и декабре 1920 года он вновь ездил в Москву, пытаясь добиться хотя бы какой-то самостоятельности для Горного. И в итоге попал в опалу: в начале 1921 года он был выведен из состава Оргкомитета университета⁶⁵. В числе преподавателей университета он, правда, остался, но, несмотря на выдающиеся научные заслуги, должность заведующего кафедрой ему удалось получить лишь в 1925 году – когда университет уже был расформирован.

Здания, которые мог получить Горный в 1920 году

Теперь вернемся к зданиям, которые «выбивал» для себя Горный в 1920 году. В мае 1920 года Совет Горного института постановил «настаивать перед Наркомздравом на занимаемых ныне под госпитали... учебных помещениях г. Екатеринбурга: старого и нового епархиальных училищ, 19 июня Уполномоченный Наркомздравотдела известил, что дается

⁵⁹ С 1936 по 2011 год (когда он вошел в состав УрФУ) Уральский государственный университет носил имя А. М. Горького. Любопытный факт: А. М. – это инициалы Алексея Максимовича Пешкова, который печатался под псевдонимом Максим Горький, т. е. в названии использовались инициалы реального человека, а вместо фамилии использовался псевдоним. Сейчас такое кажется непонятным и даже смешным (ну, например, как если бы современного писателя Григория Шалвовича Чхартишвили, печатающегося под псевдонимом Борис Акунин, назвали Г. Ш. Акуниным), но в то время, когда вместо фамилий многие известные люди использовали партийные клички (Ленин, Сталин, Молотов и пр.), литературный псевдоним Горького воспринимался тоже как партийная кличка, заменяющая фамилию, и употребление настоящего имени с псевдонимом у Горького считается устоявшимся.

⁶⁰ Там же. С. 69.

⁶¹ С разделения Горного на два института началась история Уральского политехнического института – УПИ (ныне – УрФУ).

⁶² Там же. С. 80-81.

⁶³ Выписка из Протокола заседания Президиума Екатеринбургского Губисполкома от 31 августа 1920 года.

⁶⁴ Декрет СНК РСФСР от 19 октября 1920 года.

⁶⁵ Главацкий М. Е. Рождение Уральского университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 118.

предписание к свертыванию госпиталей в зданиях 1) старого епархиального училища, 2) нового епархиального училища, 3) духовного училища». Все эти здания тогда могли перейти к Горному, но перешли к Уральскому государственному университету.

Женское епархиальное училище имело в Екатеринбурге несколько зданий, которые принято делить на старое епархиальное училище (ныне – Екатеринбургский монтажный колледж, расположенный по адресу: ул. Декабристов, 83), новое епархиальное училище (современный 2-й учебный корпус УГГУ по адресу: пер. Университетский, 9) и пансион женского епархиального училища (ныне – Екатеринбургский экономико-технологический колледж, расположенный по адресу: ул. Декабристов, 58). Более подробно о епархиальном училище в целом и здании нового епархиального училища в частности мы расскажем в разделе, посвященном современным зданиям УГГУ.

Екатеринбургское духовное училище. Построено в юго-восточном углу квартала, ограниченного Сибирским проспектом (ул. Куйбышева), ул. Монастырской (Народной Воли) и Щепной площадью (пер. Университетский). На этом месте стоял особняк купца Ф. И. Коробова, который в 1841 году был продан в казну. В том же году архитекторы Э. Х. Сарториус и В. Гуляев перепланировали здание, и здесь открылось мужское духовное училище, в котором учились изобретатель радио А. С. Попов и два уральских писателя – Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. П. Бажов. В 1920 году здесь располагался Рабочий факультет, который начал создаваться еще в Горном институте, а потом перешел университету. Позже здание было передано СИНХу – Свердловскому институту народного хозяйства, ныне это корпус Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ). Современный нам вид здание обрело в результате реконструкции 1934–1941 гг. Современный адрес – ул. 8 Марта, 62.

Здесь стоит еще отметить, что университет в этот период времени занимал еще и другие здания. Так, например, медицинский факультет располагался в здании первой женской гимназии (ныне – корпус УрГПУ – Уральского государственного педагогического университета по ул. Карла Либкнехта, 9/ул. Толмачева, 8), второй женской гимназии (ныне – главный корпус УГГУ, о котором ниже мы расскажем подробнее), а также в бывшем помещении Русского банка по внешней торговле по ул. Малышева, 36 (бывший Покровский проспект, это здание ныне перестроено) и некоторых других помещениях, иногда очень слабо подходящих для учебных целей.

Именно в тот период, когда Горный институт вошел в состав университета, горняки начали учиться в двух самых старых зданиях, которые сейчас принадлежат Уральскому государственному горному университету. Подробно о них мы расскажем в следующем разделе.

Современные здания УГГУ

Прежде чем перейти к рассказу о современных зданиях Горного, напомним общую историческую канву. В 1920 году Горный был разделен на два института – собственно Горный институт и Политехнический, которые вошли в состав Уральского государственного университета. Причем металлургический факультет, позже отнесенный к УПИ, сначала был факультетом Горного. Но деление на институты вскоре было отменено, поэтому мы уже будем говорить лишь о нескольких факультетах, из которых потом вновь был собран Горный институт.

Также нужно отметить, что сам проект университета, созданного в 1920 году, оказался нежизнеспособным: в 1925 году он был упразднен, а оставшиеся факультеты объединили в новый вуз – Уральский политехнический институт (УПИ). Но и это был еще не совсем тот политехнический, который позже назывался УГГУ – УПИ (ныне – УрФУ):

в 1930 году УПИ разделили на целых 8 институтов (позже они еще разделились, и число их дошло до 10). И лишь после нового укрупнения (с 1932 по 1934 год) шесть институтов объединились в Уральский индустриальный институт (УИИ), который вновь начал называться Политехническим (УПИ) лишь в 1948 году, а два института в 1932 году объединили в Уральский горный институт, который с 1934 года надолго стал СГИ – Свердловским горным институтом⁶⁶. Начиная с этого времени о Горном уже снова можно говорить, как о самостоятельном вузе, который имел собственные здания, а потом еще и строил новые.

В этом разделе мы расскажем об истории зданий четырех учебных корпусов, а также о здании, в котором расположены Геологический музей института и кафедра геологии.

1-й (главный) учебный корпус УГУ – бывшая вторая женская Александровская гимназия. Адрес: ул. Куйбышева, 30

Это здание на углу Сибирского проспекта (ныне – ул. Куйбышева) и ул. Тихвинской (сейчас ул. Хохрякова) строилось специально для Второй женской гимназии.

Вторая женская гимназия. Для того чтобы понять, чем была для Екатеринбургской женской гимназии и почему она была «второй», для начала коротко пройдемся по истории женского образования в городе. Первым женским учебным заведением в Екатеринбурге была частная школа – «благородный женский пансион», открытый некой мадам Штикель еще в 1841 году. Были и другие пансионы, все частные: например, в 1844 году пансион открыла «девица Юст, дочь губернского секретаря», но он оказался непопулярен и в 1849-м закрылся «за неимением учениц». Та же участь годом позже, в 1850-м, постигла пансион мадам Николаевой. В 1850-х годах были еще три попытки, которые предприняли девица Бервальд («дочь чиновника»), а также госпожа Вурм и госпожа Ландезен. Все эти попытки тоже не увенчались успехом, но благодаря им была создана почва для открытия городского женского училища, которое и открылось летом 1861 года – на деньги городских благотворителей. И эта попытка оказалась успешной во многом благодаря харизме и энергии первой начальницы – Е. И. Кук. Это училище и было преобразовано в 1874 году в женскую гимназию. О специально для него построенном здании мы уже упоминали – в 1921 году там размещался медицинский факультет Уральского государственного университета, а сейчас это корпус Уральского государственного педагогического университета (ул. Карла Либкнехта, 9/ул. Толмачева, 8).

Вопрос об открытии нового учебного заведения для девочек, который впервые был поднят в городской управе в 1897 году, говорит о том, что к этому времени общественный запрос уже изменился – существующие учебные заведения (а кроме женской гимназии действовали три частных школы) не могли принять всех желающих. В 1903 году новое учебное заведение открылось. Изначально это была четырехклассная прогимназия, которая получила статус Второй женской гимназии в 1908 году. Первое местоположение – второй этаж дома на углу Покровского проспекта и улицы 2-й Береговой (ныне – угол улиц Малышева и Максима Горького) – в том самом доме Полякова, где в декабре 1915 года работала канцелярия Горного института и размещался кабинет Веймарна. В 1906 году это учебное заведение переехало в здание общежития реального училища (ныне – один из учебных корпусов УрФУ по адресу: просп. Ленина, 136). Кроме того, там же у гимназии был собственный пансион, построенный

⁶⁶ Подробнее об этом см. краткий исторический очерк на первых страницах статьи.

Вторая женская гимназия в начале 1913 года

Вторая женская гимназия после завершения строительства (1915 год)

Фото того же здания, сделанное в 1920-х годах

Тоже снимок 1920-х годов, сделанный во дворе здания

на углу Главного проспекта и ул. Усольцевской (ныне – просп. Ленина – ул. Сакко и Ванцетти), в здании которого была освящена домовая Александро-Невская церковь (средства на убранство этой церкви выделил известный екатеринбургский купец И. И. Симанов в память об умершем сыне Александре).

Здание для нового училища, строившееся на соединенные средства города и земства по проекту архитектора К. А. Полкова, начало проектироваться в 1909 году и было заложено в 1910-м, а в январе 1913 года сюда уже переехала гимназия, хотя после этого корпуса достраивались еще два года. Это был комплекс в виде буквы «Е», включавший в себя административный и учебный корпуса (с внутренними двориками), церковь (которая, кстати, была построена, но так и не освящена) и общежитие. Любопытно, что в отличие от других женских учебных заведений города Вторая женская гимназия была бесплатной⁶⁷ – поэтому в нее сложно было попасть. В дореволюционном Екатеринбурге гимназистки были известны своим хором и театральными постановками. Первой начальницей гимназии была Е. К. Федорова, обладавшая непререкаемым авторитетом как среди учениц, так и в учительской среде. Она умерла 5 января 1917 года, тем самым миновав все потрясения, выпавшие на долю руководства гимназии.

Все изменилось после Февральской революции 1917 года.

Во-первых, изменилось само название гимназии – из Александровской (в честь императора Александра II) она стала «Второй казенной женской гимназией».

Во-вторых, начались проблемы с финансированием – к примеру, нехватка средств даже заставила и. о. начальницы второй женской гимназии М. А. Агафонову, занявшую место Федоровой, обратиться в торговый дом «Братья Степановы» за кредитом в 5 тыс. рублей.

В-третьих, изменилось поведение самих учащихся: события в Петрограде обсуждались на собраниях, и обычные требования преподавателей соблюдать порядок в классах стали восприниматься как попытка нарушения их прав. Уже с марта 1917 года официально был упразднен внеклассный надзор педагогического персонала за учениками. На собрании старших классов учебных заведений, состоявшемся во Второй женской гимназии, была создана ученическая организация «Цекапос». В каждом учебном заведении выбирались старосты, которые являлись представителями классов в контактах с преподавателями. Сами учащиеся разбились на политические фракции. Во Второй женской гимназии лидером «правого крыла», поддерживающего Временное правительство, была Наталья Аничкова⁶⁸, а «левого крыла» (большевиков) – Римма Юровская⁶⁹.

В-четвертых, с 30 октября 1917 года Вторая женская гимназия перестала быть собственно женской, став смешанной (для мальчиков и девочек). Начальником этой но-

⁶⁷ Примером может служить выписка из протокола заседания педагогического совета от августа 1909 года: «Принимая во внимание тяжелое положение Макаровой, могущее лишить ее дочь возможности продолжать образование, Педагогический совет постановил обратиться с ходатайством к Попечителю Оренбургского Учебного Округа о разрешении принять сверх нормы в число учениц III класса Е. Макарову» (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1).

⁶⁸ Будущая студентка Уральского горного института, дочь В. П. Аничкова, мемуары которого «Екатеринбург–Владивосток (1917–1922)» мы будем цитировать ниже. В 1919 году вместе с отцом уехала сначала во Владивосток, затем эмигрировала.

⁶⁹ Дочь революционера, партийного деятеля и будущего участника расстрела Николая II и его семьи Я. М. Юровского. В будущем стала одним из организаторов молодежного коммунистического движения на Урале, в честь нее в Кировском районе Свердловска была названа улица (ныне – ул. В. Высоцкого).

вой гимназии, куда было принято 160 учеников и учениц, стала М. Л. Закожурникова, преподаватель этой гимназии и гласная Екатеринбургской городской думы, а М. А. Агафонова была отстранена от должности исполняющей обязанности начальницы гимназии – «за отказ подчиняться постановлениям Советской власти»⁷⁰.

Также в 1917 году учебные здания в Екатеринбурге использовались для проведения политических мероприятий. Не стала исключением и Вторая женская гимназия, где с 9 по 14 июня проходил Екатеринбургский окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где большую роль сыграли большевики. Кстати, избранный на этом съезде Екатеринбургский окружной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов разместился в бывшем доме главного начальника горных заводов Хребта Уральского, о котором мы уже писали ранее.

Любопытно, что в октябре 1917 года посетили это здание и студенты Уральского горного института: 14 октября 1917 года здесь состоялся концерт-бал, посвященный началу занятий в Горном. В нем было концертное отделение (пение г-на Бузаковского с аккомпанементом на скрипке г-на Форкача, выступление артиста драмы г-на Казарского, авторское чтение стихов г-на Макеева и другие номера). После чего студенты последовали в «буфет» (еда имела важное значение в то непростое время), а в 12.30 (ночи) начались танцы.

Чтобы представить себе атмосферу этого бала, обратимся к воспоминаниям В. П. Аничкова⁷¹: «В переполненном огромном и высоком зале гимназии едва двигались, тесня друг друга, сотни танцующих пар. Во всей этой тысячной толпе не было ни одного кавалера, одетого во фрак или смокинг, и ни одной дамы в бальном платье. Среди военных френчей, косовороток и пиджаков можно было встретить кавалеров просто в шинелях и даже в валенках. Дамскими костюмами служили форменные гимназические платья, и весь шик заключался в невероятно коротких, иногда выше колен, юбках и прозрачных, как паутина, чулках, что создавало впечатление, будто вы находитесь на балу у босоножек.

Несмотря на внешний вид танцующей массы, несмотря на ужасы переживаемой революции, несмотря на разность политических воззрений, молодёжь танцевала с тем же увлечением, что и я на фешенебельных балах Петербурга в былые времена. Те же лукавые, горящие огнём глазки, тот же румянец ланит, та же неутомимость, тот же смех, те же шутки и всё та же неизменная любовь...

Однако нравы сильно изменились, начиная с юбок выше колен и кончая циничным характером танцев «танго» и «кеквок».

Так, в тоске бродя по коридорам гимназии, я видел много сценок чересчур откровенных. Видел, как парочки входили в тёмные классы или удалялись на время из гимназии и через часик возвращались обратно. Словом, делалось откровенно то, что ранее так тщательно скрывалось. Мне, ещё не старому мужчине, не приходило в голову завидовать этой перемене в тонкостях любви. Эти отношения носили более циничный и менее поэтический характер, чем четверть века назад, когда сближение полов

⁷⁰ До революции руководство гимназии избиралось попечительскими советами.

⁷¹ Владимир Петрович Аничков – отец Натальи Аничковой, которую мы упоминали выше. В 1917 году был управляющим Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка, одновременно являясь директором-распорядителем Алапаевского горного округа. В 1919 году уехал вслед за войсками Колчака во Владивосток, откуда с семьёй эмигрировал сначала в Шанхай, затем в США, где в Сан-Франциско открыл книжный магазин «Русская книга» и основал калифорнийское литературное общество «Труженики пера». Здесь цитируется фрагмент из его книги «Екатеринбург–Владивосток (1917–1922)».

было менее доступно: не существовало тогда тёмных залов кинематографов, не существовало телефонов, на которых по целым часам висит молодёжь...⁷²».

В 1918 году комиссариатом просвещения города были назначены выборы преподавателей училищ и школ, которые многие учителя, не признававшие Советскую власть, решили игнорировать. Выборы состоялись в апреле, причем те учебные заведения, где эти выборы игнорировались, просто закрывали. В гимназии заявки на участие в выборах подали лишь трое преподавателей – Н. П. Младов⁷³ (словесность), Е. В. Бушинский (физика и математика), Е. В. Броновская (математика). Им и были переданы имущество и дела гимназии.

После июля 1918 года, когда Екатеринбург был захвачен Чехословацким корпусом, в системе образования произошел «откат» – примерно к позициям после Февральской революции, однако образовательным учреждениям в качестве начальства пришлось сначала иметь дело с Уральским временным правительством, сформированным в Екатеринбурге, а с ноября 1918 года подчиняться Омскому правительству Колчака. В июле 1919 года после победы Красной Армии передел системы образования был продолжен, причем более жесткими методами. В итоге женские учебные заведения вообще перестали существовать.

Ситуация усугубилась тем, что многие учебные заведения перед приходом Красной Армии были эвакуированы на восток. В городе было огромное количество военных соединений, а также много раненых и больных тифом людей. Повсеместно здания учебных заведений начали использоваться либо под госпитали, либо под войсковые штабы, причем практиковалось это как при Колчаке, так и уже тогда, когда в Екатеринбург снова вернулась Советская власть.

Главный сыпнотифозный госпиталь Екатеринбурга. В конце 1918–начале 1919 года Екатеринбург накрыла эпидемия тифа⁷⁴. Существующие больницы не справлялись с количеством пациентов, поэтому многие здания города, в том числе и учебные, стали использоваться как госпитали. О Главном сыпнотифозном госпитале города, под который отдали здание гимназии, мы знаем из воспоминаний К. А. Белобородовой⁷⁵: «Госпиталь был рассчитан на 500 сыпно-тифозных больных. Все этажи были заняты под больных; полуподвальное помещение этого здания было отведено под общежитие среднего и низшего медперсонала, также там помещались кухня, склады и кочегарка».

⁷² Скорее всего, тут Аничковым описан не тот самый бал, так как упоминалось, что «если раньше делался один бал на каждое училище в год, то теперь каждый класс устраивал свой собственный бал», однако это описание важно тем, что передает атмосферу ученических балов того времени, а описанный бал проходил в стенах Второй женской гимназии.

⁷³ Это был преподаватель, который завоевывал симпатии учащихся политической пропагандой. Незадолго до этого он был уволен, причем девочки из-за его ухода объявили забастовку, из-за чего целый класс (шестой) временно был исключен из гимназии. Кстати, из-за невыплат жалования объявляли забастовки и учителя.

⁷⁴ Например, у К. К. Матвеева в 1919 году от тифа погибли двое детей.

⁷⁵ Клавдия Андреевна Белобородова (Мышкина) родом из Пермской губернии. Получила диплом Петроградского женского медицинского института в 1915 году. А еще раньше вышла замуж за врача Г. С. Мышкина, мобилизованного в армию, поэтому она иногда упоминается с двойной фамилией: Белобородова-Мышкина. В Екатеринбург она приехала вместе с мужем в 1919 году еще при власти Колчака и стала работать в сыпнотифозном госпитале, а после отступления Белой армии осталась там главврачом, одновременно являясь главврачом Первой городской больницы. Всю жизнь эта семья проработала в медицине Екатеринбурга-Свердловска. Кстати, их дочь, Зера Мышкина, стала известным в городе краеведом.

Так как врач, возглавлявший госпиталь, вместе с двумя другими врачами перед приходом Красной Армии эвакуировался, Белобородова, которой только исполнился 21 год, осталась за главного врача. Причем эвакуировавшиеся вывезли белье, деньги, продукты, почти все медикаменты, а из персонала остались только три врача (не считая самой Белобородовой), да средний и низший персонал. Сама Белобородова, отказавшаяся бросить больных, сначала едва не была расстреляна «белыми» за отказ от эвакуации, а затем «красными», которые поначалу во всех видели пособников Колчака.

Госпиталь в здании бывшей гимназии просуществовал до 1920 года, когда в связи с образованием Уральского государственного университета здания начали освобождать от госпиталей под учебные цели.

Медицинский факультет Уралуниверситета. Медицинский факультет Уральского государственного университета (Уралуниверситета, или УГУ, такое тогда было принято сокращение) начал занятия в сентябре 1920 года – раньше всех остальных факультетов – и даже раньше официального декрета об открытии университета. Причем на медицинский факультет сразу принимались студенты 1–4 курсов: на первый – обычный прием, а на 2–4 брали «бывших студентов и лекпомов со стажем» – в зависимости от опыта. Количество их было большим – благодаря декрету Совнаркома, который освобождал из армии желающих учиться⁷⁶. Медицинский факультет в 1920–1921 учебном году стал самым большим (503 студента) после Рабочего факультета – рабфака (690 студентов). Для сравнения: на геолого-разведочном факультете было 224 студента, на рудничном – 120⁷⁷.

Первым деканом медицинского факультета был член правления Уральского университета известный врач И. Н. Кавалеров⁷⁸, который параллельно возглавлял кафедру пропедевтики внутренних болезней и заведовал терапевтическо-хирургической клиникой.

К сожалению, этот медицинский факультет не стал базой для создания в Екатеринбурге самостоятельного медицинского вуза: в 1924 году из-за сокращения («ужимания») университета медицинский факультет был переведен в Пермь, где влился в состав Пермского университета. А Свердловский медицинский институт (ныне – Уральский государственный медицинский университет) создавался уже в 1931 году.

Считается, что медицинский факультет университета располагался в здании первой женской гимназии (о ней мы уже упоминали, ныне это корпус УрГПУ – Уральского государственного педагогического университета по ул. Карла Либкнехта, 9/ул. Толмачева, 8), однако это не совсем так. Этот факультет начал работать именно в здании бывшей Второй женской гимназии, а в другое здание переехал вынужденно.

В октябре 1920 года Особая военная комиссия приняла решение отдать здания рабфака и медицинского факультета под госпиталь. Однако вновь госпиталь там открыть не успели: в том же октябре в студенческом общежитии (кроме учебных аудиторий в том же здании размещалось и общежитие) от неосторожного обращения

⁷⁶ Не только из Красной Армии, но и из сдавшихся частей Белой армии.

⁷⁷ Екатеринбург за 200 лет: сборник. Екатеринбург: Уралкнига, 1923. С. 215.

⁷⁸ Иван Николаевич закончил в 1896 году медицинский факультет Московского университета. Стажировался в Париже и Ницце, работал на юге России. Перед приездом в Екатеринбург работал в Москве, где организовал больницу для сыпнотифозных больных. После Екатеринбурга работал в Харькове, Донецке, а с начала 1930-х до середины 1940-х годов – в Горьком (Нижнем Новгороде), основал кафедру гигиены труда и профессиональной патологии и руководил ею до самой смерти в 1946 году.

Главное здание Свердловского горного института (фото 1980-х годов)

Современный вид здания. Фото автора.

с железной печью сгорела почти вся крыша здания. Вследствие этого было надолго испорчено центральное отопление и сильно пострадал весь верхний этаж, вследствие чего было сорвано развитие факультета, а университет на всю зиму 1920–1921 года потерял это здание.

После ремонта (в том числе силами студентов и преподавателей) в 1921–1922 учебном году здание вновь стало университетским: там открылся Горный факультет, который через годы стал основой для Свердловского горного института. Однако и студенты-медики переехали в здание бывшей первой женской гимназии не полностью: часть занятий по медицине проходила в этом здании вплоть до августа 1924 года, когда факультет полностью был переведен в Пермь.

Горный факультет Уралуниверситета. В начале 1921 года Горный перестал существовать как институт в составе университета. Два факультета бывшего института – рудничный и геолого-разведочный – переименовали в «отделения» и объединили в один горный факультет университета. Этот факультет уже в начале года решено было разместить в здании бывшей Второй женской гимназии, однако фактически это произошло лишь в сентябре, к началу 1921–1922 учебного года – до этого из-за последствий пожара здание было непригодно для использования.

Сохранились воспоминания студента тех лет, впоследствии лауреата Государственной премии, старейшего геолога Урала К. Е. Кожевникова о том, что здание было в плохом состоянии, ему требовался ремонт: «Вместе с нами работал и профессор А. В. Шубников⁷⁹. Все делали сами: двери, рамы, перегородки, столы, стулья и т. д.».

Впоследствии Горный факультет стал «гостевым» – т. е. своеобразной «визитной карточкой» всего университета – так, например, в декабре 1922 года его показывали делегации Коминтерна, в августе 1923 года – группе американских сенаторов. Летом того же 1923-го в этом здании выступал с лекцией «Интеллигенция и революция» один из вождей победившего пролетариата А. В. Луначарский.

О вузе Луначарский высказался сдержанно – заметив, что он «цепко утверждает себя в жизни и является полезным элементом нового строительства». На самом деле даже это могло считаться большой похвалой, потому что университет, едва успев сформироваться, уже начал разваливаться. Постоянное сокращение и «ужимание» факультетов привело к тому, что к 1924–1925 учебному году, после того как медицинский факультет был переведен в Пермь, в университете осталось всего три факультета: горный, химико-металлургический и лесопромышленный. Университет уже «не котировался» и в Москве: яркий пример тому тот факт, что когда после смерти Ленина поступила просьба присвоить вузу имя вождя, то она не была удовлетворена.

В мае 1925 года Уральский государственный университет был упразднен и переименован в Уральский политехнический институт – УПИ.

Горный факультет в составе УПИ. Любопытно, что университет сначала хотели переименовать в Уральский горный институт, сохранились даже документы, где институт именуется Горным, но потом решение было изменено в пользу Политехнического института – скорее всего, потому, что два факультета их трех оставшихся считались техническими. Однако вскоре Горный факультет едва не закрылся – в Главпроффорбе сложилось мнение о такой необходимости в связи с тем, что «в стране уже есть три вуза, в которых готовят инженеров для горной промышленности» (имелись в виду Петроградский горный институт, Московская горная академия и Сибирский технологический

⁷⁹ Алексей Васильевич Шубников – выдающийся кристаллограф, будущий зав. лабораторией кристаллографии АН СССР.

институт), причем профессор Беккер из МГА даже бросил: «Зачем Уралу горфак? Там и угля-то нет»⁸⁰. Отстоять факультет перед Главпроффорбом удалось лишь к 1926 году, а до этого он «висел на волоске».

Однако уже в 1930 году ситуация изменилась кардинальным образом: на Урале был запланирован промышленный бум, и институты, еще вчера казавшиеся ненужными, начали, наоборот, расширяться, в итоге снова был сформирован Уральский горный институт⁸¹.

УГИ–СГИ–УГГА–УГГУ. В марте 1930 года на базе геологоразведочного отделения горного факультета УПИ был создан Уральский геологоразведочный институт, а рудничное отделение того же факультета было отдано Институту цветных металлов и названо Горным факультетом. В сентябре того же года новое преобразование: из части уже нового горного факультета создан Уральский горный институт угольных и нерудных ископаемых. И, наконец, 5 июня 1932 года этот вуз был объединен с Уральским геологоразведочным институтом в единый Уральский горный институт. Здание бывшей второй женской гимназии стало главным зданием этого вуза, получившего снова самостоятельность.

В январе 1934 года перестала существовать Уральская область, а бывший Екатеринбург, переименованный в Свердловск, стал центром Свердловской области. Из-за этого чередой пошли переименования, которые коснулись и Горного – с 18 декабря 1934 года он надолго стал Свердловским горным институтом.

С тех пор название вуза менялось еще несколько раз: с 1947 года – Свердловский горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1969-го – Свердловский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1991-го – Уральский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1993-го – Уральская государственная горно-геологическая академия и, наконец, с 2004-го носит свое нынешнее название – Уральский государственный горный университет (УГГУ). И все эти годы в названии вуза всегда было слово «горный», а главным зданием был корпус на ул. Куйбышева, 30.

С начала 1920-х годов в здании были не только учебные аудитории, как сейчас, но и жилье – в основном для преподавателей. До 1980 года в этом здании располагалась институтская библиотека (там, где сейчас находится бухгалтерия). Сейчас в здании кроме ректората и различных служб расположен горно-механический факультет УГГУ.

Нужно отметить, что со времен второй женской гимназии планировка здания изменилась. В 1926 году достроен третий этаж, сохранились перегородки, которые когда-то были поставлены временно, но так и остались постоянными. В одном пристрое изначально была небольшая церковь, гимнастический зал, аудитория, физический и химический кабинеты, в другом – котловая, архив и различные службы. Кстати: до 1990-х годов одну из лестниц украшало дореволюционное зеркало.

Изменения произошли и на внешнем фасаде здания. На стенах здания можно увидеть мемориальные доски – Н. К. Келлю⁸², С. А. Федорову⁸³, Л. Д. Шевякову⁸⁴, Н. В.

⁸⁰ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 580.

⁸¹ Подробнее об этом см. краткий исторический очерк в начале статьи.

⁸² «Здесь в 1917–1921 гг. работал член-корреспондент Академии наук СССР профессор Келль Николай Георгиевич – один из организаторов института и кафедры геодезии».

⁸³ «Здесь в 1933–1967 гг. работал профессор, доктор технических наук Федоров Сергей Алексеевич – ведущий учёный в области строительства шахт, заведующий кафедрой шахтного строительства».

⁸⁴ «Здесь в 1932–1944 гг. работал академик Академии наук СССР Шевяков Лев Дмитриевич – основатель аналитических методов в горном деле».

Мельникову⁸⁵, а также мемориальную доску студентам института – Героям Советского Союза⁸⁶. Рядом со зданием в 1948 году установлен бюст В. В. Вахрушева, имя которого вуз носил с 1947 по 1993 год, а также мемориальный комплекс студентам и сотрудникам Горного института, павшим в боях в годы Великой Отечественной войны, установленный в 1975 году и реконструированный в 2005-м. В 2014 году в честь 100-летнего юбилея со дня основания вуза на фасаде здания к надписи «Горный институт» по бокам добавились цифры: «1914» и «2014».

2-й учебный корпус УГГУ – бывшее здание женского епархиального училища.
Адрес: пер. Университетский, 9

Для того, чтобы рассказать историю этого здания, которое часто называют зданием нового епархиального училища, мы сначала расскажем в целом о женском епархиальном училище, имевшем в Екатеринбурге несколько зданий, а потом уже перейдем к истории этого отдельного здания.

Женское епархиальное училище было в Екатеринбурге своеобразной «кузницей кадров» для подготовки учителей церковно-приходских школ, которых в Екатеринбургской епархии⁸⁷ к середине 1890-х годов было 117, а к 1900 году уже стало 162. Кроме этого училище выполняло задачи подготовки учительниц церковно-приходных училищ, а также давало духовное образование.

Училище ведет свою историю с 1838 года, когда при Ново-Тихвинском женском монастыре⁸⁸ была открыта школа-приют. В 1868 году школа была преобразована в четырехклассное епархиальное училище, а в 1880 году получила статус шестиклассного училища. В то время училище называлось Зауральское, с 1886 года – Екатеринбургское женское епархиальное училище. Принимались туда девочки не моложе 9 лет, окончившие церковно-приходские школы. Обучение было платным, однако дочерям священнослужителей обучение полностью или частично оплачивалось за счет епархии, поэтому девочек из других сословий здесь училось мало: родителям таких учениц, которые назывались «своекоштными», приходилось полностью оплачивать и обучение, и проживание в пансионе. Училище находилось в ведении Священного синода и духовного комитета при нем, преподавание подчинялось требованиям устава. Преподаватели из числа светских лиц появились там лишь в начале XX века⁸⁹, когда программы епархиальных училищ стали сближаться с программами светских учебных заведений. Первой начальницей училища (до 1890 года) была игуменья Магдалина (в миру – М. А. Неустроева). А последней начальницей (с 1903 по 1918 год)

⁸⁵ «Академик Николай Васильевич Мельников (1909–1980) – выдающийся учёный и организатор науки и промышленности, Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий СССР, выпускник Свердловского горного института 1933 года».

⁸⁶ «Студенты Свердловского горного института, участники Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза: Богданов Пётр Антонович, Крутошинский Андрей Михайлович, Кудрявицкий Давид Абрамович, Опрокиднев Борис Константинович, Якимов Алексей Петрович».

⁸⁷ Самостоятельная Екатеринбургская епархия, выделенная из Пермской епархии, была учреждена в 1885 году. В нее входили Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды.

⁸⁸ О самом Ново-Тихвинском монастыре мы расскажем отдельно далее, когда речь пойдет об общежитиях Горного.

⁸⁹ Например, с 1907 по 1913 год в этом училище преподавал церковнославянский язык, русский язык и основы алгебры П. П. Бажов – будущий известный уральский писатель. А его жена Валентина Александровна (в девичестве Иваницкая) была из числа его учениц, он сделал ей предложение на выпускном вечере.

была выпускница Казанского Родионовского института благородных девиц В. В. Рогинская.

До получения статуса училища это учебное заведение располагалось в стенах Ново-Тихвинского монастыря, а в 1880 году получило собственное здание, которое сейчас принято называть старым епархиальным училищем. В нем были устроены не только кабинеты для рисования, рукоделия и музыки, но и, например, кабинет физики, где имелись приборы для лабораторных занятий. Здание располагалось в начальном квартале Александровского проспекта (ныне – ул. Декабристов). Позже – в 1952–1953 гг. – оно было значительно перестроено по проекту архитектора С. А. Васильева. Сейчас в нем находится Екатеринбургский монтажный колледж, современный адрес: ул. Декабристов, 83.

Помимо учебного здания училище имело собственное общежитие – пансион епархиального училища, располагавшийся в двухэтажном здании на углу Александровского проспекта (ныне – ул. Декабристов) и Щепной площади (ныне – пер. Университетский). Это здание было построено в 1897 году как детский приют Ново-Тихвинского монастыря. В 1920 году здесь разместили правление Уральского государственного университета и инженерно-лесной факультет. Позже здесь обосновался техникум пищевой промышленности, ныне – Екатеринбургский экономико-технологический колледж. Современный адрес здания: ул. Декабристов, 58.

Финансировалось епархиальное училище за счет Екатеринбургской епархии при участии Пермской епархии, взносов от отдельных церквей и Екатеринбургского земства. Проблемы с финансированием начались во время Первой мировой войны, из-за чего в 1915 году число учениц снизилось на треть, а в 1916 году те ученицы, которые учились за казенный счет, лишились поддержки государства. Однако, несмотря на последовавшие две революции 1917 года и смены власти в 1918 и 1919 годах, занятия хотя временами прерывались⁹⁰, но окончательно были прекращены лишь весной 1920 года.

Новое епархиальное училище, в котором сейчас расположен 2-й учебный корпус УГГУ, поначалу называлось так лишь в просторечье – потому что это было новое здание, построенное для епархиального училища: в то время еще не начались потрясения, связанные сначала с мировой войной, а затем революциями, и епархиальному училищу нужно было расширяться. Это просторечное название «прижилось» и используется в различной литературе до сих пор. Весь дальнейший наш рассказ будет уже о нем.

Первый камень в основание нового здания епархиального училища был положен 30 мая 1913 года преосвященным Митрофаном, сотворившим молебен по случаю закладки этого камня. Место для строительства в квартале улиц Уктусской (ныне 8 Марта), Монастырской (Народной Воли) и Александровского проспекта (ул. Декабристов) Екатеринбургская епархия купила у Ново-Тихвинского женского монастыря за 100 тысяч рублей. Строилось оно с 1913 по 1916 год по проекту архитекторов Станилевича и Полкова⁹¹. Это было кирпичное трехэтажное здание с полуподвалом, освящение и открытие которого состоялось 10 января 1917 года. На втором этаже (слева

⁹⁰ Декретом Совнаркома от 11 декабря 1917 года епархиальные училища были ликвидированы, а их имущество стало «достоянием народа», однако смена власти в июле 1918 года еще продлила жизнь училища.

⁹¹ К. А. Полков – архитектор здания второй женской гимназии, о котором мы уже писали ранее.

от лестницы) находилась церковь⁹², вмещавшая до 700 молящихся. Третий этаж был жилым: там находились спальни для учениц.

Такое было время, что здание начали использовать не для тех целей, для которых его строили, почти сразу. Так, есть упоминания о том, что уже весной 1917 года девочек-учениц потеснили, разместив в нем госпиталь⁹³. А с 17 июля по 2 августа того же года в большом зале училища заседал 2-й Уральский областной съезд Советов⁹⁴. Весной 1918 года в здании училища разместили переехавшую из Петрограда академию Генштаба.

Академия Генерального штаба. В современных источниках эту академию обычно называют Николаевской академией Генерального штаба (чтобы не путать с созданной позже академией РККА), однако в 1918 году, после двух революций, она называлась просто академией Генерального штаба и была на тот момент единственной в стране.

Это высшее военное учебное заведение было основано 26 ноября 1832 года на базе расквартированного в Москве, затем в Петербурге училища колонновожатых, существовавшего с 1810 года. Из выпускников формировался корпус офицеров Генерального штаба (центральный орган военного управления государства) чином не ниже поручика. Обучение там считалось почетным и приравнивалось к особому отличию, а выпускники занимали высокие военные должности – например, в годы Первой мировой войны из числа выпускников академии были почти все командующие фронтами и армиями. То есть, по сути, это была «кузница» будущих высших военных начальников страны. Официальные названия до 1917 года: при создании – Императорская военная академия, с 1855 – Николаевская академия генерального штаба (в честь императора Николая I), с 1909 – Императорская Николаевская военная академия.

По итогам Гражданской войны эту академию принято считать «белой» («белогвардейской»), однако в начале 1918 года она таковой не была. В ней, безусловно, были люди как среди преподавателей, так и среди курсантов, настроенные против Советской власти, однако она в 1917–1918 годах продолжала работать в уже советском Петрограде и была эвакуирована в советский Екатеринбург – по приказу одного из советских же лидеров Л. Д. Троцкого. Причины перевода указываются разные: от голода и разрухи, которые в то время начались в столице, до опасности прорыва фронта. Скорее всего, Троцкий, зная о том, что в академии много противников Советской власти, просто решил отправить ее в глубокий тыл, подальше от столицы, не предполагая в то время, что на Урале начнется Гражданская война. Один из преподавателей этой академии Михаил Иностранцев, оставивший воспоминания об этом периоде, писал, что в начале 1918 года в Петрограде состоялась конференция академии, делегаты которой высказывались за перевод ее в какой-нибудь южный город, однако Троцкий, зная о том, что юг – оплот белых сил, ответил начальнику академии полковнику (позже – генерал-майору) А. И. Андогскому: «Мы не так просты и наивны полковник, как думает ваша конференция. Академия будет и должна служить нам и никому другому (...) ... я намерен предложить эвакуировать Академию на восток, например, в Екатеринбург». Так, в марте 1918 года было принято решение о передислокации академии в столицу Урала.

⁹² Об этой церкви мы подробнее расскажем далее.

⁹³ Ефремова У. П., Попов М. В. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920-е гг.) // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 17.

⁹⁴ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 646.

Новое женское епархиальное училище (1917 год)

Химико-металлургический факультет УПИ в здании бывшего епархиального училища (начало 1930-х годов)

Здание епархиального училища в Екатеринбурге для академии было выбрано не случайно: место это в то время считалось удаленным от центра города, позволяло все занятия проводить автономно – в общем, оказалось идеальным для властей, которым было приказано «присматривать» за потенциально неблагонадежными гостями. По крайней мере именно установленной за ними слежкой офицеры, перешедшие позже на сторону «белых», оправдывали свою пассивность в отношении расстрела семьи Николая II, который произошел как раз в то время, когда академия была в Екатеринбурге. При этом сам город гостям, приехавшим из растерзанного революциями Петрограда, понравился⁹⁵.

В июле 1918 года, когда стала явной угроза захвата Екатеринбурга Чехословацким корпусом, часть преподавателей и курсантов (в основном старшекурсников), несмотря на угрозу расстрела, сумели остаться в Екатеринбурге и с восторгом встретили новую власть, однако основной состав академии был эвакуирован Советской властью в Казань. И только с падением советской Казани, которая была захвачена частями Народной армии под командованием В. О. Каппеля⁹⁶ настолько быстро, что эвакуация «красных» была больше похожа на паническое бегство, слушатели академии смогли разбежаться или перейти на сторону «белых». Позже академия, доставшаяся «белым» со всеми документами, материальной и научной базой, продолжила работу, сначала эвакуировавшись в уже «белый» Екатеринбург, потом Томск, Омск, и, наконец, во Владивосток. Последний выпуск академии состоялся в 1921 году на острове Русский. При этом не нужно считать, что все преподаватели и курсанты академии сражались на стороне «белых». Среди них было немало и тех, кто пришли служить «военспецами» в Красную Армию, причем в то время было не редкостью, когда тот или иной офицер успевал «отметиться» и среди «красных», и среди «белых», что, порой, было просто делом случая: таковы особенности Гражданской войны.

Часть слушателей и преподавателей академии из числа эвакуированных в Казань в августе 1918 года встретились с товарищами, сумевшими остаться в Екатеринбурге. По этому поводу в церкви епархиального училища был заказан «благодарственный молебен по случаю избавления Академии от большевиков».

В целом же в истории про академию Генштаба осталось рассказать о преемственности. В то время, когда на востоке России белые силы сумели воссоздать Николаевскую академию генерального штаба, на западе по инициативе Ленина (в противовес) была создана академия РККА, которая в 1921 году была реорганизована и переименована в академию им. М. В. Фрунзе, таким образом, с 1918 по 1921 год существовали две военные академии – белогвардейская Николаевская и Рабоче-крестьянской Красной Армии. Однако академия РККА, успешно готовившая кадры звена полк–дивизия, так и не сумела наладить производство кадров для высшего командного звена, поэтому в 1936 году было принято решение создать новое учебное заведение – академию Генерального штаба РККА, которая носила имя К. Е. Ворошилова, подписавшего приказ о ее создании. Однако после распада СССР историю современной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации приказом Министра обороны В. В. Квашнина от 1997 года принято считать не с 1936-го, а с 1832 года, когда была

⁹⁵ Иностранцев пишет: «Это был хотя и провинциальный, но чисто русский город и притом довольно благоустроенный».

⁹⁶ Один из руководителей белого движения на востоке России. В указанный период – полковник, позже – генерал-лейтенант. Умер в 1920 году от воспаления легких во время Великого Сибирского Ледяного похода.

создана Императорская (позже – Николаевская) военная академия.

Эвакогоспиталь № 230. После возвращения в Екатеринбург Советской власти в июле 1919 года здание бывшего епархиального училища было отдано под эвакогоспиталь, о котором нам известно только то, что он был «свободным»⁹⁷.

Гораздо драматичнее сложилась судьба здания год спустя, когда там решено было создать концентрационный лагерь, и лишь личное вмешательство Ленина помогло отстоять бывшее епархиальное училище для студентов.

Екатеринбургский концентрационный лагерь № 1. В 1920 году, когда в Екатеринбурге открывался Уральский государственный университет, ему стали передаваться здания (общим числом 27⁹⁸), в основном ранее занимаемые под госпитали, в том числе и бывшее здание нового епархиального училища. Однако в октябре 1920 года, когда уже в здании разместилось правление университета, Особая военная комиссия приняла решение о занятии одного этажа под казармы батальона 36-го пехотного полка и двух этажей нового епархиального училища под концентрационный лагерь. И концентрационный лагерь был открыт, но один этаж здания остался за университетом – такое вот соседство.

Указ о создании концлагерей был принят советским правительством еще в 1918 году, однако на Урале создание таких лагерей стало особенно важным начиная с 1919 года, после отступления на восток войск Колчака. Екатеринбургский концлагерь № 1 был особым⁹⁹ – в нем (а также в Нижнетуринском исправительном рабочем доме) содержались исключительно бывшие белые офицеры, некоторые из которых по иронии судьбы в этом же здании были слушателями военной академии.

Сохранилось неотправленное письмо жене содержавшегося там бывшего Камышловского воинского главы Н. В. Шевякова, вскоре расстрелянного, который пишет: «Жить в числе 100 человек не особенно удобно, живу впроголодь»¹⁰⁰. Часто все питание заключенных состояло только из воды и кипятка.

Для того чтобы освободить здание для учебных целей, правление университета обращалось сначала к наркому просвещения А. В. Луначарскому, затем в Реввоенсовет, а когда это не дало результатов – к В. И. Ленину. 10 ноября 1920 года Ленин направил в Екатеринбург телеграмму: «Предлагаю немедленно освободить занятые здания¹⁰¹ университета. Никаких зданий не занимать впредь без указаний Центркомкварткома. Предсовнаркома Ленин». Однако Совтрударм, председателем которого был Л. Д. Троцкий, даже после этой телеграммы не спешил освобождать занятое под концлагерь здание, и тогда 17 декабря 1920 года от Ленина последовала вторая телеграмма, еще более жесткая: «Приказываю немедленно освободить отведенное помещение Уральскому университету и предписываю впредь не нарушать самовольно работу университета, с предупреждением о передаче суду виновных. Председа-

⁹⁷ Главадский М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 176.

⁹⁸ Там же. С. 180.

⁹⁹ Не путать с Екатеринбургским губернским концлагерем № 1, располагавшимся в кирпичных сараях за станцией Екатеринбург I, где осужденные привлекались к трудовой повинности.

¹⁰⁰ Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе: проблемы и перспективы // Материалы II межрегион. науч.-практ. конф. (7 апр. 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. С. 79–85.

¹⁰¹ Кроме бывшего здания нового епархиального училища не были освобождены и другие здания, например здание рабфака было отдано под госпиталь.

2-й корпус Свердловского горного института (фото 1980-х годов)

Современный 2-й корпус УГГУ. Фото автора.

тель Совнаркома Ленин»¹⁰². После такой телеграммы уже на следующий день здание было освобождено.

Осталось лишь упомянуть, что всего за два с половиной месяца (с октября по декабрь), когда три этажа использовались под казармы и концлагерь, здание пришло почти в полную негодность. Сохранился отчет о деятельности хозяйственно-административной части университета за ноябрь–декабрь 1920 года, где отмечается, что «была полностью сорвана вся электрическая проводка, совершенно испорчены все уборные и т. д. – почти на одну четверть аршина от пола заполнены экскрементами не только помещения уборных, но и прилегающие к ним комнаты. Совершенно засорен экскрементами и испорчен навсегда колодец, обслуживающий водоем все здание. Экскрементами также покрыта вся часть двора, прилегающая к заднему выходу из здания. Даже часть чердака была превращена в уборную»¹⁰³.

Нетрудно себе представить, каких трудов потом стоило университету привести это здание в порядок (в частности, 29 декабря 1920 года был объявлен общеуниверситетский субботник по уборке здания).

Химико-металлургический факультет. Помимо того что бывшее здание нового епархиального училища стало главным административным корпусом университета (а с 1925 года после расформирования университета главным зданием УПИ), в нем с 1921 года располагался химико-металлургический факультет.

Еще летом 1920 года Горный был разделен на два института – собственно Горный и Политехнический (УПИ), которые вошли в состав университета именно как институты. Причем металлургический факультет относился к Горному институту, а химический – к Политехническому. Однако к началу 1921 года деление на институты внутри университета было отменено, а факультеты укрупнили. Так был образован химико-металлургический факультет, который работал сначала в составе университета, затем в составе УПИ. В этот период тоже случались беды. Например, 26 ноября 1925 года во втором часу ночи загорелся чердак, а пожарные больше часа наблюдали, как он горит, опасаясь «ядовитых газов», только после этого начали тушение. Почти полностью сгорела крыша с пирамидальным церковным куполом, и при ремонте его заменили полусферическим. Пострадала лаборатория качественного анализа, и прогорел потолок чертежного зала, который после ремонта разделили на два этажа. Занятия, впрочем, из-за пожара были прерваны всего на один день.

Химико-металлургический факультет размещался в этом здании до 1932 года, пока вместе со всем Политехническим институтом не переехал в новый Втузгородок.

УГИ–СГИ–УГПА–УГГУ. В 1932 году здание было передано Уральскому (с 1934 года – Свердловскому) горному институту.

Однако еще раз в истории здания был период, когда оно использовалось для других целей – в годы Великой Отечественной войны там, как и во многих других зданиях города, размещался госпиталь. На здании установлена памятная доска с надписью: «В этом здании в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов размещался госпиталь № 1706 для раненых воинов Советской¹⁰⁴ Армии».

¹⁰² Главацкий М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 183.

¹⁰³ Там же. С. 184.

¹⁰⁴ Правильнее было бы написать "Красной Армии" (Советской Армией она стала называться с 1946 года), но так написано на табличке.

Монтаж купола церкви Екатерины Великомученицы (2014 год)

Вид учебного корпуса после монтажа купола церкви (2014 год)

Госпиталь № 1706 работал с 3 июля 1941 по 1 июня 1944 года, причем размещался в двух зданиях: 2-м корпусе Горного института и в общежитии парткурсов (просп. Ленина, 42, ныне на месте этого здания построена гостиница «Евразия»). Профиль госпиталя: общехирургический, глазной, полостной, ортопедический. Вместимость – от 600 до 1500 коек. Начальники: А. И. Гарунов, Я. В. Кауфман. Известно, что особо тяжелых больных в этом госпитале было мало, за 4 года его работы число умерших – 26 человек.

Сейчас это 2-й учебный корпус УГГУ, где размещаются Институт дополнительного профессионального образования (ИДПО), Управление международной деятельности (УМД), а также горно-технологический факультет (ГТФ), считающийся ровесником вуза, и факультет гражданской защиты (ФГЗ).

Помимо уже упомянутой памятной таблички о госпитале времен Великой Отечественной войны, на здании установлена еще одна мемориальная доска – герою Советского Союза В. М. Крутошинскому¹⁰⁵.

Осталось рассказать о церкви, которая была внутри здания. Это был **храм Екатерины Великомученицы**, имевший статус придомового. Любопытно, что эта церковь, освященная в январе 1917 года, оказалась последним открывшимся храмом в дореволюционном Екатеринбурге. Когда в 1920 году здание передали университету, то иконостас убрали, а бывшее церковное помещение расчленили перегородками на кабинеты и аудитории, а росписи забелили известкой. Сам купол сгорел в 1925 году – тогда его заменили полусферическим. В 2003 году в этом помещении проходил ремонт, и рабочие за слоями известки обнаружили росписи. В 2014 году, к столетию со дня основания Горного института, купол церкви был восстановлен на средства УГГУ.

3-й учебный корпус УГГУ. Адрес: ул. Хохрякова, 85/ул. Куйбышева, 39

Этот учебный корпус представляет собой комплекс, состоящий из трех зданий: собственно учебного корпуса, расположенного на ул. Хохрякова, 85, а также храма Святителя Николая Чудотворца при УГГУ и Уральского геологического музея (Куйбышева, 39). Корпуса соединены между собой внутренними переходами. Исторически самое старое здание – это храм, затем было построено здание музея и в последнюю очередь – учебный корпус, поэтому и рассказывать о них мы будем именно в этой последовательности.

Храм Святителя Николая Чудотворца при УГГУ и кафедра теологии. Это реконструированное здание в дореволюционном Екатеринбурге было известно как Никольская церковь при Нуровском приюте, который в советское время был снесен.

Нуровский приют, который также часто называют приютом купца М. А. Нурова, – это был комплекс зданий, занимавший примерно ту же территорию, что сейчас занимает комплекс 3-го корпуса УГГУ.

Михаил Ананьевич Нуров, несмотря на то что официально имел гражданский чин коллежского советника, действительно был купцом 1-й гильдии. Нуровы были известными сальниками, то есть занимались салотопенным производством – сало использовалось для производства свеч, мыла, для нужд аптек и суконных фабрик. Этим бизнесом он, рано потерявший родителей, начал управлять уже в 17 лет. В Екатерин-

¹⁰⁵ «Здесь учился с 1935 г. по 1941 г. Герой Советского Союза Крутошинский Андрей Михайлович (5. I. 1918–9. IX. 1944), отдавший жизнь за Родину в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны».

Нуровский приют (начало XX века)

Вид на Никольскую церковь при Нуровском приюте (начало XX века)

бурге Нуров был не только известным купцом-меценатом, но и дважды избирался в качестве городского головы, был почетным гражданином города. Его именем называли не только приют, для которого он купил помещение и содержал за свой счет, но и сквер на ул. Пушкинской (ныне это ул. Пушкина, а сквер не сохранился – на его месте стоит Главпочтамт). Любопытно, что при этом человек он был весьма тщеславный, за что однажды поплатился: В. И. Немирович-Данченко, известный в то время не только как драматург, но и весьма язвительный журналист, будучи проездом в Екатеринбурге, высмеял в своей статье его дом на улице Архиерейской (дом не сохранился, а улица сейчас носит имя Чапаева), ворота которого были украшены персидским орденом Льва и Солнца. Нуров действительно имел такой орден, вот только было известно, что он просто купил его за деньги.

Здание для приюта на углу ул. Тихвинской (ныне ул. Хохрякова) и Сибирского проспекта (ныне ул. Куйбышева) было куплено на пожертвованные Нуровым 15 000 рублей. Приют был открыт «с соизволения императрицы Марии Александровны» 23 апреля 1857 года и по предложению Горного начальника Уральских заводов В. А. Глинки его официально называли «Нуровским». Это было двухэтажное здание, способное вместить 65 детей. Дети там не только жили, но и обучались – Закону Божьему, священной истории, чтению, письму, арифметике. Также детям давали навыки ведения домашнего хозяйства: дети здесь обрабатывали огород и ухаживали за небольшим садом. В 1867 году при приюте открылась «ночлежка» – ночлежное отделение для сирот и детей беднейших родителей.

В 1870 году, опять же по инициативе Нурова, при приюте был открыт ремесленный класс, где детей, по преимуществу девочек, стали обучать рукоделию: шитью, вышиванию, плетению, вязанию, а для мальчиков был приглашен мастер обучения башмачному и сапожному ремеслу. Лучшие детские работы в 1899 году представлялись на выставке в столице. А в 1901 году приют получил еще и 16,7 десятин земли в Березовской горнозаводской даче, где детей обучали полевым работам, а также куроводству, птицеводству и молочному хозяйству. Таким образом, по окончании приюта каждый из его воспитанников имел хорошую профессию. Принимались туда дети «обою пола» и всех сословий. Мальчики могли там жить до 12 лет, девочки – «до более зрелого возраста». Денег за содержание и учение с сирот не взималось, однако родители могли устроить детям «пансион» за плату 48 рублей в год, либо отправить туда ребенка учиться без проживания – за 20 рублей в год¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Уральский край. 1907. 29 апреля.

Самый известный из директоров Нуровского приюта – А. А. Миславский – врач, имя которого носит сейчас 2-я городская больница Верх-Исетского района Екатеринбурга. Миславский, занимавший должность директора до 1907 года, открыл при приюте небольшую больницу. После смерти Нурова (в 1880 году) приют состоял в ведении екатеринбургского горного попечительства.

Однако чтобы не складывалось впечатление, что все в этом приюте было благостно и идеально, приведем воспоминания о нем П. П. Бажова:

«Из зданий, выходящих на Щепную площадь, заметил тогда лишь Нуровский приют, двухэтажное каменное здание на том месте, где ныне выстроено здание геологического музея. При доме, как водилось для учреждений такого порядка, была домовая церковушка. Было бы где призреть помолиться за «благодетеля». Мне потом случалось много раз проходить мимо приюта приблизительно в одни и те же часы, и я неизменно слышал одну и ту же песенку:

Клубок катится,
нитка тянется...
Клубок дале, дале,
нитка доле, доле...

Через окно было видно: в большой комнате сидит человек сорок девочек в платьишках серо-грязного цвета, ковыряются над большими полосами белой материи и без конца тянут свою тоскливую песенку. Это запомнилось на всю жизнь, как самое унылое. И хотя я тогда был еще в поре мальчишеского презрения к девчонкам, этих нуровских приюток мне было жаль».

Никольская церковь при Нуровском приюте (официальное название – церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, также в документах встречается ее наименование как градо-Екатеринбургской Николаевской) была построена позже, когда приют начал расширяться (по сути, это был пристрой к основному зданию), она была освящена 3 февраля 1877 года. По статусу это была так называемая «домовая церковь», поэтому помещение использовалось не только для служб: «в пристроенном к зданию каменном двухэтажном флигеле в нижнем этаже отделение для пансионеров, верх занят церковью, устроенной иждивением учредителя». При церкви служили священник, дьякон и церковный староста, а также в ее штате были сторож, звонарь и караульный. Известно, что в июне 1902 года в этой церкви были подняты новые кресты.

После установления в Екатеринбурге Советской власти приют продолжал работать. В январе 1920 года его в числе десяти других екатеринбургских детских приютов переименовали – он начал называться Дом Свободы¹⁰⁷. Тогда же закрыли Никольскую церковь и сняли с нее колокола. А в январе 1924 года все городские детские дома «в целях разгрузки и освобождения жилой площади города были переведены в Ирбит¹⁰⁸».

Жилая площадь, освобожденная от сирот, была передана Уральскому отделению Геологического Комитета. В советское время там был проектный маркшейдерский институт, и лишь потом здание перешло Свердловскому горному институту (там располагалась бухгалтерия).

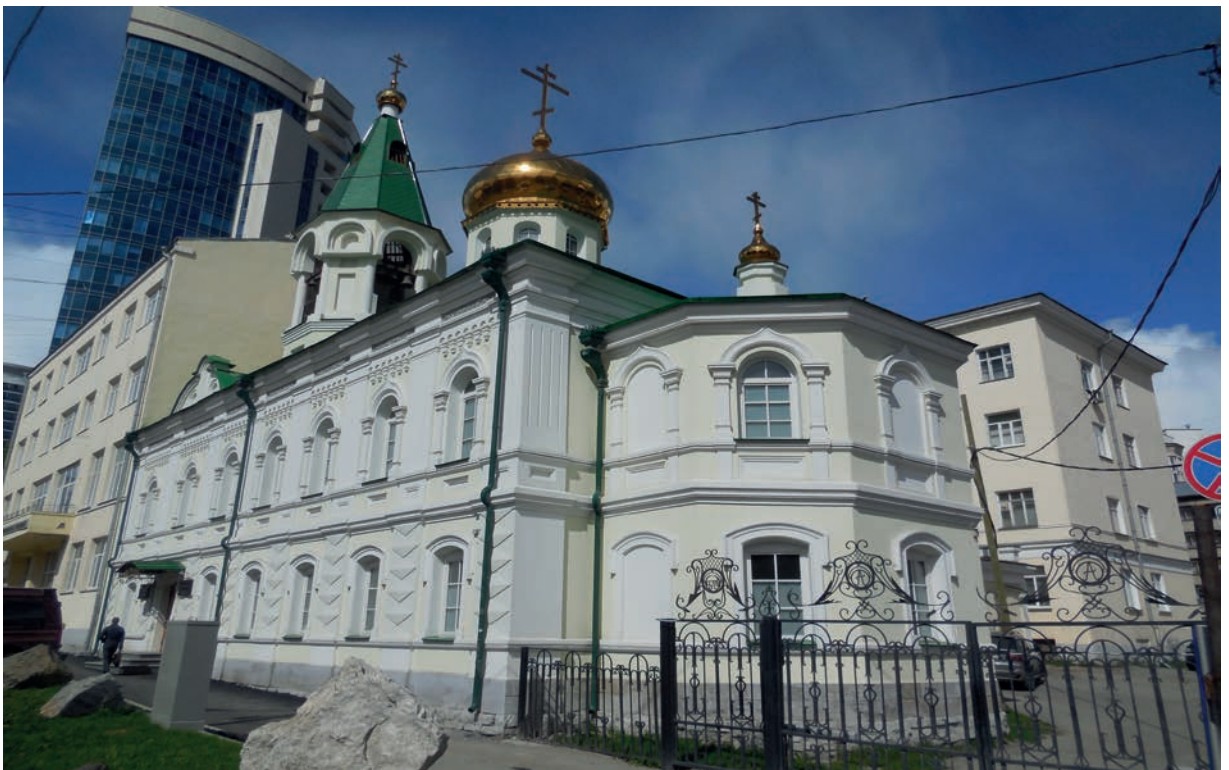
В 2003 году в УГГУ было принято решение восстановить здание церкви, первоначальное название которой было Свято-Николаевская церковь – Храм горняков России. В 2006 году состоялось освящение колоколов этого храма, в 2009 году было завершено

¹⁰⁷ Уральский рабочий. 1920. 29 января.

¹⁰⁸ Уральский рабочий. 1924. 3 января.

Восстановление храма (начало XXI века)

*Современный вид на храм Святителя Николая Чудотворца при УГГУ.
Фото автора.*

его внешнее убранство, а в 2010 году там крестилась первая группа студентов. Официальное завершение реконструкции, согласно табличке¹⁰⁹ на здании, произошло в 2011 году. Сейчас здание, как когда-то и в Нуровском приюте, имеет двойное назначение: в нем работает действующий храм Святителя Николая Чудотворца при УГГУ (официальное название – приход во имя святого Николая Мир Ликийских (Николая Мирликийского) Чудотворца, относящийся к Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви), у которого даже есть собственный сайт¹¹⁰, а также кафедра теологии УГГУ, где проходят учебные занятия студентов.

Уральский геологический музей начинался с временной научно-производственной геологической выставки, которую после начала работы решено было сделать постоянной. Дата открытия этой выставки – 2 августа 1937 года – считается днем открытия Уральского геологического музея. К 80-летию этого музея, которое празднуется в 2017 году, ему посвящены отдельные публикации, поэтому здесь о нем мы расскажем коротко. И начнем с рассказа об Уральском отделении геологического комитета, так как здание будущего музея строилось для этого комитета.

Уральское отделение геологического комитета. Геологический комитет (Геолком) был образован еще в Российской империи – в 1882 году указом императора Александра III и располагался в Петербурге. После революции, в марте 1918 года, он был передан в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), а в 1923 году были созданы шесть отделений этого комитета, в том числе Уральское.

На какой базе создавалось Уральское отделение? До революции на Урале существовало Уральское Горное Управление, но должность геолога в его штате появилась лишь в 1904 году. Ситуация осложнялась тем, что каждый частный округ Урала был чьей-то вотчиной, геологическое исследование которой зависело от воли (и финансов) владельцев этой вотчины, а результаты картирования зачастую могли быть либо фальсифицированы (для спекулятивных целей), либо быть засекреченными. В итоге Урал оставался очень слабо картированным, т. е. на государственном уровне картирование началось уже только при Советской власти.

В 1920 году был создан Уральский геологический комитет¹¹¹. А в 1923 году на базе комитета Уральского отделения Центрального управления промышленных разведок (ЦУПР) организуется бюро геологического комитета, которое вскоре переименовали в Уральское отделение геологического комитета.

Начало работы Уральского отделения Геолкома было трудным. По свидетельству технического руководителя Уралгортреста П. А. Гирбасова¹¹², «примерно с 1923 года на Урале было создано неработоспособное Уральское отделение Геолкома. Работа тормозилась отсутствием кадров». Однако к 1925–1926 годам начинается «новая эра в деле геологического картирования Урала. Все геологические съемки Урала были подчинены единому плану картирования в масштабе 1:200 000¹¹³».

¹⁰⁹ Текст памятной таблички: «Памятник архитектуры XIX века. Приют купца Нурова М. А. Восстановлен в 2011 году силами более 3,5 тысяч студентов, выпускников и друзей Горного университета».

¹¹⁰ Храм святителя Николая Чудотворца при УГГУ. URL: <http://nikolahram.com>

¹¹¹ Подробнее об этом см. От Уральского горного комитета – к Региональному агентству по недропользованию по Уральскому федеральному округу (1920–2005). Екатеринбург. Уралнедра, 2005.

¹¹² Петр Афанасьевич Гирбасов в марте 1930 года был арестован по делу Уральского инженерного центра Промпартии. Умер в 1940 году в заключении. Сохранились протоколы его допросов, выдержки из которых здесь используются.

¹¹³ Филатов В. В. История создания Уральского геологического музея. Екатеринбург, 1998. С.

Бывшее здание Геолкома, предоставленное для проведения научно-производственной геологической выставки (1937 год)

**Делегаты XVII сессии
Международного геологического
конгресса, 1937 г.**

*Делегаты Международного геологического конгресса после посещения выставки
(1937 год, фото сделано во дворе здания)*

В 1930 году управление преобразовывается в Уральский геологический трест (Уралгеотрест), в 1931 году – в Уральское геологическое управление. Ныне это Региональное агентство по недропользованию по УрФО (Уралнедра).

Как мы уже упоминали, когда в 1924 году детский приют под названием Дом Свободы был переведен в Ирбит, комплекс зданий этого приюта достался Уральскому отделению Геологического комитета. Штаты этого отделения быстро росли, и к октябрю 1928 года встал вопрос о строительстве нового здания. К 1930 году для этого комитета (уже носившего название Уралгеотрест) было построено на месте снесенного приюта новое здание – четырехэтажный куб с балконом полезной площадью 1500 м², рядом с которым осталось здание бывшей приютской церкви. Однако в конце 1936 года геологи (уже Уральское геологическое управление) переехали в новое здание на углу улиц Вайнера и Куйбышева (Куйбышева, 55), и здание было передано на баланс института «Уралгео-мин». Как раз в это время оно было выбрано для проведения научно-производственной геологической выставки.

Научно-производственная геологическая выставка. Эта выставка, положившая начало Уральскому геологическому музею, своему созданию обязана Международному геологическому конгрессу, XVII сессия которого в 1937 году проходила в Москве.

Этот конгресс с 1878 года проходит в разных странах, причем Россия этой чести удостоилась лишь однажды – в 1897 году. Поэтому, когда в 1934 году на XVI сессии, которая проходила в Вашингтоне, советской делегации удалось договориться о проведении следующего форума в столице СССР, его подготовка стала вопросом международного престижа страны. В оргкомитете по проведению конгресса, который начал работать уже в 1934 году, для гостей запланировали геологические экскурсии по всей стране, из которых три (а в итоге даже четыре) должны были пройти по Уралу: одна до сессии и три после нее. А геологическая выставка в Свердловске, по замыслу организаторов, должна была стать ключевым пунктом этих экскурсий.

Организовать в Свердловске геологическую выставку поручили Уральскому Дому Техники¹¹⁴, поэтому председателем оргкомитета выставки стал директор Дома Техники Ф. П. Барсуков, а потом сменивший его на этой должности П. И. Грамолин.

В нашу задачу не входит подробное описание подготовки этой выставки, поэтому упомянем лишь, что в ней участвовали многие геологи, в том числе известные и за пределами Урала. Стоит упомянуть, что выставка создавалась в очень трудное и страшное время, когда в стране шла полным ходом борьба с «врагами народа». Нашлись такие и среди организаторов выставки: это, собственно, председатель оргкомитета Ф. П. Барсуков¹¹⁵, геологи Б. В. Дидковский¹¹⁶ и Н. А. Ушаков¹¹⁷, также в период

¹¹⁴ Уральский Дом Техники – пропагандистско-просветительское учреждение, организованное приказом Наркомтяжпрома Г. К. Орджоникидзе в 1935 г. Располагался в Свердловске в еще строящемся Доме Промышленности (ныне – здание «НПО автоматики», ул. Мамина-Сибиряка, 145).

¹¹⁵ Арест Федора Павловича Барсукова имел непосредственное отношение к выставке: его обвинили в срыве сроков ее подготовки и многочисленных ошибках.

¹¹⁶ Борис Владимирович Дидковский в 1920 году возглавлял Уральский геологический комитет, был председателем Уралразведки, Уралплана, управляющим Уральским геологическим трестом. Также известен как второй по счету ректор Уралуниверситета. О том, насколько высоко ценился этот человек до ареста, говорит тот факт, что он с семьей жил во Втором доме Советов (он же Дом чекиста) – единственном на тот момент 11-этажном небоскребе Свердловска, построенном для элиты. Его жену М. Н. Букину, которая работала геологом, на работу возила персональная пролетка.

¹¹⁷ Николай Александрович Ушаков был арестован как бывший член партии эсеров, умер в лагере.

подготовки выставки был арестован директор Горного института И. П. Скороделов¹¹⁸. К слову, в тот же период – в мае 1937 года был арестован первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков¹¹⁹.

Конечно, принимали активное участие в проведении выставки и преподаватели Горного института: например, общегеологическим отделом выставки занимался М. О. Клер¹²⁰, а минералогическим – К. К. Матвеев. Оба уже упоминались нами, однако здесь снова хочется особо отметить Константина Константиновича Матвеева, который, как и в начале 1920-х годов, когда боролся за независимость Горного, снова проявил характер и недюжинную смелость. Он согласился включить в число экспонатов выставки коллекции учебно-научного музея Горного института (многие из которых собирал лично) только в том случае, если будут предоставлены гарантии их возврата в Горный после проведения выставки. И ему удалось настоять на своем.

Также стоит упомянуть, что для будущего музея очень много сделал известный уральский знаток камня и коллекционер А. В. Калугин.

Несмотря на все трудности, выставка открылась в срок, и ее по достоинству оценили и отечественные геологи, и коллеги из Франции, США, Китая, Англии, Италии, Индии и др. Сохранились, к примеру, такие отзывы о ней: «Выставка является памятником способностям уральских геологов» (шотландский вулканолог Г. Тиррель); «Бесспорно, стоило приехать сюда за тысячи миль из Америки, чтобы иметь возможность взглянуть на изумительные уральские аметисты» (американский профессор А. Гометц).

Не в последнюю очередь благодаря настойчивости К. К. Матвеева, не желавшего, чтобы институт расставался со своими коллекциями, в январе 1938 года выставка, до этого бывшая на балансе Дома Техники, решением Наркомтяжпрома была передана Горному институту. А уже в феврале приказом директора института «бывшая геологическая выставка» была преобразована в геологическую лабораторию – нынешний Уральский геологический музей.

Уральский геологический музей вскоре стал обязательным местом посещения всех знаменитых гостей Свердловска. Например, здесь был лидер Китая Мао Цзэдун, премьер-министры Индии Джавахарлал Неру и Индира Ганди, руководитель Вьетнама Хо Ши Мин и другие гости города.

Сегодня Уральский геологический музей считается одним из лучших региональных¹²¹ музеев мира. В нем насчитывается более 40 000 экспонатов.

Учебный корпус по ул. Хохрякова, 85. Это здание, в свою очередь, можно разделить на два: «сталинской постройки» (часть 3-го учебного корпуса по ул. Хохрякова с балконом

¹¹⁸ Илья Петрович Скороделов был арестован по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности, расстрелян.

¹¹⁹ Иван Дмитриевич Кабаков – один из самых заметных руководителей области. Был арестован и расстрелян не только он, но и его жена, работавшая в партийной прессе. Позже Б. Н. Ельцин по стилю руководства во многом брал с него пример. Ельцин с 1972 по 1977 год даже жил в той же квартире Второго дома Советов, что и когда-то Кабаков, пока не переехал в новый дом для элиты на Набережной Рабочей молодежи, 1. Любопытно, что начиная с 1977 года, когда Второй дом Советов перестал считаться номенклатурным, в него начали активно селить ученых. Там, например, жил, будучи еще молодым кандидатом наук, будущий ректор УГГУ Н. П. Косарев (Ист.: Погодин С. История, тайны и легенды «Дома чекиста». Екатеринбург: БКИ, 2016. С. 403).

¹²⁰ О Модесте Онисимовиче Клере мы уже упоминали, а более подробный рассказ о нем будет позднее.

¹²¹ Региональный – значит представляющий каменный материал одного региона, в данном случае – Урала.

Уральский геологический музей (фото 1980-х годов)

*Современный вид здания Уральского геологического музея.
Фото автора.*

по первому этажу) и «хрущевской постройки» (продолжение этого корпуса, построенное из кирпича). Если присмотреться, они отличаются визуально.

В 1936 году, когда шла подготовка к проведению геологической выставки, «четырехэтажная коробка» по ул. Куйбышева, 39 уже была полностью достроена, а вот здание по ул. Хохрякова только начинало строиться: изначально, как «Геолком II очереди» (причем в планах было еще и строительство III очереди). После того как здание для проведения выставки передали на баланс Дому Техники, его директор Ф. П. Барсуков планировал достроить II и III очереди, однако из Москвы пришла резолюция зам. наркома тяжелой промышленности А. П. Завенягина о том, что «выставку строить не надо». И несмотря на то, что строительство было остановлено внутренним распоряжением Барсукова, после его ареста одно из обвинений было как раз в том, что он вместо организации выставки в уже действующем здании расходовал средства на строительство нового корпуса.

II очередь – то есть корпус по Хохрякова, 85, достраивался уже в ведении Горного института. Причем до войны строительство завершить не успели, и достраивался он уже только в 1947–1948 годах.

III очередь была достроена лишь в 1967 году, причем здание называлось уже «пристройкой к учебному зданию № 3» площадью 6000 м². В сборнике «50 лет Свердловскому горному институту» есть черно-белая фотография¹²², где на фоне строительства «второй пристройки» запечатлены проф. Г. И. Вилесов, ректор института Г. П. Саковцев, академик Н. В. Мельников, проф. С. И. Федоров и проректор А. Т. Кмитовенко.

Незначительные перестройки были в здании и в более позднее время¹²³.

Традиционно сложилось, что в 3-м учебном корпусе, в шаговой доступности к лекциям Уральского геологического музея, обучаются будущие геологи и геофизики (современный факультет геологии и геофизики – ФГиГ).

Осталось рассказать, пожалуй, об одной достопримечательности, связанной с этим зданием, – **огромной жеоде лимонита**, расположенной у входа в здание, которая является самым заметным экспонатом открытой Геологической аллеи, состоящей из множества образцов горных пород.

В начале 1930-х годов К. К. Матвеев съездил в командировку в Париж, где поработал в минералогической лаборатории музея естественной истории. Расположенное на территории Ботанического сада, здание этого музея всегда легко можно было найти, благодаря громадному кристаллу мориона у входа. Еще тогда у Матвеева родилась мысль: наш минералогический музей тоже должен начинаться прямо на улице.

Эту идею удалось воплотить в жизнь благодаря еще одному члену оргкомитета геологической выставки – известному уральскому горщику Г. Г. Китаеву. Григорий Григорьевич увидел эту жеоду у здания конторы на Бакальском руднике и загорелся идеей перевезти ее в Свердловск.

Уникальную по своим размерам жеоду обнаружили на Бакальском месторождении еще в 1905–1907 годах¹²⁴, и как-то накануне одного из престольных праздников рабочие за ведро водки притащили «каменюку» к зданию конторы, где она и стала местной достопримечательностью. Теперь решено было к открытию выставки привезти ее к зданию будущего музея.

¹²² Бобылева Д. А. и др. 50 лет Свердловскому горному институту. М.: Недра, 1967. С. 19.

¹²³ Например, была переделана входная группа в крыле, где сейчас находится редакция журнала «Известия УГГУ».

¹²⁴ Наука и жизнь. 2015. № 11. С. 128–131.

II очередь 3-го корпуса СГИ (фото начала 1960-х годов)

Современный вид II очереди 3-го корпуса УГУ. Фото автора.

Строительство второй пристройки к учебному зданию № 3
Слева направо: проф. Г. И. Валески, ректор института проф. Г. И. Саковича, академик П. И. Мельников, проф. С. И. Федоров, проректор А. Т. Елксиничев

Строительство III очереди 3-го корпуса СГИ (1967 год)

Жеода лимонита у входа в здание. 1958 год

Современный вид III очереди 3-го корпуса УГУ. Фото автора

*Общий вид на 3-й корпус СГИ
(1970-е годы)*

*Современный общий вид на 3-й корпус УГТУ.
Фото автора.*

*Современный вид жеоды лимонита.
Фото автора.*

Зимой 1936 года за это дело взялся сам Китаев. Сделал сани из двух бревен, но когда на них навалили жеоду, бревна лопнули. Пришлось делать другие, окованные, а под жеоду делать новый подкоп, что, кстати, было достаточно опасно: сотрудники НКВД, наблюдавшие за погрузкой, предпочли отойти, чтобы не отвечать, если произойдет несчастный случай. До станции Бакал жеоду тянули трактором, а потом всей станцией, включая начальника, грузили ее на платформу вместе с санями. Заодно и взвесили – получилось 9700 кг.

В Свердловске сани с жеодой пытались сдвинуть с места с помощью трех владимирских лошадей-тяжеловозов, но они не справились, пришлось их усилить пятитонным грузовиком – только такой вот колонной удалось довести жеоду до здания выставки, где ее и установили – во дворе. И конечно, она вызвала интерес гостей выставки: все хотели фотографироваться на ее фоне. На нынешнее место – к входу в 3-й учебный корпус – ее перенесли уже позже. Фотографироваться у этой жеоды принято до сих пор.

4-й учебный корпус УГГУ. Адрес: пер. Университетский, 7

2-й и 4-й учебные корпуса УГГУ стоят сегодня бок о бок и соединены внутренним переходом. Поначалу вызывает невольное удивление странная нумерация: почему рядом «двойка» и «четверка», а «единица» и «тройка» – через квартал. Причина проста: четвертый корпус строился самым последним, когда номера других корпусов уже давно стали как бы неотъемлемой частью их истории. Поэтому ничего переименовывать не стали, просто рядом со 2-м корпусом вырос 4-й. Однако история этого корпуса начинается несколько раньше времени его постройки.

Дом дедушки Мо. На месте, где сейчас находится 2-й корпус УГГУ, еще в середине XX века стоял бывший купеческий бревенчатый двухэтажный дом. Он тесно связан с историей Горного, потому что в нем жил Модест Онисимович Клер, которого в старости все ученики называли «дедушкой Мо».

О Модесте Онисимовиче мы уже упоминали, когда рассказывали о первом ректоре Горного института П. П. фон Веймарне: вместе с ним М. О. Клер в 1919 году уехал во Владивосток, а позже стал единственным из профессоров, который, вернувшись, всю жизнь проработал в Горном. Теперь пришло время рассказать о нем подробнее.

Начать нужно с того, что отец М. О. Клера – Онисим Петрович Клер – личность для Екатеринбурга легендарная. Подданный Швейцарии (из кантона Берн), он закончил Невшательскую промышленную школу и в 18 лет приехал в Россию, а еще через 4 года – в Екатеринбург, где начал преподавать французский язык. Здесь он стал инициатором создания УОЛЕ – знаменитого Уральского общества любителей естествознания.

Сын Онисима Петровича, который, кстати, как и отец являлся швейцарским подданным, поехал на свою родину, чтобы окончить Невшательскую академию (в 1901 году) и защитить в Женеве докторскую диссертацию по палеонтологии (в 1903 году). Четыре года он работал в геологическом и палеонтологическом отделах музея природы Женевы. Но после все-таки вернулся в Россию, преподавал в Киеве, а потом переехал на Урал, где продолжал жить его отец. В Екатеринбурге он с 1911 года стал хранителем музея УОЛЕ и с удовольствием по просьбе Веймарна включился в проект создания Уральского горного института, став одним из его профессоров.

В июле 1919 года Клер-старший и Клер-младший виделись в последний раз: Модест уехал во Владивосток, а старый Онисим Петрович остался в Екатеринбурге и вскоре – в январе 1920 года – умер. А сын вместо того чтобы из Владивостока уехать на свою родину, в благополучную Швейцарию, вернулся в Екатеринбург, чтобы продолжить дело отца: вернувшись, он возглавил здесь УОЛЕ и продолжал преподавать. В 1923 году его арестовали. Процесс был громким – его обвиняли в контрреволюционных высказываниях и шпионаже в пользу Швейцарии. Зато защищать его приехали адвокаты из Москвы. Для обвинений основания, кстати говоря, были по тем временам серьезными: общаясь с коллегами-геологами из швейцарской компании «Эндюсриэль де платин», владевшей в то время платиновыми рудниками на Урале, он спокойно обсуждал разруху на советских рудниках, да и геологическими изысканиями делился именно так, как это принято с коллегами. Несмотря на адвокатов, он получил «высшую меру» – расстрел. Однако за Клера заступились многие ученые, в том числе академик Ферсман, и его приговорили всего к пяти годам «поражения в правах» и двумя годами работ в школах ликвидации неграмотности при домах заключения: просто сказка по тем временам. В эти годы он, кстати говоря, ликвидировал неграмотность заключенных, не выезжая из Екатеринбурга – в нынешнем СИЗО-1.

Спустя пять лет Клер стал «рецидивистом», снова попав под каток правосудия – на

Вид на 4-й корпус СГИ с ул. Народной Воли (1980-е годы)

Современный вид 4-го корпуса УГУ. Фото автора.

Строительство перехода из 2-го в 4-е здание СГИ (1980 год)

Современный вид перехода из 2-го в 4-е здание УГГУ. Фото автора

этот раз «по делу Промпартии». И опять отделается лишь лишением швейцарского гражданства без права выезжать из Свердловска. В этот период он и поселился в своем бревенчатом доме, где проживет до конца жизни.

Всю жизнь М. О. Клер проработал в Горном институте, а будучи уже на пенсии стал много внимания уделять школьникам. Его дом, полный бесчисленных книг, коллекций камней и странных экспонатов (чего стоил один лишь желтый зуб доисторической акулы!) стал своеобразной Меккой для целых поколений школьников и студентов Горного, с которыми он проводил занятия и геологические экскурсии.

Умер Модест Онисимович в 1966 году. А его прозвище – «дедушка Мо» – настолько срослось с ним, что на его могиле написано: Клер Модест Онисимович (дедушка Мо). Сходите как-нибудь на Широкореченское кладбище и убедитесь сами.

Учебный корпус 4-го здания – это уже «брежневская постройка». Он строился в 1970-х годах, когда ректором Горного института был Глеб Павлович Саковцев (тот самый, при котором достраивалось и 3-е здание). Объект был сдан в 1980-м – в год московской олимпиады.

4-й корпус был долгожданным подарком для всех сотрудников и студентов Свердловского горного института, потому что в этом здании было спроектировано специальное помещение для библиотеки, которая переехала туда из 1-го корпуса, а также большой актовый зал, где можно было проводить массовые мероприятия. Сейчас там работает студенческий культурный центр. Также в 4-м здании расположены факультет мировой экономики и бизнеса УГГУ и инженерно-экономический факультет (ИЭФ).

Инфраструктура

Рассказывая о зданиях Горного, нельзя не упомянуть о том, что учебные помещения – это лишь часть общей инфраструктуры вуза. Поэтому в последней главе мы расскажем об общежитиях, спортивных сооружениях и базах практик УГГУ.

А начнем с того, что изначально вуз начинал строиться как единый комплекс по типу европейских «университетских городков», позже тот же принцип был положен в основу создания первого проекта Уральского университета.

Университетский городок: первая попытка. Здание Уральского горного института не случайно строилось на самой окраине. В планах было строительство не только здания с учебными аудиториями и лабораториями, но и полноценный комплекс с жильем для студентов и преподавателей и даже собственным парком с прудом. Например, в планах сохранился фасад дома ректора, где должен был жить П. П. фон Веймарн. Также было получено разрешение на строительство «дома для преподавателей и обслуживающего персонала», который должен был строиться на средства «местных капиталистов».

Уже в феврале 1919 года (в городе – власть Колчака) в городской управе состоялось заседание хозяйственно-строительной комиссии, на котором была создана подкомиссия для разработки условий конкурса по составлению проекта «Города-сада». Согласно предварительным расчетам, должно было быть выделено около 800 га земли около строящегося Горного института, который становился центром пятиконечной звезды в округности. Этот новый город был рассчитан на 30 000 человек с «условиями дачного спокойного проживания». Ресторан, театр, два парка, две торговые площади, пожарная каланча и водонапорная башня. Чем не университетский городок?

Проект остался утопией. Так и не построили не только городок, но и даже само здание Горного института.

Университетский городок: вторая попытка. Когда в 1920 году начал создаваться Уральский государственный университет, ему было передано больше 20 зданий, однако их «костяк» составляли нынешний 2-й учебный корпус УГГУ (бывшее епархиальное училище), бывший пансион этого епархиального училища, духовное училище, а также бывшее второе женское училище – нынешний главный корпус УГГУ. Все вместе они составляли единый блок, привязанный к бывшему Ново-Тихвинскому монастырю и Щепной (Монастырской) площади, образуя новый университетский городок. Попытка создания университетского городка в конечном итоге не увенчалась успехом, от нее осталось только нынешнее название переулка – Университетский.

А монастырь достоин небольшого отдельного рассказа так же, как и не существующая сейчас площадь и существующий парк (современная Зеленая роща).

Ново-Тихвинский женский монастырь начался с кладбищенской Успенской церкви и деревянного дома для причта, построенных на деньги купца И. И. Хлепетина (кладбище было на месте нынешнего парка Зеленая роща). В 1789 году в этом доме при церкви был открыт «общежительный призрательный дом» – богадельня для немощных вдов и девушек-сирот. Созданием монастыря эта богадельня обязана монахине Таисии (в миру – Митрофанова (Костромина) Татьяна Андреевна), которая в 1796 году присоединилась к общине, добилась для нее статуса монастыря и стала в нем игуменьей, развернув широкую образовательную и социальную деятельность. В 1809 году монастырь получил статус «штатного», т. е. получавшего официальное финансирование монастыря 3-го класса. В 1822 году император Александр I утвердил преобразование обители в монастырь 1-го класса. Его особенностью было то, что он продолжал влиять на общественную и культурную жизнь города. Его тогдашнее название – Горно-Уральский Ново-Тихвинский девичий монастырь.

В начале XX века в монастыре проживало около 1000 человек, его территория, окруженная стеной, занимала 58 га, а здания составляли 6 храмов, 18 мастерских, а также корпуса келий. В начале 1920 года монастырь был закрыт, монашеские кельи были использованы как общежитие для студентов университета.

В 1994 году Ново-Тихвинский женский монастырь был возрожден, с 2013 года его официальное название – Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь.

Многие церковные помещения сейчас восстанавливаются. Например, в заложенном в 1832 году Скорбященском храме (современный адрес – Зеленая Роща, 16) в советское время был клуб, для чего в нем снесли купол, алтарь, все внутренние стены и даже одну внешнюю – чтобы устроить кинозал. В 2006 году храм был заложен заново. А Введенский храм в советское время стал кабинетом начальника госпиталя. Кстати, Окружной военный клинический госпиталь № 354 до сих пор занимает несколько помещений бывшего монастыря (ул. Декабристов, 87), хотя идут переговоры о том, что и они будут постепенно передаваться церкви.

Если бы в начале 1920-х годов проект университета осуществился, то скорее всего вся территория монастыря стала бы частью университетского комплекса.

Щепная площадь, которую из-за близости к Ново-Тихвинскому монастырю также часто называли Монастырской и иногда – Дровяной¹²⁵, а в советское время – Универ-

¹²⁵ Из-за этого может возникать путаница, так как название Дровяная вообще-то носила другая площадь в Екатеринбурге – нынешняя площадь Парижской Коммуны: часть проспекта Ленина возле бывшего главного здания УрГУ (ныне – корпус УрФУ).

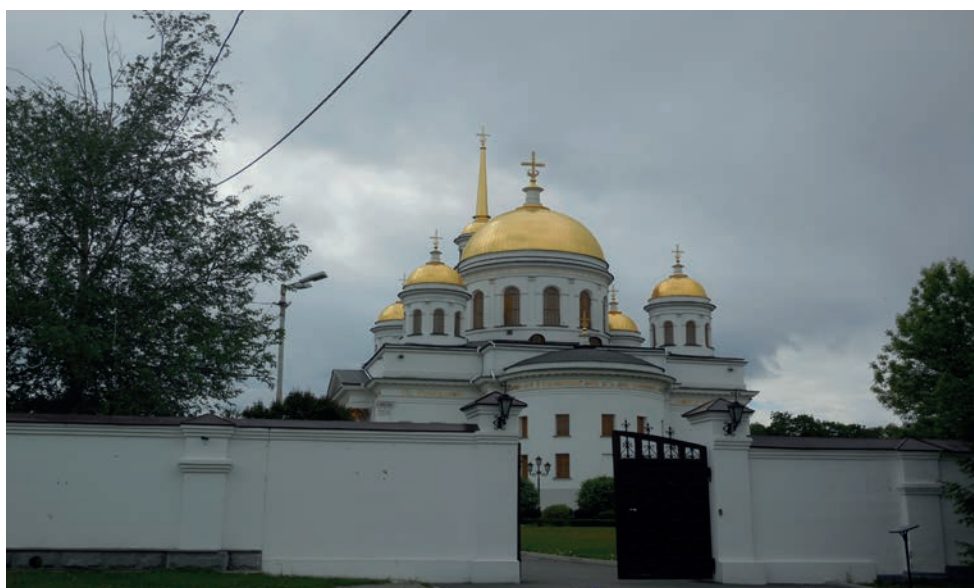
Ново-Тихвинский монастырь в конце XIX века

Скорбященский храм Ново-Тихвинского монастыря, начало XX века

Монастырь в 1974 году

Современный вид Ново-Тихвинского монастыря (фото автора)

ситетской: ныне не существующая площадь в Екатеринбурге, по краям которой стояли здания, о которых мы рассказывали, – 2-я женская гимназия, Нуровский приют, епархиальное училище, духовное училище, комплекс Ново-Тихвинского монастыря.

Название этой торговой площади родилось из-за специфики продававшегося здесь товара, который был «щепным», то есть деревянным: от гребешков и шкатулок до бочек, сундуков, шкафов и пр. К ней вел Сибирский проспект (ныне – ул. Куйбышева), который в плане Екатеринбурга упоминается с 1785 года, а с 1804 года приобретает упорядоченные очертания.

Интересные воспоминания о Щепной площади оставил нам уральский писатель П. П. Бажов: «...мы пошли на Щепную площадь, чтоб купить там сундучок. Здесь тогда были лабазы с просторными навесами, под которыми выставлялся такой товар, как телеги, кошевки, санки и горки сундуков. Помню, меня удивило, когда увидел в щепном товаре также зеркала и обои. В одном месте ожесточенно рядились около ямской телеги. У других лабазов народу было не видно. Только ходила группа женщин, «присматривавших горку для невесты».

Мы не задержались на Щепной: цена на маленькие сундучки была определенной, рядиться не приходилось. Купили окованный в полоску зеленый сундучок...

...Хотя Щепная площадь имела явно выраженный скат с запада на восток, она была не проканавлена и местами тоже трудно проходима. На том месте, где теперь приходится северо-западный угол стадиона, бил ключик, а рядом с ним «зыбун», на котором ребята не без удовольствия качались. Иногда зыбун даже оказывался яблоком раздора между отдельными ватагами, хотя оснований для битв и не было: зыбуна на всех хватало.

Проходя первый раз по Щепной площади, я, разумеется, ничего этого не знал и удивлялся жалкому виду Волчьего порядка, который со своими покосившимися домами приходился на заболоченной низине площади.

– Тоже город называется. Дома-то вон как исковеркало!

Отец по этому поводу заметил:

– По-всякому и в городе живут; не думай, что все на рысаках ездят».

Любопытно, что в октябре 1918 года, когда власть в Екатеринбурге от местного временного правительства переходила к правительству Колчака, именно на этой площади состоялся парад войск Екатеринбургского гарнизона в честь уполномоченного Британского правительства сэра Ч. Элиота. В нем участвовали как русские, так и чехословацкие, а также сербские воинские соединения.

Ныне основную часть бывшей Щепной площади занимает стадион «Юность» (1972), бывший стадион для сотворгслужащих (середина 1920-х годов), позже – стадион пионеров и школьников, в 1960-х годах получивший искусственный ледяной каток для конькобежцев.

Этот стадион также мог стать частью университетского комплекса.

Парк Зеленая роща. Как мы уже говорили, парк, который сейчас хорошо известен студентам-горнякам как Зеленая роща, начинался как кладбище, которое в дореволюционном Екатеринбурге называли Монастырским (позже – Монастырская роща), а вот Зеленой рощей называли парковый комплекс близ строящегося нового здания Горного института в нынешнем районе Втузгородка, о чем уже упоминалось.

Превращение монастырского кладбища-парка в нынешний парк Зеленая роща тесно связано с историей городского зоопарка. Впервые идея о постоянном зоопарке («зоосаде») в Екатеринбурге рассматривалась на заседании УОЛЕ – Уральского обще-

*Парад войск Чехословацкого корпуса на Щепной площади в 1918 году
(открытка)*

Стадион «Юность» (80-е годы XX века)

ства любителей естествознания еще в 1912 году по предложению Онисима Егоровича Клера: тогда его предлагалось разместить в Харитоновском саду. Однако дальше предложений дело не пошло. В 1923 году уже Модест Онисимович Клер, занявший должность председателя УОЛЕ, снова поднял этот вопрос на заседании общества, однако тогда общество закрыли, а Модеста Онисимовича арестовали.

В 1926 году эстафету перенял еще один Клер – Владимир Онисимович, брат Модеста, поднявший этот вопрос в горсовете. На этот раз дело сдвинулось – в 1927 году горсовет выделил участок «для зоосада» в Монастырской роще, где было кладбище. И к 1929 году кладбище полностью срыли, подготовив место для новостройки.

Между тем нужно понимать, что зоопарк – это в первую очередь коллекция животных, а не территория. С 1920-х годов коллекция животных существовала в живом уголке «Мирок юнната», созданном орнитологом Валерием Шлезгером на углу современных улиц Крылова и Синяева. Сначала там жили только птицы, но к концу 1920-х годов появились и копытные: лань, бизон, антилопа и лошадь Пржевальского. 10 мая 1930 года в Пионерском саду (бывший сад Филитц) был устроен публичный показ этих животных. Место в саду понравилось, и было решено там, пока строится зоопарк в Монастырской роще, сделать временный зоосад. В этом «временном» месте Екатеринбургский зоопарк работает до сих пор, хотя в 1960-х годах его пытались перенести к Московскому тракту, а в 1980-х – в район Широкореченского кладбища, где даже начинались активные строительные работы...

А вот на месте снесенных могил Монастырского кладбища появился новый большой парк – Зеленая роща, ныне так любимый студентами-горняками. Он тоже мог стать частью университетского комплекса.

Общежития Горного. Попробуем проследить процесс появления общежитий Горного – от первых съемных помещений до современного студенческого городка.

Первое «общежитие». Иногородние студенты, поступившие учиться в 1917 году в только что открывшийся Горный институт, сразу же столкнулись с жилищной проблемой – в городе, переполненном беженцами (шла Первая мировая война), квартирный вопрос стоял очень остро, и даже «угол» найти было очень сложно. И руководство института договорилось о проживании студентов в гостинице Г. Н. Александрова. По сути, это был скорее «доходный дом» в два этажа на Покровском проспекте (ныне – ул. Малышева, сам дом не сохранился) на 12 «номеров». К слову, самых дешевых в городе. Зато при доме были кондитерская и булочная.

А еще при этом доме была голубятня, где в то время 14-летним пацаном гонял голубей будущий режиссер фильмов «Веселые ребята» и «Волга-Волга» Григорий Александров. Кстати: старший брат будущего режиссера Борис в это время воевал на фронте добровольцем, позже он офицером-белогвардейцем поведет студентов Горного в Белую армию, а после Гражданской войны он станет... оперным певцом под псевдонимом Борис Сергеев.

Съемные квартиры и «учебно-жилые» помещения. Даже не обладая собственными учебными помещениями, Горный институт был вынужден заботиться о жилье для преподавателей: это было частью контракта. Как мы уже упоминали, П. П. фон Веймарн жил в доме своего институтского товарища Барабошкина (ныне – завод ОЦМ на просп. Ленина), но при этом оплачивал проживание из служебных средств. Таким же образом поступали и другие преподаватели.

С приходом Советской власти ситуация изменилась: теперь и преподаватели и студенты могли рассчитывать на жилье, предоставленное государством. Про этот период известно, что преподаватели жили часто в тех же зданиях, где работали: в доме бывшего начальника горных заводов (ныне – областная больница № 2 на набережной Рабочей молодежи), а также в здании второй женской гимназии (ныне – главный корпус УГГУ). Студенты жили в бывших кельях Ново-Тихвинского монастыря.

Также бывало и такое, что квартиры для преподавателей и студентов снимались за счет института – как правило, на какой-то срок. Например, сохранились сведения, что адрес одной из таких «студенческих» квартир был такой: ул. Февральской революции, 22 (ныне здание не сохранилось).

Первое «собственное» общежитие Горного. В 1930-е годы, когда начали строиться

Остатки могильных плит в современном парке Зеленая Роща

Вид на современный парк Зеленая роща (фото автора)

Кельи монашек Ново-Тихвинского монастыря, выходящие на Монастырскую рощу (начало XX века)

Вид на Покровский проспект в начале XX века, где находилась гостиница Г. Н. Александрова (до нашего времени здание не сохранилось)

Здание по ул. Малышева, 144 полностью перестроено, теперь это одно из самых новых и современных общежитий УрФУ (фото автора)

Общежитие, корпус Д, пр. Ленина 54/6 (фото автора)

Втузгородок и здание индустриального института (позже – УПИ, а ныне УрФУ), для Горного института там было построено собственное студенческое общежитие – 5-й студенческий корпус (ул. Малышева, 144) на 1200 мест. Однако всем мест не хватало, и около 400 студентов жили на съемных квартирах.

В годы Великой Отечественной войны в общежитии разместили госпиталь № 427, поэтому студентам приходилось жить в нынешнем 2-м учебном здании (пер. Университетский, 9).

Из-за недостатка жилья вопрос об общежитии встал в институте очень остро, и в 1944 году студенты и преподаватели построили на проспекте Ленина новое общежитие на 400 мест – это современный **корпус Д** (просп. Ленина, 54/6).

Студенческий городок. Современный студенческий городок УГТУ близ перекрест-

ка улиц Большакова и 8 Марта начал строиться в 1950-х годах. Причем в отличие от учебных зданий нумерация корпусов общежитий сейчас не соответствует тому порядку, в котором они строились.

Первым в – 1958 году – был сдан современный **корпус Б** (8 Марта, 84/Большакова 78а), рассчитанный на 960 мест, в крыле которого в 1960 году разместилась поликлиника, ставшая межвузовской. Вторым – в 1960 году – был сдан **корпус А** (8 Марта, 82) на 860 мест.

Если вы посмотрите внимательно на архитектуру этих зданий, то почувствуете последствия знаменитого «постановления 1954 года». На самом деле речь идет о постановлении № 1871 ЦК КПСС вообще-то от 4 ноября 1955 года, но называют его «постановлением 1954 года», потому что оно стало последствием того, что в декабре 1954 года на Всесоюзном совещании строителей острой критике была подвергнута «практика украшательства в архитектуре». Таким образом, был завершён период советского монументального классицизма, который в просторечье часто зовется «сталинским», а ему на смену пришел «хрущевский» минимализм. Так вот, по архитектуре первых двух общежитий студгородка УГГУ заметно, что корпус Б строился еще по сталинским стандартам, и там можно видеть колонны, а вот в корпусе А, который был сдан всего двумя годами позже, уже нет подобных «украшательств».

А вот пятиэтажные **корпуса В и Г** (8 Марта, 82а и 82б) – это уже период «брежневского» строительства, они построены в 1970-х годах.

Осталось упомянуть об одном нюансе, о котором хорошо знают все бывшие студенты-горняки. Место для студгородка Горного оказалось очень удачным в том смысле, что недалеко находилось общежитие пединститута, где учились в основном девочки. Это способствовало заключению такого количества браков, что остряки расшифровывали аббревиатуру педагогического института – СГПИ – как «совместно горно-педагогический институт»¹²⁶.

Спортивные сооружения. До постройки Дома спорта спортзал располагался во 2-м учебном здании института (пер. Университетский, 9), а занятия на свежем воздухе проходили в парке Зеленая роща.

Еще в 1956 году, когда строились первые корпуса будущего студгородка, студенты и преподаватели кафедры физвоспитания (которая работает с 1929 года) построили возле общежитий футбольное поле, три баскетбольные площадки, гимнастический и боксерский городки, легкоатлетические площадки.

Дом спорта (ул. 8 Марта, 84а) был открыт в 1971 году. Шесть тренировочных залов позволили по итогам 1976–1977 годов кафедре физкультуры Горного института стать лучшей в смотре-конкурсе кафедр физического воспитания вузов Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

Базы практик. Не для всех специальностей практические занятия могли проходить в лабораториях, поэтому еще в 1935 году при институте (в 1-м учебном корпусе) была открыта учебная механическая мастерская, а во дворе 3-го учебного корпуса была, например, даже учебная буровая вышка. Однако этого было мало, поэтому у вуза появились собственные учебно-методические базы практик по геологии, геодезии и геофизике.

База практики по общей геологии и геодезии была создана в Сухоложском рай-

¹²⁶ Филатов В. В. «Отечества пользы для...». Екатеринбург: УГИ, 1992. С. 51.

Общежитие, корпус Б, ул. 8 Марта, 84/
Большакова 78а (фото автора)

Общежитие, корпус А, ул. 8 Марта, 82
(фото автора)

Общежитие, корпус А, фото 80-х годов

Общежития Горного (корпуса А, Г и В),
фото 80-х годов

Общежитие, корпус Г, ул. 8 Марта, 82б
(фото автора)

Общежитие, корпус В, ул. 8 Марта, 82а
(фото автора)

*Занятия студентов-горняков спортом,
фото 70-х годов*

*Практика в Сухом Логу
(фото 1949 года)*

Дом спорта УГГУ, ул. 8 Марта, 84 а

База практик УГГУ в п. Верхняя Сысерть, современное фото

оне, на берегу р. Пышмы (120 км от Свердловска) в 1946 году – там одновременно могли проходить практику до 600 студентов.

База практики по геофизическим методам разведки начиналась с практик, на которые профессор П. К. Соболевский начал вывозить учеников с 1928 года (первый выезд – на месторождение Лешачьи Лога возле Верх-Нейвинского поселка)¹²⁷. Практики потом проходили в разных местах: в Сухом Логу, Полевском, Кыштыме и Свердловске.

В 1962 году началось строительство собственной постоянной базы института – под Сысертью, возле села Косой Брод. База продолжала строиться и расширяться на протяжении десятков лет. Многие преподаватели и студенты знают эту базу не только как место проведения учебных практик, но и как место отдыха.

Заключение

Рассказывая историю зданий Горного, я в очередной раз убедился в том, что обо всем рассказать невозможно, так как любая история – лишь часть других историй, которых бесконечное количество, и все они заслуживают внимания. Надеюсь, что удалось добиться главного – показать в этой мозаике не только историю Горного, но и историю Екатеринбурга, Урала, да и всей нашей страны. Так что интересные факты для себя здесь может найти не только тот, кто интересуется историей нашего вуза, но и любой, кто вообще интересуется своими корнями.

¹²⁷ Учебная геофизическая практика в Уральской горно-геологической академии. Екатеринбург: УГГГА, 2003. С. 207.

ДВА ГОДА, О КОТОРЫХ МЫ ЗАБЫЛИ (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.)

10 (23) октября 1917 года начались занятия в первом вузе Урала – Уральском горном институте. Несмотря на то что в советское время именно 1917-й считался годом рождения Горного, первые годы его деятельности старательно обходились стороной. Причина проста: институт открылся еще ДО революции, и своим открытием обязан еще старой власти, поэтому в истории вуза удобнее всего было называть годом его основания революционный 1917-й – без указания дат и подробностей. Сейчас годом основания современного вуза, Уральского государственного горного университета, принято считать 1914-й – год, когда высочайше (то есть императором Николаем II) Уральский горный институт был учрежден – то есть был подписан указ о его основании. Тем самым вуз подчеркивает свое дореволюционное происхождение. Однако много ли мы и сейчас знаем о первых годах работы вуза? В течение всего 2016 года мы на страницах «Известий УГГУ» много рассказывали о первом ректоре института – Петре Петровиче фон Веймарне, который по совместительству был также первым главным редактором нашего журнала. Теперь пришла пора рассказать о деятельности вуза в те годы, когда его возглавлял Веймарн.

Предыстория

Еще в 1898 году журналист газеты «Урал», фантазируя о будущем Екатеринбурга, предрекал открытие именно Уральского горного института¹, что говорит о том, что эта идея «вита в воздухе» задолго до ее реализации. Мало того: к моменту его реального основания проект открытия в Екатеринбурге Горного института не просто «назрел», а даже «перезрел».

Однако для того чтобы пояснить, почему этот проект «перезрел» и был реализован с сильным опозданием, нужно сначала ответить на несколько других «почему»: «Почему на Урале?», «Почему именно Горный институт?» и «Почему именно в Екатеринбурге?».

Ответ на первый вопрос, несмотря на кажущуюся простоту (Урал, начиная с XVIII века, стал ведущим индустриальным районом страны), при ближайшем рассмотрении несколько сложнее. В 1773 году по указу Екатерины II в Санкт-Петербурге было открыто Горное училище – позже Санкт-Петербургский горный университет, и есть мнение², что его недостаток – удаленность от Урала, то есть от реального применения полученных знаний. Между тем логично, что первые высшие учебные заведения начинают открываться в столице страны, и лишь затем – в других регионах.

Второй вопрос – «Почему Горный?» – имеет ответ действительно простой: потому что Урал – центр горнодобывающей промышленности, и первый вуз должен отражать нужды этой промышленности. Необходимость в собственных образовательных учреждениях понимал еще Василий Татищев, в начале XVIII века открывавший на Урале первые школы (о большем тогда и речи не могло быть).

Третий вопрос – «Почему в Екатеринбурге?» – более сложен и требует особого пояснения. Василий Татищев был отправлен Петром I на Урал, чтобы открывать государственные заводы, но к тому времени (1720 год) эта территория уже почти два десятка лет была вотчиной Демидовых (с центром в Невьянске) – частных заводчиков, которые также поднимали там заводы по воле Петра I. Возник конфликт интересов, и

¹ Здание очень красивого и величественного вида с надписью «Горный институт» // Изв. УГГУ. 2016. № 4(44).

² Филатов В. В. «Быть по сему». Екатеринбург: УГГУ, 2014. С. 36.

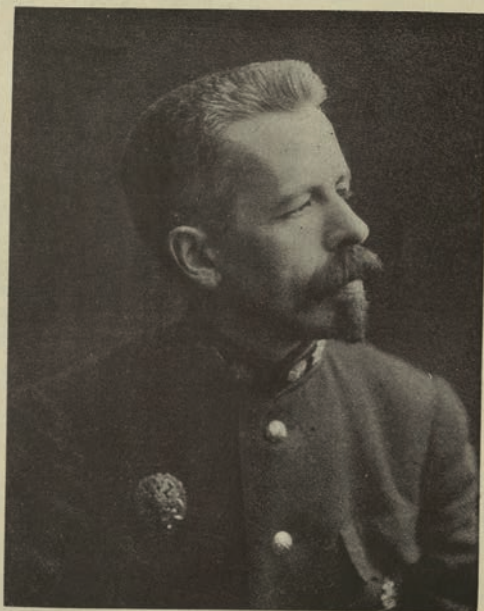
Татищев, не ужившийся с Демидовыми, по их жалобе попал под следствие. На смену ему на Урал был отправлен Вильгельм де Геннин – горный инженер и военный. Любопытно, что Екатеринбург – плод именно его амбиций. На Исети, где Татищев запланировал заложить город-завод (скорее всего, получивший бы скромное название Исетск), де Геннин решил основать крепость – столицу уральских заводов, назвав его в честь жены Петра I Екатерины «Катаринбурхом» (Екатеринбургом). Проект удался. И несмотря на то, что де Геннин потом уехал с Урала, а Татищев, оправданный от обвинений, снова стал начальником над уральскими заводами, Екатеринбург так и остался в особом статусе местной «столицы». С годами этот статус так и не был утрачен.

В 1781 году Екатерина II провела новую административную реформу, в результате которой поселок при Егоршинском заводе был назван Пермью, а на Урале появилась Пермская губерния, в которую вошел и Екатеринбург. И в 1914 году, когда был основан Горный институт, Екатеринбург официально именовался «уездным городом Пермской губернии», однако он так и не потерял «столичных» амбиций: все эти годы он или оставался городом, который управлял всеми государственными заводами Урала, находясь в особом статусе («горного города»), или отчаянно боролся за независимость от губернской Перми. Накануне открытия первого вуза противостояние Екатеринбурга и Перми достигло своеобразного апогея, так как каждый из этих городов считал, что именно он достоин такой чести. Наглядной иллюстрацией этого противостояния может служить тот факт, что в 1910 году, когда в Екатеринбурге проездом побывал председатель Совета министров Российской империи Петр Столыпин, совершавший поездку в Сибирь, то он за три часа успел получить статус почетного гражданина города – все ради того, чтоб иметь больше шансов на открытие Горного института именно здесь!

И вот теперь, ответив на предыдущие вопросы, мы можем обсудить, почему к 1914 году вопрос об открытии вуза на Урале уже «перезрел». К концу XVIII века на Урале было около 200 горных заводов, благодаря которым страна вышла в мировые промышленные лидеры. Причина была в том, что Урал идеально подходил для заводов, построенных по схеме «плотина–пруд», где энергию для переработки руд (которые тоже были «под боком») давали водобойные колеса. Все изменилось кардинальным образом к началу XIX века, когда в Европе (начиная с Британии) началась научно-техническая революция паровых машин. Вот именно в это время и нужно было открывать на Урале собственное учебное заведение, выпускники которого стали бы проводниками прогресса в производство. Однако вместо этого была выбрана модель прямо противоположная: горную промышленность с центром в Екатеринбурге объявили «горнозаводской державой», с армейскими порядками, собственным войском и судом. Дисциплина, подменившая прогресс, дала лишь временное улучшение ситуации. В 1861 году в России было отменено крепостное право для крестьян, в 1864-м – для рабочих. И горнозаводская держава рухнула. Знаменитый русский ученый Дмитрий Менделеев, отправившийся в 1899 году на Урал специально для того, чтобы выяснить причины промышленного кризиса на местных предприятиях, смог только констатировать, что «старое здесь не старится»: заводы пытались и в канун XX века работать по дедовским технологиям!

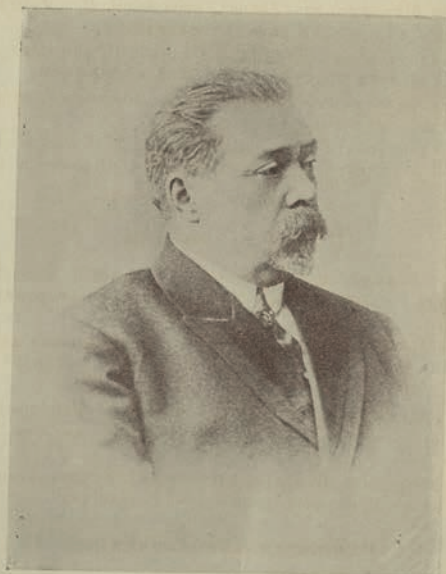
Так что вопрос об открытии на Урале Горного института – это прежде всего вопрос обучения собственных горных инженеров – специалистов, которые стали бы опорой для новой индустриализации Урала. И решение этого вопроса, как показала история,

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
УРАЛЬСКАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА
ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ Ф. ВЕЙМАРНЪ.

*П. П. Ф. Веймарнъ
1917г.*

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
УРАЛЬСКАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА
АЛЕКСАНДРЪ МАКСИМОВИЧЪ СИМОНОВЪ.

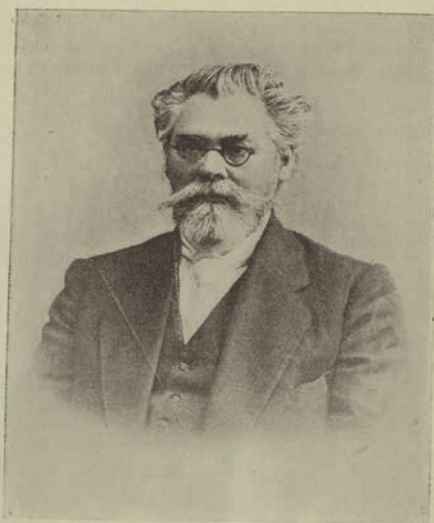
А. Симоновъ.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
УРАЛЬСКАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА
ЕГОРЪ ДАНИЛОВИЧЪ КАЛУГИНЪ.

Е. Д. Калугинъ

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ
УРАЛЬСКАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА
НИКОЛАЙ ФЛЕГОНТОВИЧЪ МАГНИЦКІЙ.

Магницкій

Почетные члены УГИ

очень сильно запоздало. Индустриализацией Урала на новом уровне уже занялась только советская власть. И это еще одна из причин, почему начало деятельности Горного института в Екатеринбурге осталось сейчас забытым – как своеобразная «тупиковая ветка» развития.

Тем не менее именно первые годы существования Горного института в Екатеринбурге заложили основы высшего образования на Урале, в том числе и вложили свою толику в образование тех инженеров, которые уже в советское время реализовывали на Урале новую индустриальную стратегию.

Кто создал Уральский горный институт?

После подписания 3-го (16-го по нынешнему стилю) июля 1914 года императорского указа об учреждении в Екатеринбурге Горного института самыми важными стали три проблемы: финансы, ректор и строительство здания института³. Точная дата подписания очень важна, так как уже в августе Россия ввязалась в мировую войну, и если бы по каким-то причинам это подписание отложилось хотя бы на месяц, то скорее всего документ вообще не был бы подписан. Однако и при подписанном указе возникли проблемы почти неодолимые: например, закрывались уже одобренные кредиты на открытие и содержание института...

В общем вполне могло случиться, что учрежденный указом Горный институт мог так и остаться лишь проектом.

Теперь о персоналиях. Кому именно мы обязаны созданием первого вуза на Урале? Можно ли их перечислить поименно? Вопрос этот достаточно сложен. Дело в том, что, как мы уже говорили, идея создания этого вуза «витала в воздухе» давно, и только «финальный этап», когда проект удалось «пробить», затянулся на целых 18 лет – с 1896 по 1914 г. На «финальном» этапе, т. е. в 1914 году, в Екатеринбурге «двигателем» этого проекта был в первую очередь городской глава А. Е. Обухов, а в Санкт-Петербурге – член Государственного Совета Ф. А. Иванов. В итоге в Строительную комиссию вошли Н. А. Арнольдов, С. А. Бибииков, С. Ф. Злоказов, П. В. Иванов, Н. Н. Ипатьев (тот самый, дом которого потом печально прославился как место расстрела Николая II), И. Ф. Круковский, Н. Ф. Магнитский, Я. М. Питерский, А. И. Фадеев, А. Н. Щипачев и уже упоминавшийся Ф. А. Иванов. Однако надо понимать, что состав Строительной комиссии – это результат политического компромисса: туда вошли не только представители Екатеринбурга, а также губернского и уездного земств, некоторые из которых участвовали в комиссии лишь формально. В ней, например, не было одного из главных «идеологов» проекта, члена городской думы А. М. Симанова, который позже был избран почетным членом Уральского горного института – вместе с Е. Д. Калугиным, Н. Ф. Магницким, а также первым ректором П. П. фон Веймарном.

Подробный разбор заслуг всех этих людей выходит за рамки статьи и может стать темой для отдельного исследования. А здесь важно отметить, что главным «двигателем» всего проекта начиная с 1915 года стал будущий первый ректор Уральского горного института, возглавивший эту Строительную комиссию, – Петр Петрович фон Веймарн.

Здесь мы не будем подробно останавливаться на биографии П. П. фон Веймарна – это мы уже сделали в одной из предыдущих публикаций⁴. Заметим только, что, не-

³ Филатов В. В. «Быть по сему». Екатеринбург: УГГУ, 2014. С. 116.

⁴ Шорин А. Г. Статья о Петре Петровиче фон Веймарне для русской «Википедии» // Изв. УГГУ. 2016. № 2(42). С. 97–101.

смотря на то что Веймарн в Екатеринбурге был «варягом» – т. е. человеком из Санкт-Петербурга, назначенным на должность ректора, сам он стал считать именно это назначение главным своим делом, которому отдавал все время и силы. Если же говорить коротко о нем, то к моменту назначения это был ученый-химик, известный не только в России, но и во всем научном мире, а также талантливый организатор и педагог, который как раз искал возможность применения своих талантов и начал их реализовывать именно в Екатеринбурге. Результатом всех этих усилий и стал Уральский горный институт к концу 1918–1919 учебного года.

И уже перед Веймарном, который возглавил в Екатеринбурге Строительную комиссию, к двум основным проблемам – финансов и строительства здания института – добавилась третья, еще более сложная: подобрать преподавательский коллектив, с помощью которого создать институт как учебное заведение высшей школы.

Забегая вперед, можно отметить, что проблема финансов так и оставалась больной все те годы, что Веймарн занимался Горным институтом, – здание института так и не было достроено, но вот создание вуза как самобытной научной школы к концу 1918–1919 учебного года можно считать состоявшимся.

Влияние исторических событий на формирование института

Когда мы говорили о том, что проект открытия вуза на Урале запоздал, имелся в виду именно тот факт, что формирование Уральского горного института пришлось на переломные годы в истории нашей страны, которые не могли не повлиять на этот

ГЛАВНЫЙ ФАСАДЪ ЗДАНИЯ УРАЛЬСКАГО ГОРНАГО ИНСТИТУТА.

По проекту архитекторовъ А. А. и Е. А. БЕРНАРДАЦЦИ.

Проект фасада здания Уральского горного института

процесс. Мало того: можно сказать, что институт создавался вопреки всему. И лишь благодаря энергии и самоотдаче своего руководителя – П. П. фон Веймарна, а также поддержке всех уральцев, которые мечтали об открытии этого учебного заведения, его вообще удалось открыть.

Судите сами: менее чем через месяц после подписания указа о создании института Россия вступила в мировую войну. Несмотря на это, проект удалось сохранить, но реализовывался он в военное время, когда подобные вещи не могли оставаться приоритетными.

Уже в процессе создания приходилось буквально «на ходу» неоднократно менять стратегию. Яркое это можно проиллюстрировать таким примером. В Российской империи было принято многие учебные заведения называть в честь царствующих особ. В 1915 году было предложено Горный институт в Екатеринбурге назвать в честь императрицы Елизаветы Петровны (дочери Екатерины I, имя которой носит Екатеринбург). Однако к концу 1916 года решение поменяли – было подано ходатайство о присвоении институту имени Императора Николая II. Причина ясна: институт, который никак не мог получить нужного финансирования для достройки собственного здания, таким образом попадал под покровительство Николая II, что должно было помочь с решением многих насущных проблем. В январе 1917 года ходатайство было удовлетворено, и институт действительно официально стал носить имя Николая II. Однако вскоре случилась Февральская революция, Николай II отрекся от престола, и все вопросы с продолжением строительства нужно было вести с Временным правительством. И из всех документов тут же ушло новое название.

Примеры можно продолжать. Уральский горный институт начал занятия 10 октября 1917 года, а 25 октября (7 ноября) – через две недели – власть в стране снова поменялась. И руководству института, позиционировавшему свое учебное заведение «вне политики», пришлось сотрудничать уже с большевиками.

А к окончанию первого учебного года поменялась власть в Екатеринбурге: в июле 1918 года большевики вынужденно покинули Екатеринбург (предварительно расстреляв здесь вместе со всей семьей Николая II, бывшего покровителя института), а власть захватили войска Чехословацкого корпуса. И снова пошла чехарда: сначала на Урале было создано собственное правительство, а затем его сменила власть адмирала Колчака... И все это время в институте шел второй учебный год, а руководство пыталось договориться о собственном здании.

И, наконец, аккорд, ставший для Веймарна на Урале финальным: в июле 1919 года Красная Армия выбила колчаковцев из Екатеринбурга. Перед этим был подписан приказ об эвакуации всего института во Владивосток. Приказ был выполнен не всеми, часть студентов и преподавателей во главе с самим Веймарном действительно выехали во Владивосток, а часть остались в Екатеринбурге. И создалась совершенно уникальная ситуация, когда Уральский горный институт буквально раздвоился, причем в обеих своих ипостасях продолжил работу. О работе Горного во Владивостоке мы тоже уже писали⁵, а Горный в Екатеринбурге претерпел серьезные изменения, перейдя в 1920 году в состав вновь созданного Уральского государственного университета (ныне – УрФУ). Но это тоже уже другая история.

В целом мы хотим отметить, что и годы формирования, и первые два года работы Уральского горного института проходили в крайне сложных условиях. И тем не ме-

⁵ Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Известия УГГУ. 2016. № 3(43). С. 123–127.

Закладка здания Уральского горного института (1916 год)

Здание Горного, которое так и не было достроено (снимок 20-х годов)

... И то, что от него осталось (руины недостроенного здания УГИ)

нее именно тогда и был создан уникальный Горный институт, который сумел выжить несмотря ни на что.

Каким был Уральский горный институт в 1917–1919 годах?

Здание. Начнем с того, что к октябрю 1917 года, т. е. к началу занятий, собственное здание институту так и не удалось построить. Оно было заложено, строительство его продолжалось (отнимая время и силы, в том числе и руководства института), но занятия пришлось начинать в съемных помещениях: для лекций использовался читальный зал библиотеки им. В. Г. Белинского на Вознесенском проспекте (ныне – ул. К. Либкнехта), для практических занятий (черчение, гимнастика) использовался зал мужской гимназии (ныне – гимназия № 9). Канцелярия, библиотека и мастерские располагались в Вознесенской школе. Кроме того, практические занятия проходили в золотосплавочной лаборатории, а дешевая гостиница на Покровском проспекте (ныне – ул. Малышева) использовалась под общежитие (маленькая, она и близко не могла вместить всех желающих). Здание, которое проектировалось и строилось специально для Горного, так никогда и не было достроено (в советское время его в итоге снесли), и на протяжении двух первых лет работы института он функционировал исключительно в съемных помещениях.

Студенты. Веймарн планировал, что в УГИ ежегодно будет обучаться от 500 до 1000 студентов. По факту в 1917 году число зачисленных оказалось 306. В первый учебный год к сдаче экзаменов было допущено еще 62 студента из других высших учебных заведений, пожелавших учиться в Екатеринбурге. Однако следующий учебный год пришлось все начинать буквально «с нуля»: так как летом власть в городе

поменялась. Профессор Н. П. Горин (преподаватель высшей математики) и часть студентов покинули город вместе с большевиками⁶, некоторые из них вступили в Красную Армию.

Сколько студентов училось в 1918–1919 годах? По воспоминаниям одной из студенток Н. И. Кудриной, на втором году работы института «студентов старого приема почти не осталось», так что первый курс снова работал, а второй с трудом был организован из нескольких человек⁷. Однако официальные сведения слова Кудриной не подтверждают: в журнале «Известия Уральского горного института»⁸ общее число студентов на 1 июля 1919 года указано 666, из них студентов 1-го курса – 380, 2-го курса – 286.

Преподаватели. «Костяк» преподавателей УГИ состоял из профессоров, приглашенных Веймарном – как правило, из Санкт-Петербурга. Помимо самого Веймарна (который, будучи ректором, также был профессором двух кафедр – дисперсологии (коллоидной химии) и аналитической химии) и упомянутого уже Н. П. Горина, который преподавал высшую математику в 1917–1918 годах, на 1 июля 1919 года профессорско-преподавательский состав был следующим.

Профессора – С. Н. Петров (декан, профессор кафедры горнозаводской механики), Н. И. Морозов (секретарь Ученого совета, профессор кафедры неорганической химии), Н. В. Галли (кафедра физики), Я. А. Шохат (кафедра высшей математики), Н. Г. Кель (кафедра геодезии), М. К. Елиашевич (кафедра кристаллографии), В. А. Овсянников (кафедра дендрологии), Д. В. Кутырин (кафедра металлургии), К. Д. Луговкин (кафедра аналитической химии), Е. И. Любарский (кафедра органической химии), Т. Т. Усенко (кафедра прикладной механики), А. М. Янек (кафедра физической химии), М. О. Клер (кафедра палеонтологии), Н. Е. Скарёдов (кафедра металлургии), К. К. Матвеев (кафедра минералогии) и А. И. Крылов (кафедра горного искусства). Доценты – А. М. Титов (кафедра физики), С. В. Дудин (кафедра высшей математики), А. О. Рейн (кафедра прикладной механики), М. А. Павлов (кафедры петрографии и минералогии). Приват-доценты – В. К. Малинин (кафедра неорганической химии), Е. П. Сысоева (кафедра аналитической химии), В. Я. Шнейдер (кафедра высшей математики) и С. М. Бучельников (кафедры кристаллографии и минералогии). Помимо этого, были еще два руководителя черчения – Г. И. Котов (академик архитектуры) и Г. Г. Абельс (инженер-технолог), а также лекторы иностранных языков – З. Э. Келлер (английский и французский) и А. В. Томсон (немецкий).

В июле 1919 года, после приказа об эвакуации института, в Екатеринбурге осталась лишь часть преподавателей. Матвеев (исполнял обязанности ректора), Шохат, Галли (кстати, Надежда Васильевна Галли была доктором философии Геттингенского университета и единственной на тот момент женщиной-профессором в Горном), Крылов, Дудин, Титов, Абельс, Шнейдер, Гусарский (Э. Р. Гусарский – делопроизводитель канцелярии института) и Гадд (Мария Георгиевна Гадд – библиотекарь). Остальные в большинстве своем добрались, как и предписывалось, до Владивостока и продолжили работать под руководством Веймарна там.

⁶ Масленникова В. М. Создание Горного института // Известия УГГУ. 2013. № 4(32). С. 103.

⁷ Там же.

⁸ Личный состав Уральского горного института // Изв. Уральского горного института. 1920. № 1. Отдел IV. С. 21.

Судьбы многих (и тех, и других) сложились причудливо, часто трагично. В Екатеринбурге исследованием судеб этих людей занимался В. В. Филатов⁹, во Владивостоке – Н. В. Хисамутдинова¹⁰.

Из всех прочих выделяется, пожалуй, своей необычностью судьба Модеста Онисимовича Клера («дедушки Мо», как его ласково потом называли студенты) – он оказался единственным профессором, который уехал в эвакуацию, но после этого вернулся в Екатеринбург и работал в Горном (хотя, к слову, получил тюремный срок, но отбывал его здесь же, без отрыва от основной деятельности – в 1920-е годы такое было возможно). Именно благодаря Клеру в Екатеринбург попал (и сохранился) первый номер журнала «Известия Горного института» (ныне – «Известия УГГУ»), который Веймарн выпустил уже во Владивостоке в 1920 году.

Уральский горный институт как педагогический эксперимент

П. П. фон Веймарн приехал из Санкт-Петербурга на Урал, чтобы возглавить здесь новый институт, не случайно. Этот ученый-химик имел собственный взгляд на систему образования, был педагогом-новатором, создателем собственной педагогической системы, которую излагал в теоретических трудах и реализовывал на практике. Он ставил себе цель не просто открыть новое учебное заведение, а построить новую образовательную модель.

Теоретический труд на эту тему Веймарн начал писать еще в Санкт-Петербурге, а затем опубликовал его под названием «Очерки по энергетике культуры» в первом номере журнала «Известия Уральского горного университета»¹¹. К сожалению, были опубликованы лишь два очерка, остальные утрачены. Однако и опубликованного достаточно для того, чтобы понять – перед нами стройная концепция, достойная пристального внимания.

Здесь мы рассмотрим только основные элементы этой концепции. В основе ее – теория Вильгельма Оствальда (лауреата Нобелевской премии по химии 1909 года) об «энергетизме». По Оствальду, «энергетизм» мог стать альтернативой как материализму, так и идеализму, так как и материя, и дух – формы проявления энергии. Веймарн же попытался приложить энергетические принципы к рациональной постановке образования.

Обращаясь к рационализму, Веймарн считал, что современная ему высшая школа заставляет человека запоминать, например, сложные доказательства, которые через неделю все равно забываются, а в итоге к 30 годам ученые в большинстве своем становятся или «добросовестными ремесленниками» или «подмастерьями». Тогда как максимумом энергии по Веймарну обладают люди 25–28-летнего возраста. Поэтому он предлагает сократить как среднее, так и высшее образование, чтобы человек мог становиться «творцом» уже к 19–20 годам. Вместо детальных подробностей опытов

⁹ Владимир Викторович Филатов – доктор геолого-минералогических наук, профессор Владимирского государственного университета. Будучи долгие годы профессором УГГУ, написал множество книг и статей по истории УГГУ.

¹⁰ Наталья Владимировна Хисамутдинова – доктор исторических наук, профессор Владивостокского университета экономики и сервиса. Помимо публикаций в нашем журнале, можно порекомендовать ее книги на эту тему: «Дальневосточные профессора. Четыре портрета на фоне эпохи. П. П. фон Веймарн, А. П. Георгиевский, М. К. Елиашевич, Б. П. Пентегов». (Владивосток: Изд. ВГУЭС, 2011) и «Энергетика культуры Петра Веймарна» (Владивосток: Изд. ВГУЭС, 2013).

¹¹ «Очерки по энергетике культуры» П. П. Веймарна мы вновь опубликовали в № 2 (42) журнала «Известия УГГУ» за 2016 г. (с. 101–109).

или доказательств он предлагает излагать студентам суть учений и «обобщающие» точки зрения, избегая догматических утверждений, таким образом, стимулируя у учеников творческое начало.

Свою точку зрения Веймарн имел и по отношению к преподавателям. Он предлагал оценивать их заслуги не по выслуге лет, а по качеству научных достижений. Например, каждый доцент мог занять должность профессора, но сохранял ее через три года только в том случае, если защищал диссертацию. И это он не только излагал в теории, но и реализовывал на практике: решением Совета Уральского горного института «заслуженными профессорами» (с повышенной не менее чем на 50 % зарплатой) становились лишь те, чья научная деятельность была отмечена почетными наградами научных обществ и учреждений.

Итог нововведений ректора был таким:

«Государственная Дума и Государственный Совет при прохождении через них законопроекта об Уральском горном институте, составленного в «общегосударственном масштабе», внесли в этот законопроект изменения именно в сторону уклонения от этого масштаба, дав Уральскому горному институту те же права, что и Петроградскому, распространив все законоположения последнего и на Уральский горный институт».

Нет никаких сомнений, что за два академических года (1917–1918 и 1918–1919) Уральский горный как учебное заведение не только успел приобрести собственное, неповторимое лицо, но и обогатил педагогическую науку экспериментом, который до сих пор в должной степени не изучен и не оценен по достоинству.

Издания Уральского горного института

Основным источником информации о первых годах работы вуза следует считать первый номер «Известий Уральского горного института» – журнала, который Веймарн сумел выпустить уже во Владивостоке и который мы сегодня считаем родоначальником нашего журнала «Известия УГГУ». Об этом номере мы уже писали очень подробно¹²; кроме этого, сейчас номер целиком можно посмотреть на сайте нашего журнала (<http://iuggu.ru/>) в разделе «Архив».

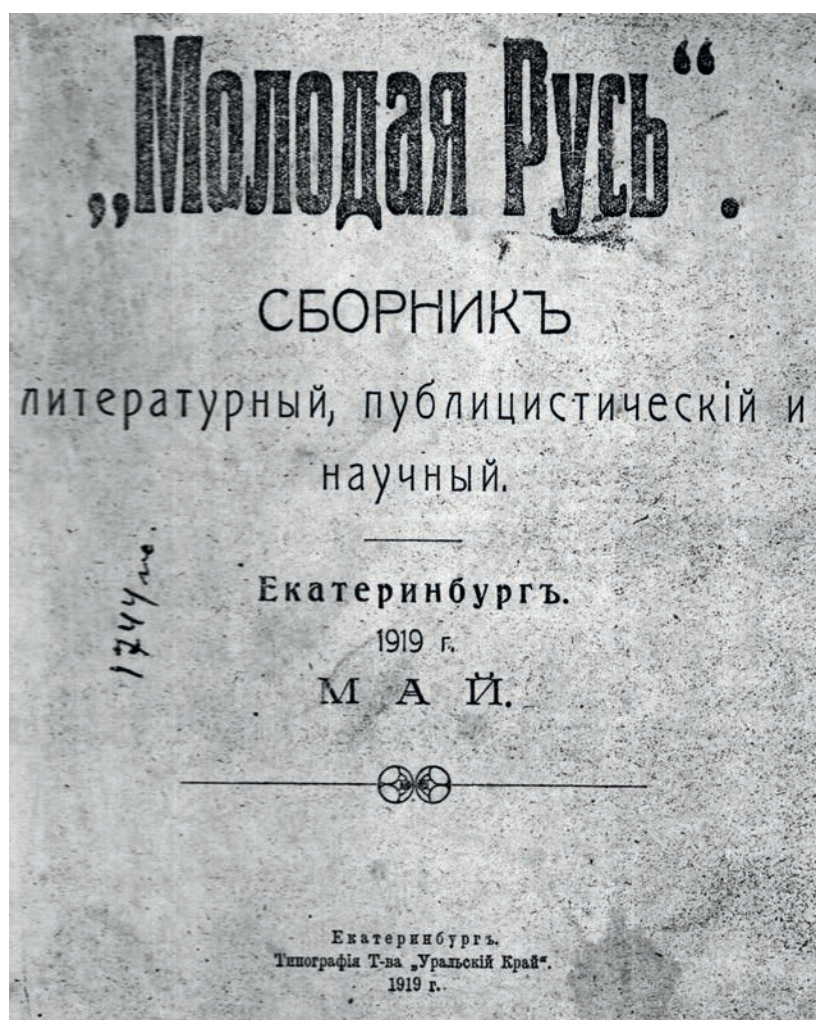
Однако кроме «Известий» в УГИ печатался еще один журнал – студенческий – «Сборник литературный, публицистический и научный» под названием «Молодая Русь». Так же, как и в случае с «Известиями Уральского горного института», вышел всего один номер этого издания, но вышел еще в Екатеринбурге в мае 1919 года. Расскажем о нем чуть подробнее.

В этом 32-страничном сборнике, издаваемом «Правлением Екатеринбургского Союза учащихся в высших учебных заведениях», поместилось 18 публикаций: от политических («Путь русского студенчества») до чисто научных (там публиковался первый из «Очерков по энергетике культуры» П. П. фон Веймарна, о котором мы уже рассказывали, а также его научный труд по коллоидной химии). Печатались стихи и художественные рассказы, многие из которых отражают реалии разрухи и Гражданской войны.

Журнал «Молодая Русь» отражал все аспекты жизни: от творческих до бытовых, от политических до научных¹³.

¹² Шорин А. Г. История журнала «Известия Уральского государственного горного университета // Изв. УГГУ. 2016. № 1(41). С. 152–158; Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Изв. УГГУ. 2016. № 3(43). С. 123–127.

¹³ Экземпляр журнала «Молодая Русь» хранится в фонде научного отдела библиотеки УГГУ.

Журнал "Молодая Русь"

Признание заслуг П. П. фон Веймарна

В 1918 году в Уральском горном институте было принято решение о праздновании 10-летия профессорской деятельности Петра Петровича фон Веймарна. Об этом остались публикации как в журнале «Молодая Русь», так и в первом номере «Известий», откуда мы сегодня можем почерпнуть информацию об этом.

Поздравляя его, студенты писали¹⁴:

«В качестве ректора института вы сумели с самых первых дней занятий уничтожить преграду, всегда отделявшую профессоров от студентов, и создать одну семью, руководимую общим желанием, вооружившись знаниями, принести посильную помощь измученной Родине. Внимательным отношением к запросу и нуждам студентов и защитой их интересов вы заслужили уважение окружающих и нашу любовь».

В научном плане Веймарну ставилось в заслугу открытие новой научной дисциплины – дисперсологии (раздела коллоидной химии¹⁵) и организация Уральского горного института.

¹⁴ К десятилетию профессорской деятельности П. П. Веймарна // Молодая Русь. С. 30.

¹⁵ Подробнее см. П. П. фон Веймарн. Новый мир химических соединений // Изв. УГГУ. 2016. № 1(41). С. 7–16, а также А. Янек «Характеристика научной деятельности П. П. Веймарна» (в журналах «Молодая Русь», и «Известия Уральского горного института»).

Как следствие признания этих заслуг можно упомянуть тот факт, что во Владивостоке Веймарн стал ректором всего Владивостокского государственного политехнического института, в состав которого вошла и та часть Уральского горного института, которая функционировала во Владивостоке.

Однако с приходом Советской власти во Владивосток политехнический институт (а с ним и Горный институт, возглавляемый Веймарном) прекратили свое существование, а сам Веймарн уехал в эмиграцию, прожив остаток жизни в Японии, где преподавал химию.

Имя Петра Петровича фон Веймарна в Советском Союзе было практически под запретом (как белоэмигранта), память о нем начала возрождаться лишь в современной России – с начала 1990-х годов, лишь совсем недавно о нем появились сведения в русской Википедии¹⁶.

¹⁶ Шорин А. Г. Статья о Петре Петровиче фон Веймарне для русской «Википедии» // Изв. УГТУ. 2016. № 2(42). С. 97–100.

История журнала «Известия Уральского государственного горного университета»

Когда вышел первый номер журнала?

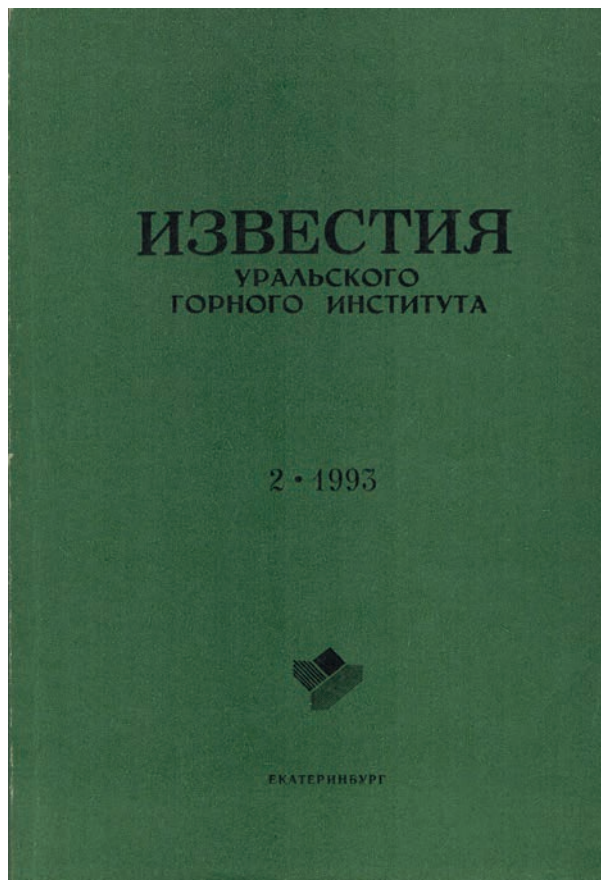
В 1993 году, когда было принято решение о выпуске в Уральском горном институте (такое название в то время носил нынешний Уральский государственный горный университет) нового научного журнала вуза, это издание было объявлено редколлегией возобновлённым выпуском самого первого журнала «Известия Уральского горного института», вышедшим более чем 70 годами ранее. Поэтому журнал 1993 года имел номер 2.

Проследим историю выпуска первого номера журнала, так как она основательно запутана.

В 1993 году редколлегия, выпустившая журнал № 2 и последующие, во вступительной статье написала о первом журнале так: «В связи с гражданской войной и частичной эвакуацией вуза во главе с ректором проф. П. П. фон Веймарном первый и единственный номер журнала под его редакцией вышел в свет во Владивостоке в 1918 году»¹. В этом утверждении была допущена неточность, так как проф. П. П. фон Веймарн весь 1918 год провел в Екатеринбурге, исполняя свои должностные обязанности по руководству институтом, а во Владивосток переехал лишь в 1919 году. Там он и выпустил журнал – по итогам 1918-19 учебного года – лишь в 1920 году.

Для того, чтобы доказать это утверждение, а также пояснить, почему в 1993 году была допущена неточность, нам придется сделать экскурс в историю Горного института, которая тесно связана с самыми трагическими моментами в истории всей страны: двумя войнами – Первой мировой и Гражданской, а также революцией.

Начнем с того, что 1914 год, когда Государственная Дума, а затем император Николай II утвердили, наконец, после многолетнего противостояния Екатеринбурга и Перми (каждый из этих городов хотел, чтобы первый вуз Урала разместился именно в нём) проект горного института в Екатеринбурге (он тогда так именовался – Екатеринбургский горный институт) стал годом начала войны, которую теперь принято называть Первой мировой. Можно, правда, сказать, что институту в каком-то смысле повезло: если бы Николай II не утвердил открытие института в начале августа 1914 года (то есть накануне вступления России в войну), то его открытие и вовсе могло бы быть отложено до её окончания... Но тем не менее более сложного времени для начала становления

Обложка журнала 1993 года, № 2

¹ Изв. УГИ. 1993. Вып. 2. С. 7.

нового вуза сложно было и придумать – с началом вступления России в войну все гражданские проекты стали замораживаться, а в Екатеринбурге не просто открывался институт – для него строилось новое здание, подбирался преподавательский коллектив. Поэтому Петру Петровичу фон Веймарну, профессору из столичного Горного института, приглашенному в Екатеринбург для создания вуза, пришлось не просто стать ректором, но и возглавить строительную комиссию по возведению здания будущего института. И пришлось «пробивать» открытие института с большими трудностями. А в 1917 году институт, даже еще не начав занятия, вновь попал в «историческую коллизию» – в конце января удалось утвердить новое название: «Уральский Горный Институт Императора Николая II». Посчитали, что это именование в честь нынешнего императора поможет становлению института в непростое военное время. Вышло совершенно наоборот: спустя всего 35 дней Николай II отрекся от престола, став просто «гражданином Романовым»... Ну а в свой первый учебный год вуз (уже на тот момент просто Уральский горный институт) вступил всего за две недели до Великой Октябрьской революции. Тоже, прямо скажем, не самый удачный момент для начала занятий в новом высшем учебном заведении.

Теперь обратимся к истории журнала. Журналу «Известия Уральского горного института», как первому вузовскому журналу Урала, Веймарн придавал очень большое значение. Его выпуск был запланирован постановлением совета Уральского горного института еще 12 сентября 1917 года (дата приводится по старому стилю), то есть почти за месяц до начала занятий. А в ноябре того же года на заседании очередного институтского совета уже были утверждены редактор, состав редколлегии, структура и содержание издания. Судя по всему, готовы были и статьи, потому что ректор предлагал уже к концу декабря 1917 года издать этот номер, причем «гораздо большим тиражом, чем последующие», потому что его «придется рассылать не только по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям России, но и за границу» [1].

Планам этим не суждено было сбыться в силу тех же исторических коллизий, что преследовали институт с самого начала его становления. В декабре 1917 года в Екатеринбурге уже установилась новая власть, и институту пришлось с этим считаться. Известно, что Веймарн как ректор занял позицию, что «наука и высшая школа – вне политики» [2]. Однако сотрудничать с многочисленными «советами», к которым перешла власть, все-таки пришлось: горному институту требовалось финансирование, причем не только на организацию учебного процесса (в том числе аренду зданий, где размещался институт) и плату преподавателям, но и на завершение строительства собственного здания института. Добиться почти ничего не удалось, но Веймарн, несмотря на свою позицию «вне политики», остался во главе учебного заведения.

Следующий, 1918 год, для Екатеринбурга стал еще более драматичным: сначала в июле город заняли войска Чехословацкого корпуса, и власть советов сменило Временное правительство Урала, а затем (уже бескровно) власть перешла к правительству Колчака, объявившему себя Верховным правителем России. По всей стране началась гражданская война.

Как и в случае взаимодействия с «властью советов», Веймарн от лица института налаживал отношения и с Уральским правительством, и с правительством Колчака. Состоялся и, несмотря на трудности, 1918–1919 учебный (академический) год. Вот только в течение всего этого времени журнал «Известия Уральского горного института», выпуск которого был запланирован еще на декабрь 1917-го, так и не был напечатан.

По завершении этого академического года, летом 1919-го, ситуация вновь изменилась. Войска Красной Армии теснили колчаковцев на восток, и к началу июля стало ясно: Екатеринбург не удержится. Властями было принято решение об эвакуации учреждений, в том числе и Уральского горного института, которому было предложено эвакуироваться во Владивосток, чтобы образовать горный факультет местного политехникума. Эта эвакуация рассматривалась, разумеется, как временное явление. И в этой ситуации Веймарн подчинился требованию об эвакуации, ведь на тот момент им уже был налажен контакт с правительством Колчака, да и оно было ему ближе новой власти. И институт эвакуировался... Но не весь. И в итоге создалась уникальная ситуация: в 1918–1920 годах существовали сразу два Уральских горных института. Первый – в Екатеринбурге, второй – во Владивостоке. Один у «красных», второй – у «белых». Какой из них «настоящий» – вопрос спорный, во многом зависящий от того, как могла бы сложиться историческая ситуация. Например, если бы колчаковцы победили и вновь заняли Екатеринбург, то институт вновь мог бы вернуться в Екатеринбург и стать единым целым... В реальности же в 1920 году оба Уральских горных института... перестали существовать как самостоятельные учебные заведения. Горный во Владивостоке стал частью Владивостокского политехнического института, в Екатеринбурге – частью Уральского государственного университета. Но все же была разница: и там, и там горняки постарались сохранить самостоятельность хотя бы как факультет, и это удалось. Вот только во Владивостоке с приходом советской власти (в 1922 году) «уральское

Министерство образования Российской Федерации
Уральская государственная горно-геологическая академия

ИЗВЕСТИЯ

Уральской государственной
горно-геологической академии

Научно-технический журнал

Вып. 1 вышел в 1918 г.

СЕРИЯ:
ГОРНАЯ ЭЛЕКТРОМЕХАНИКА

Вып. 12. 2001

Екатеринбург

В этом номере журнала впервые на обложке было указано: «Вып. 1 вышел в 1918 г.»

ядро» распалось, чтобы больше никогда не возродиться, а вот в Екатеринбурге Горный вновь (правда, только через десять лет) стал самостоятельным вузом.

Возвращаясь к истории журнала, обратим внимание на такие события: в 1920 году и во Владивостоке, и в Екатеринбурге, причем совершенно независимо друг от друга, произошло два очень похожих события: и там, и там вышли журналы с очень похожими названиями. Владивосток – «Известия Уральского горного института». Екатеринбург – «Известия горного института». Отметим, что оба этих журнала вышли в 1920 году.

Вспомним, что в № 2 «Известий Уральского горного института» 1993 года редколлегия издания первым считала владивостокский, а не екатеринбургский выпуск. Единственная неточность: год был указан 1918, а не 1920-й.

Здесь мы отдадим должное известному знатоку истории нашего вуза проф. В. В. Филатову, который первым обнаружил эту неточность в дате первого выхода журнала. Правда увидел он её не в 1993 году, а лишь в 2001-м – когда на обложке

журнала стала помещаться ремарка «Вып. 1 вышел в 1918 году».

Теперь нам нужно ответить на вопрос: по какой причине возникла эта неточность в датах? В. В. Филатов объясняет её двумя причинами. Во-первых, тем, что еще в конце 1917 года выпуск первого номера «Известий» считался делом решенным (мы уже упоминали об этом). Во-вторых, тем, что «...на титульном листе «Известий», над рамкой было напечатано: слева по-русски «том I», справа по-английски «Volume I», а посередине «1918–19 ак. г.». (академический год – прим. ред.). Последняя ремарка, по видимому, и послужила проф. О. Н. Грязнову (бессменному заместителю главного редактора «Известий» с 1993 года – прим. ред.) основанием считать 1918 г. годом издания первого тома «Известий», – пишет В. В. Филатов [3].

Нам же представляется, что проф. В. В. Филатов в этих объяснениях прав лишь отчасти. Неточность допустил не О. Н. Грязнов, а библиографический отдел Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского, где первый номер журнала помечен как «Известия Уральского горного института. Екатеринбург, 1918» вместо правильного написания, которое должно выглядеть так: «Известия Уральского горного института». Владивосток, 1920». Так что во все библиографические списки этот журнал входил как издание 1918-го, а не 1920 года, и ошибка заместителя главного редактора нынешних «Известий» вполне объяснима.

Ошибка, допущенная «Белинкой», имеет в свою очередь ряд объяснений и возможно даже... допущена намеренно!

Составители каталога в библиотеке действительно, как предполагает Филатов, могли принять «1918–19 ак. г.» за 1918 год. И тем более объясним Екатеринбург как место издательства владивостокского журнала, потому что в журнале прямо на титульном листе написано «Известия Уральского Горного Института в Екатеринбурге». Тем самым Веймарн хотел подчеркнуть тот факт, что это журнал Екатеринбургского института, каковым тот и был в действительности в 1918–1919 учебном году, и каким Веймарн хотел сохранить его во Владивостоке до возвращения из эвакуации. Чтобы понять, что он издан в типографии Владивостока, нужно на самой последней странице читать: «Владивосток. Издание Восточного института». А год даже и там не указан, ясно только, что никак не раньше 1919-го, потому что там же, на последней странице, указано, что издан журнал «по постановлениям Совета Уральского Горного Института от 12 сентября 1917 и 3 апреля 1919 г.», то есть последний совет проходил тоже в Екатеринбурге, но уже в апреле 1919 года. О том, что журнал издан лишь в 1920 году, мы узнаем лишь из воспоминаний ректора, который пишет, что планировался он к изданию в 1919 году, а вышел в 1920-м из-за сложностей, с которыми пришлось столкнуться в процессе издания. Действительно, сложно для составителя каталога вместо «Екатеринбурга», указанного на обложке, усмотреть «Владивосток» маленькими буквами на последней странице, и уж тем более вычитать в тексте книги 1920 год, когда на той же обложке указан «1918–19».

Также надо принять во внимание тот факт, что 1918 год – особенный. Из-за начала гражданской войны книги в тот год вообще почти не печатались, но зато издавались позже. Так, например, известные «Известия геологического комитета» за 1918 год (том 37) выпускались номерами (например, отдельная книжка «№ 2», отдельная книжка – «№ 5 и б») не в 1918, а в 1920 году². То есть это «Известия 1918 года», но вы-

² Известия геологического комитета. Т. 37 за 1918 год. Петроград: Первая Государственная Типография, 1920.

пущенные в 1920 году. И в те годы это достаточно обычная практика. Вполне могли быть «Известия Уральского горного института в Екатеринбурге» за 1918 год, изданные в 1920 году во Владивостоке. Почти так на самом деле и вышло: это действительно «Известия Уральского горного института в Екатеринбурге», только не за 1918-й год, а за 1918–19 академический год, выпущенные во Владивостоке в 1920 году.

Тут мы подбираемся к тому, почему «ошибка» библиографа могла быть намеренной. Издание первого тома «Известий» хранилось в библиотеке им. Белинского в разделе картотеки «Советские издания». 1918 год в Екатеринбурге – это год, когда здесь еще была советская власть. А вот 1918–19 академический год – это уже точно время, когда в Екатеринбурге были «белые» колчаковцы. И такую литературу нужно было изымать в спецхран. То же самое с упоминанием Владивостока 1920 года. До 1922 года издания Владивостока – спецхран. А вот с карточкой «Известия Уральского горного института. Екатеринбург, 1918» журнал вполне мог легально оставаться на хранении в «Советских изданиях». И только дотошному исследователю придет в голову что-то менять в этом.

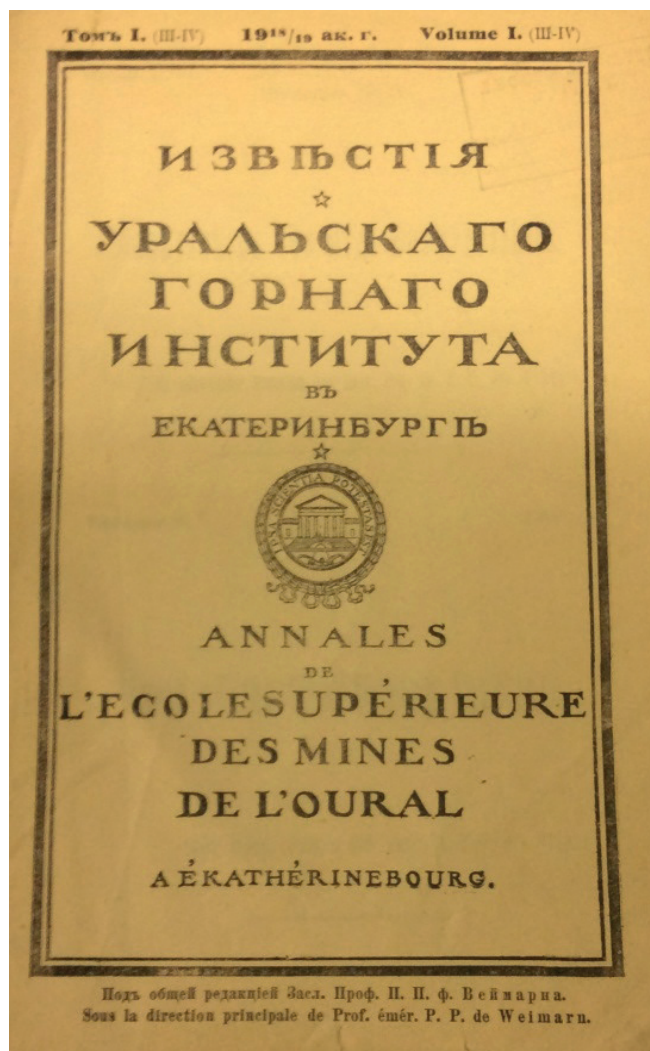
Существовали ли номера журнала после «тома № 1» до 1993 года?

В справочно-библиографическом отделе библиотеки им. Белинского помимо записи о № 1 журнала «Известия Уральского горного института». Екатеринбург, 1918 г.» (а мы уже разобрались с тем, что на самом деле это журнал, выпущенный в 1920 году во Владивостоке), можно также обнаружить карточки на еще несколько номеров этого журнала. На карточке написано так: «Известия Уральского горного института» № 1–2, № 3, № 5, № 7. 1920 г.». То есть создается полное впечатление, что в 1920 году в Екатеринбурге вышло еще семь номеров этого журнала, но один из них (№ 6) судя по всему утрачен, и его нет в библиотеке. На деле же всё совершенно не так!

Давайте внимательно рассмотрим эти издания. Оказывается, это журнал «Известия горного института», выпущенный тоже в 1920 году, но не во Владивостоке, а в Екатеринбурге. Как я уже упоминал выше, в 1918 году Уральский горный институт стал существовать независимо в двух городах – Екатеринбурге и Владивостоке. И каждый из этих институтов выпустил свой журнал «Известия».

Возникают вопросы: можно ли считать этот журнал одним и тем же, и какой из них первый? И сколько же было номеров этого журнала?

Вне всяких сомнений, толчок к изданию этих журналов был один и тот же: поста-

На обложке владивостокского издания указан город Екатеринбург, а год издания не указан, но отмечено, что номер подготовлен в «1918/19 ак. г.».

новление Совета Уральского Горного Института от 12 сентября 1917 года, на котором было принято решение об издании журнала под названием «Известия Уральского Горного Института». Но ни в 1917, ни в 1918 годах, когда институт был еще единым, издать журнал не удалось. А в 1920 году каждый из двух «Уральских горных институтов» издал свой вариант этого журнала.

И эти журналы отличаются, причем принципиально. В. В. Филатов в вышеупомянутой статье «О журнале «Известия Уральского горного института» указывает на то, что «напечатанные в конце 1920 г. «Известия» (он имеет в виду журнал, выпущенный в Екатеринбурге – прим. ред.) и по содержанию, и по оформлению были посредственными» в отличие от «Известий», выпущенных Веймарном во Владивостоке.

Действительно, качество выпуска екатеринбургского варианта «Известий» уступает владивостокскому, но какой же из них считать первым, если оба вышли в 1920 году? На этот счет ответ однозначен: первый журнал – владивостокский, под редакцией Веймарна. Все статьи екатеринбургского журнала написаны авторами в период с июня по сентябрь 1920 года, то есть уже спустя два года после разделения вуза, тогда как журнал Веймарна, начавший собираться еще в 1917 году, содержит статьи, написанные с 1917 по 1919 гг.

Теперь о том, стоит ли считать этот журнал «одним и тем же»? Тоже – нет. Журнал под редакцией Веймарна – это, по сути, тот самый журнал, который должен был выйти еще в Екатеринбурге, по итогам работы коллектива ученых Уральского горного института. Очевидно, что это отсроченное издание. Екатеринбургский же журнал содержит свежие статьи, написанные авторами в период создания номера в 1920 году, то есть это уже журнал нового, советского вуза.

И, наконец, о количестве номеров журнала. Сколько их вышло во Владивостоке и в Екатеринбурге?

Веймарн, выпустивший во Владивостоке первый номер, вслед за ним планировал второй, но так и не осуществил это намерение. Почему? Конечно, причиной тому могли быть технические сложности. Но, думается, дело не в этом. В том же 1920 году он был избран ректором Владивостокского политехнического института, в состав которого влился Уральский горный институт, и пробыл им до 1922 года. За этот период, будучи ректором всего вуза, он мог бы если и не сам выпустить второй номер, то хотя бы поспособствовать его выходу. Не сделал он этого скорее всего потому, что понимал – Уральского горного института во Владивостоке уже не существует, а есть лишь горный факультет. Уральский вуз «растворился» в новом институте, перестав быть самостоятельным, а спустя два года вообще перестал существовать.

Екатеринбург. Сколько же номеров «Известий горного института» вышло здесь? Ответ может показаться парадоксальным, но – ни одного! Конечно, это нужно пояснить. В 1920 году Уральский горный институт вошел в состав только что созданного Уральского государственного университета, тоже утратив самостоятельность. Поначалу – как горный институт в составе университета (позже как горный факультет). «Известия горного института» 1920 года – это книжечки (так называемые «отдельные оттиски»), каждая из которых содержит самостоятельную статью. В шапке титульного листа такого «отдельного оттиска» сверху указано «Уральский государственный университет», ниже – «Известия горного института», далее – автор и название статьи. Издавались они сразу по несколько или по одной. Всего четыре книжки, в которых шесть статей.

Почему мы утверждаем, что это именно шесть статей, а не просто утраченных но-

меров, которых нет в библиотеках? Потому что в том же году все те же шесть статей вышли под общей обложкой – уже как «Известия Уральского государственного университета» (т. 1). В. В. Филатов пишет: «За первый том «Известий Уральского государственного университета» издатели посчитали «Известия УГИ» [3]. Это не совсем так, потому что уже на момент печати оттисков горный институт указывался на обложке как часть Уральского государственного университета, а издание журнала тех же шести статей под обложкой «Известия Уральского государственного университета» говорит о том, что это уже история другого журнала – «Известия университета», а не «Известия горного института», хотя, бесспорно, служит доказательством того, что Уральский университет создавался на базе Уральского горного института.

Итак, можно обобщить: оба Уральских горных института – и в Екатеринбурге, и во Владивостоке, – разделились в 1918 году, а в 1920 оба уже разделенных вуза выпустили журналы «Известия». Журнал, выпущенный во Владивостоке, был создан на основе статей, написанных еще во время существования вуза как единого целого, поэтому его и следует считать первым номером журнала «Известия Уральского горного института». Журнал, выпущенный в Екатеринбурге, хотя и имеет те же корни, но уже является первым номером журнала нового вуза – Уральского государственного университета, хотя и создан целиком на основе статей, подготовленных сотрудниками одного лишь горного института, входящего в состав этого вуза.

Таким образом, журнал «Известия Уральского горного института», выпущенный Веймарном во Владивостоке, действительно можно считать единственным номером, как и посчитала редколлегия журнала в 1993 году, которая выпустила второй номер.

Преемственность возобновленного издания журнала

После выхода 1 номера журнала «Известия Уральского горного института» прошло 73 года, прежде чем появился № 2. Возникают закономерные вопросы: насколько обоснована преемственность выпуска журнала, и корректно ли говорить о «возобновлении» издания?

Мнение В. В. Филатова категорично: «для отцов-основателей «Известия УГИ» были только прототипом, а не предтечей. Затеяв в 1993 г. издание журнала, они руководствовались скорее эмоциями, пиететом к альма-матер; были более патриотами, чем издателями. Поэтому ни в оформлении, ни в структуре журнала нет ничего, заимствованного у «Известий УГИ». О какой уж тут преемственности может идти речь» [3].

Оспаривая это мнение, начнем с того, что в своей статье В. В. Филатов ошибочно называет журнал 1993 года «Известиями УГГГА». Это не так. Журнал № 2 имел то же самое название, что и № 1 – «Известия Уральского горного института». (С той лишь поправкой, что в первом номере еще использовалась старое написание: «Уральского Горного Института», характерная, впрочем, не только для дореволюционной орфографии, но и позднее – для всех, кто не принимал Советскую власть; до сих пор существуют русские эмигрантские газеты, использующие такое написание букв). Это был тот небольшой период – всего несколько лет – когда вуз перестал называться СГИ и вернулся к своему первоначальному названию – УГИ. Уже в октябре 1993 года он стал УГГГА, и журнал соответственно стал называться «Известия УГГГА», а с 2004 года – УГГУ, что привело к переименованию журнала в «Известия УГГУ».

То есть на момент выпуска № 2 в 1993 году (а, кстати, также № 3 и № 4) журнал назывался именно так, как № 1. Один только этот факт еще не говорит, конечно, о преемственности, но уже объясняет саму идею возобновления «продолжающегося издания».

Другой факт. Журнал был задуман еще в стране под названием Россия и выпущен в той же стране; второй номер журнала был выпущен, как и первый, также в России, а не в Советском Союзе, и новая Россия в то время активно искала свои корни в дореволюционном, а не только в советском прошлом.

Такое отношение к истории хорошо видно на следующем примере: в книге «50 лет Свердловскому горному институту», выпущенной в 1967 году [2], об истории журнала «Известия Уральского горного института» вообще не упоминается, а рассказывается лишь об издании «Известия вузов. Горный журнал», который начал выпускаться в институте лишь в 1957 году. Как будто до этого времени в вузе совсем не было научных изданий! А в 1992 году (то есть уже в России, а не в Советском Союзе), в книге «Отечества пользы для...» (автор которой – тот самый В. В. Филатов, мнение которого мы привели выше), вышедшей к 75-летию Уральского горного института, эта ошибка исправляется: автор достаточно подробно излагает историю создания «Известий Уральского горного института» и даже приводит в качестве иллюстрации изображение его обложки. И в этой книге В. В. Филатов называет журналом-преемником «Известий УГИ» (хотя и «с натяжкой») «Известия вузов. Горный журнал»: «сокровенная мечта первого ректора сбылась лишь спустя сорок лет. В 1957 году (...) вузом-издателем серии «Горный журнал» стал Горный институт» [4].

Какова же была «мечта первого ректора», о которой писал Филатов? Веймарн, рассуждая о научном журнале института, мечтал о том, чтобы он стал «научно-популярным», то есть, не искажая сути научной проблемы, автор должен был рассказать о ней увлекательно и доступным языком. К слову: это так и осталось намерением. Первый номер «Известий Уральского горного института» содержит в основном именно научные, а не научно-популярные статьи, как и любой другой научный журнал, в том числе и «Известия вузов. Горный журнал». Отличие «Известий УГИ» под редакцией Веймарна от чисто научного журнала состоит лишь в попытке публикации обзоров «о современной науке и технике» и включении раздела, посвященного истории вуза. И в журнале, который возобновился в 1993 году, тоже начали печататься заметки о памятных датах истории вуза, а после – и полноценные статьи, в том числе критические, такие как статья В. В. Филатова об истории журнала, о которой уже упоминалось. В этом смысле преемственность как раз сохранилась.

Разумеется, в возобновленном спустя 73 года журнале редакция была иной. (К слову: из тех, кто в 1918 году эвакуировался из Екатеринбурга во Владивосток, обратно вернулся лишь один преподаватель – профессор Модест Онисимович Клер, которого в конце жизни студенты любовно называли «дедушкой Мо». Вернувшись в 1924 году, он подвергся репрессиям и несколько лет провел в лагерях, прежде чем снова вернуться к полноценной работе [5]). Однако в новой редакции не только сохранили название и исторический раздел старого журнала, но и вспомнили о том, что еще и до «Известий вузов. Горного журнала» достижения уральской горно-геологической школы освещались в «Трудах СГИ» с 1936 по 1976 гг. Таким образом «Известия УГИ», которым с самого начала пришлось вступать в очень непростую конкуренцию с «Горным журналом», сумели заявить о себе. Ну и последнее: именно «Известия УГИ» возобновили традицию того, что главным редактором журнала должен быть ректор института. В 1993 году это был проф. И. В. Дементьев. Традиция жива и сейчас: нынешний редактор журнала – ректор УГГУ, проф. Н. П. Косарев.

Развитие журнала, периодичность выхода, количество выпущенных номеров

Первый номер журнала, вышедший в 1920 году под редакцией Веймарна, имел четыре

раздела (отдела). Первый – «Теоретические и экспериментальные исследования» (по разным научным вопросам), второй – «Краткие сообщения» – небольшие научные заметки, требующие впоследствии дополнительных исследований, третий – «Успехи науки и техники (обзоры, рефераты, библиография)», четвертый – «Хроника академической жизни» – посвящен истории института.

В № 2 за 1993 год редколлегия решила издавать журнал сериями – по три в год. Первый журнал 1993 года выходил в серии «Геология и геофизика», а в планах имел серии будущих журналов «Горное дело» и «Горная электромеханика». Небольшой исторический раздел журнала, который назывался «Памятные даты», также имел подраздел «Потери науки», где публиковались воспоминания о достижениях и жизненном пути недавно ушедших ученых.

План первого (1993) года был осуществлен полностью: № 3 вышел в серии «Горное дело», № 4 – в серии «Горная электромеханика». Однако в будущем этот план сохранить не удалось, и в последующие годы журнал выходил не всегда регулярно, тем не менее редколлегия старалась поддерживать достаточный уровень качества статей. Все последующие годы издание осуществлялось редколлгией на общественных началах, печатной работой полностью занимался редакционно-издательский отдел вуза. Штатная редакция у журнала появилась только в 2013 г.

С 2013 г. по настоящий момент журнал имеет периодичность четыре номера в год. Современное деление на разделы: «Науки о Земле», «Технические науки», «Экономические науки», а также традиционный раздел, посвященный истории вуза.

С 2013 г. существенно изменился состав редколлегии журнала, появились новые специалисты из других научных организаций и вузов как Екатеринбурга, так и других городов, были приглашены иностранные учёные. Ответственными редакторами по всем четырём разделам традиционно были Александр Григорьевич Баранников, д.г.-м.н. («Науки о Земле»), Сергей Андреевич Тимухин, д.т.н. («Технические науки»), Маргарита Николаевна Игнатьева, д.э.н. («Экономические науки») и Юрий Алексеевич Поленов, д.г.-м.н. («История университета»). С 2016 года ответственным редактором по разделу «Науки о Земле» является Анатолий Борисович Макаров, д.г.-м.н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатов В. В. «Быть по сему!»: очерки истории Уральского государственного горного университета (1914–2014). (1720–1920). Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2014. 684 с.
2. 50 лет Свердловскому горному институту / Д. А. Бобылева [и др.]. М.: Недра, 1967.
3. Филатов В. В. О журнале «Известия Уральского горного института» // Изв. УГГУ. 2004. № 19. С. 214–217.
4. Филатов В. В. «Отечества пользы для...» (75 лет Уральскому горному институту. 1917–1992). Екатеринбург, 1992. 408 с.
5. Филатов В. В. Профессора Уральского государственного горного университета: биографический справочник. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2004. 431 с.

ВЕЙМАРН И АРТЕМЬЕВ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ РАЗНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ГОРНЫХ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Почему уральцы были против?

30 августа 1918 года в Москве состоялось совещание по устройству в Москве Горной академии, от которого сохранился черновик протокола. Комиссия, которая решала судьбу создания нового вуза, собралась в таком составе: председатель Д. Н. Артемьев, представлявший Наркомпрос¹, Б. В. Дидковский – представитель Областного совета народного хозяйства Урала, Н. М. Федоровский² – представитель Горного отдела ВСНХ³, Ф. Ф. Сыромолотов, представлявший Наркомфин⁴, и Я. Я. Энслен, представлявший народный комиссариат государственного контроля.

Еще до этого совещания вопрос о создании академии обсуждался на коллегии народного комиссариата просвещения, на коллегии Наркомпроса, а также на страницах газеты «Известия» [1], однако именно оно имело решающее значение.

Инициатором создания вуза был Дмитрий Николаевич Артемьев, в ближайшем будущем – первый ректор Московской горной академии, а также Николай Михайлович Федоровский, его ближайший друг и соратник. Поэтому Артемьев на совещании представлял проект вуза, а Федоровский активно его поддерживал.

Против этого проекта были двое: Федор Федорович Сыромолотов и Борис Владимирович Дидковский. Первый – коренной уралец, поднявшийся до высших должностей в Москве⁵, второй – на тот момент представитель Урала, а в будущем – ректор Уральского государственного университета⁶.

Почему же именно уральцы высказались против?

Согласно протоколу, Сыромолотов интересуется, где для вуза будут подбираться кадры и материальное обеспечение. На что Артемьев отвечает, что кадры даст горный отдел ВСНХ (Федоровский, как представитель этого отдела, одобрительно кивает), а

¹ Народный комиссариат просвещения РСФСР (здесь и далее – прим. авт.).

² Его фамилия в черновике протокола написана с ошибкой, однако из контекста становится понятно, что речь идет о нём.

³ Высший совет народного хозяйства РСФСР.

⁴ Народный комиссариат финансов РСФСР.

⁵ Федор Федорович Сыромолотов учился в Горном училище Екатеринбурга и был здесь участником революционного движения в 1905 году. В 1919–1921 годах в Москве исполнял обязанности заведующего финансами ВСНХ, был председателем Горного Совета, наблюдающего за научно-техническим отделом, Главным геодезическим управлением, членом ЦК горнорабочих, членом Малого Совета народных депутатов, членом президиума Госплана.

⁶ Борис Владимирович Дидковский в 1920 году возглавил Уральский геологический комитет, был председателем Уралразведки, Уралплана, управляющим Уральским геологическим трестом. Второй по счету ректор Уралуниверситета. В августе 1937 года был арестован как «активный участник антисоветской террористической организации правых на Урале» и почти сразу расстрелян. О том, насколько высоко ценился этот человек до ареста, говорит тот факт, что он с семьей жил во Втором доме Советов (он же Дом чекиста) – единственном на тот момент 11-этажном небоскребе Свердловска, построенном для элиты. Его жену М. Н. Букину, которая работала геологом, на работу возила персональная пролетка. Реабилитирован в 1956 году.

также Горный институт в Петрограде. Сыромолотов спрашивает, не пострадает ли от этого кадровый состав этих институтов, на что реагирует Дидковский, заявив, что не только пострадает Петроградский горный институт, но и придется из-за этого приостановить работу по созданию Горного института в Екатеринбурге. В итоге Сыромолотов заявляет, что научную мысль нужно прививать «на местах», а проект Горного в Москве – это «брошенные деньги».

Несмотря на это противостояние, общее решение склонилось в пользу проекта Артемьева. А в октябре Наркомпрос принял окончательное решение в пользу открытия Московской горной академии.

Однако нам сегодня интересно отыскать корни этого противостояния, которые на самом угнездились намного глубже, чем может показать нам этот небольшой эпизод. Потому что это было, по сути, противостояние двух разных систем.

Для того, чтобы проследить формирование этого конфликта интересов, нам нужно подробнее рассказать о создателях и первых ректорах двух горных институтов: Веймарне и Артемьеве.

Разные системы, похожие судьбы

Пробуя заглянуть в суть проблемы, которая выявилась на совещании по устройству Горной академии, мы можем рассматривать Уральский горный институт и Московскую горную академию как пример двух различных образовательных систем, которые в тот период пытались противостоять друг другу. Первая создавалась ректором Уральского горного Петром Петровичем фон Веймарном, вторая – ректором Московской горной академии Дмитрием Николаевичем Артемьевым.

Несмотря на противостояние, обе эти системы имели одно основание – Петроградский горный институт. Сами ректоры этих вузов, несмотря на принципиально различный подход, в итоге оказались противниками Советской власти и из-за этого в СССР были «персонами нон грата», будучи известными только узкому кругу специалистов, тогда как их вузы, преодолев трудности становления, стали со временем широко известными и во многом похожими.

Начнем с Уральского горного института.

Вопрос об открытии на Урале собственного Горного института решался очень долго. Несмотря на то, что Урал, начиная еще с XVIII века, стал ведущим индустриальным районом страны, подготовка горных инженеров осуществлялась в Санкт-Петербургском горном университете, причем бытовало мнение, что его недостаток – удаленность от Урала [2]. А в XIX веке Урал стал не только территорией, где было сконцентрировано наибольшее число горных заводов, но и своеобразной «Меккой» для отечественных и зарубежных геологов, которые проводили здесь собственные исследования. Таким образом, идея об открытии здесь собственного вуза муссировалась не меньше века, и только финальный этап борьбы за открытие Горного института между двумя городами – Екатеринбургом и Пермью – затянулся на целых 18 лет: с 1806 по 1914 год [3]. Так, например, еще в 1898 году журналист газеты «Урал», фантазируя о будущем Екатеринбурга, предрекал открытие именно Уральского горного института [4]. В итоге победил Екатеринбург, где указом императора Николая II 3(16) июля был открыт собственный вуз, который изначально именовался Екатеринбургским горным институтом, а в январе 1917 года был переименован в Уральский горный институт Императора Николая II [5]. Впоследствии официально это название не менялось, однако во всех документах вуз стал именоваться просто Уральским горным институтом [6].

В 1915 году на должность ректора института в Екатеринбург был приглашен профессор Петроградского университета Петр Петрович фон Веймарн [7]. Альма-матер фон Веймарна – это Санкт-Петербургский (Петроградский) горный институт, который он окончил в 1908 году, где он продолжал преподавать до отъезда в Екатеринбург. Его специальность – коллоидная химия, он считается одним из основоположников этой науки.

Петр Петрович согласился на переезд в Екатеринбург, так как помимо научной работы имел собственные оригинальные теоретические наработки в области организации учебного и научного процесса высшей школы, которые хотел воплотить на практике. Поэтому, несмотря на то, что по приезде на Урал ему пришлось заниматься не только организацией учебного процесса, но и принимать участие в строительстве будущего здания института (он стал председателем Строительной комиссии), главные его устремления были направлены на создание вуза нового типа, основанного на принципах «энергетики культуры» [8]. Веймарн пригласил на Урал множество преподавателей, в том числе иностранных, и с 9 (22) октября 1917 года, когда в Уральском горном институте начались занятия, начал воплощать свои идеи в жизнь. Новаторство коснулось как студентов института (например, он считал, что число лекций нужно уменьшать, зато целый лекционный день посвящать какому-то одному предмету), так и преподавателей (их теперь оценивали не по выслуге лет, а по активности в

П. П. фон Веймарн за работой в Уральском горном институте

научной и преподавательской деятельности). Под руководством Веймарна был разработан и принят Советом института оригинальный устав, где все эти нововведения были прописаны и узаконены. Также имеет значение тот факт, что этот институт, открывшийся еще до прихода к власти большевиков, объявил себя «вне политики», и с конца 1917-го до середины 1918 годов сотрудничал с Советской властью, исходя именно из этого принципа.

К августу 1918 года, когда начала создаваться Горная академия в Москве, Уральский горный институт проработал уже учебный год. Однако именно в этот период в Екатеринбурге сложилась особая ситуация: в июле 1918 года власть в городе

захватили войска Чехословацкого корпуса, все органы Советской власти были ликвидированы, а большевики и им сочувствующие бежали или были арестованы. Так что слова Дидковского на совещании по устройству в Москве Горной академии о том, что «придется приостановить работу по созданию в Екатеринбурге горного института» не имели в тот момент никакого практического смысла – большевики просто

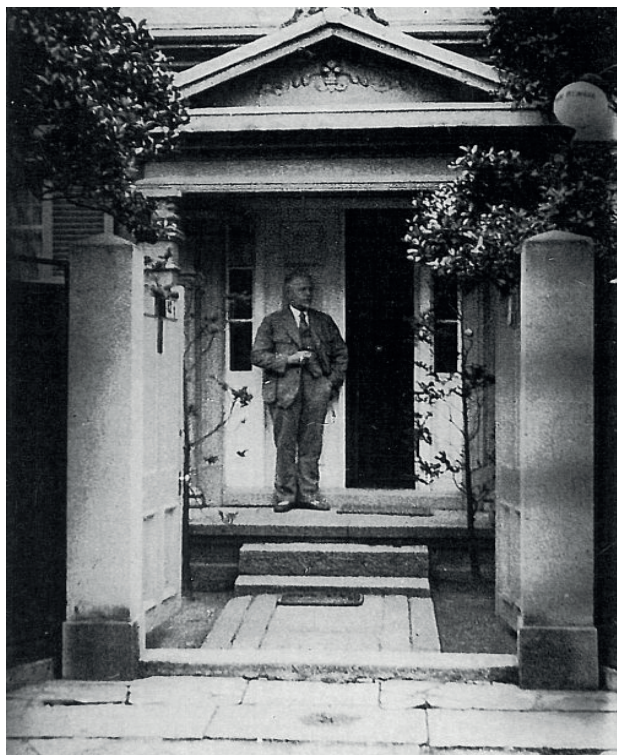
не контролировали эту территорию. Однако в будущем судьба Уральского Горного решалась именно в Москве.

Советской власти в Екатеринбурге не было ровно год: с июля 1918-го по июль 1919 гг. За это время здесь было создано Временное правительство Урала, а затем территория перешла под власть адмирала Колчака, объявившего себя Верховным правителем России. За этот период в Уральском горном институте прошел еще один учебный год. Этот период в истории вуза лучше всего задокументирован, так как по его итогам был выпущен научный журнал «Известия Уральского горного института»⁷. Этот журнал сохранился и был доступен в библиотеках и в советское время, однако он издавался в двух версиях: сокращенной (для студентов) и полной, а сохранилась лишь сокращенная версия; лишь совсем недавно в архивах удалось найти программную статью фон Веймарна из полной версии журнала [9].

В июле 1918 года, перед тем как войска Колчака оставили под натиском Красной Армии Екатеринбург, фон Веймарн принял решение об эвакуации института во Владивосток. Однако сам он в это время находился в командировке на востоке страны, а в Екатеринбурге приказу подчинились не все. В итоге создалась уникальная ситуация: осенью 1919 года практически одновременно начали занятия два Уральских горных института: один во Владивостоке под руководством фон Веймарна, а второй – в ставшем снова советским Екатеринбурге, под руководством ученика Веймарна, которого он оставил исполнять обязанности ректора – К. К. Матвеева.

Уральскому горному институту, эвакуированному во Владивосток, выделили помещение в здании Владивостокского коммерческого училища, которое было арендовано под Высший политехникум, вскоре переименованный во Владивостокский

политехнический институт [10]. Самостоятельным Уральский горный институт оставался лишь около полугода, а потом вошел в состав политехнического института. Зато Веймарн стал сначала проректором, а затем ректором всего этого политехнического института, причем в качестве его устава был принят устав Уральского Горного – то есть педагогический эксперимент ему удалось продолжить. Однако продлился он недолго: из-за Гражданской войны и меняющейся политической ситуации фон Веймарн покинул пост ректора, а затем эмигрировал в Японию, где долгие годы преподавал в Императорском научно-исследовательском институте, а также в Киотском императорском университете. Умер в 1935 году и похоронен в Киото. А политехнический институт во Владивостоке с приходом Советской власти претерпел множество реорганизаций, однако сейчас существует горный факультет Дальневосточного федерального университета, основы которого

П.П. фон Веймарн на пороге своего дома в г. Кобе (Япония)

⁷ Ныне это журнал «Известия УГГУ», первый номер журнала доступен на сайте www.iuggu.ru

Д. Н. Артемьев, 1901 г.

Артемьев на Всероссийском совещании по реформе Высшей школы (сидит над склонившейся фигурой), 1918 г.

были заложены уральцами.

К судьбе Уральского горного института в Екатеринбурге под руководством Матвеева мы еще вернемся, а сейчас расскажем о Дмитрие Николаевиче Артемьеве, основателе и первом ректоре Московской горной академии.

Начнем с того, что Артемьев, родившийся в 1882 году, всего на три года младше Веймарна. Он закончил физико-математический факультет Московского университета, где занимался минералогией и кристаллографией под руководством профессора В. И. Вернадского, однако впоследствии стал учеником выдающегося кристаллографа Е. С. Федорова [11]. В 1907 году Артемьев переехал из Москвы в столицу, чтобы принимать участие в исследованиях, которые проводил Федоров в Санкт-Петербургском горном институте. То есть в течение нескольких лет Веймарн и Артемьев находились в одной и той же академической среде, занимаясь исследованиями (правда, разными) в одном и том же институте.

За годы работы в Горном институте Артемьев активно занимался научными исследованиями по кристаллизации шаров и в 1914 году защитил магистерскую диссертацию [12], а в 1915 году его работа была удостоена золотой медали Минералогического Общества.

Между тем Евграф Степанович Федоров, учитель Артемьева, признавая его таланты и достижения, все-таки называл Дмитрия Николаевича «карьеристом». И именно эта черта характера станет для него определяющей в ближайшие годы. В 1915 году Артемьев, который в Санкт-Петербургском горном институте занимал к тому времени должность адъюнкта, не дававшую полных профессорских прав, принял решение перейти в Варшавский технический институт, где его сразу назначили профессором.

Тут нужно сделать уточнение о том, что в 1915 году этот технический институт, хоть и назывался Варшавским, однако находился в Москве. Год он преподавал в Москве, однако в 1916 году институт перевели в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде Артемьеву не понравилось, поэтому он попытался вместе со своим помощником Н. М. Федоровским (его фамилию мы уже упоминали, когда рассказывали о совещании, посвященном организации Московской горной академии), который стал его ближай-

Н. М. Федоровский

шим учеником, создать на базе вуза Горное Отделение и перевести его в Москву. Однако организованная ими кампания не смогла добиться успеха. Вновь попытку перевести институт в Москву они предприняли через год, когда после Февральской революции к власти в стране пришло Временное правительство. Но и это правительство не поддержало их планы, а сам Варшавский институт в это время был переименован в Нижегородский политехнический институт.

Здесь следует рассказать о Николае Михайловиче Федоровском немного подробнее, так как в этот период именно он сыграл важную роль в судьбе Артемьева. Дело в том, что Федоровский, ставший в 1908 году студентом Московского университета, еще с 1902 года (шестнадцатилетним подростком) увлекся революционным движением, а в 1904 году стал членом партии большевиков. С 1906 года он был членом боевого крыла партии под кличкой Степан Финляндский, участвовал в мятежах [13]. В Москву уехал учиться после того, как чудом избе-

жал ареста после участия в одном из мятежей, и здесь продолжал посещать революционные сходки. В 1911 году на одной из таких сходок был арестован, однако избежал тюремного заключения, отделавшись исключением из университета. В этот период он уехал в геологическую экспедицию на Урал, где случайно познакомился с профессором В. И. Вернадским, который помог бывшему студенту восстановиться в университете. В 1915 году, когда Федоровский, уже защитивший диплом, перешел на работу к Артемьеву, его революционное прошлое считалось «пятном на биографии». А вот в 1917 году, когда к власти пришло Временное правительство, такое прошлое могло уже способствовать карьере: Федоровский стал активно сотрудничать с социал-демократами и вскоре стал в городе одним из лидеров большевиков. Однако, как мы помним, в тот период его поддержка не помогла Артемьеву перевести Отделение в Москву.

Все изменилось после прихода к власти большевиков. В этот период Федоровский при участии Артемьева в Нижнем Новгороде сумел устроить настоящий переворот в высшей школе: в марте 1918 года Исполком Нижегородского Совдепа, где Федоровский играл одну из ведущих ролей, принял решение о ликвидации всех высших учебных заведений города, чтобы вместо них к осени 1918 года создать общегородской университет.

Учебные заведения были ликвидированы, однако созданием там университета Федоровскому заниматься уже не пришлось: в апреле он был вызван в Москву, где ему дали высокую должность в ВСНХ.

Оставшийся в Нижнем Новгороде Артемьев подал прошение на должность профессора в создающийся Нижегородский университет. Однако обосновавшийся в Москве Федоровский не забыл о своем учителе, и уже в мае Артемьев был приглашен на работу в Наркомпрос РСФСР.

Таким образом, проект создания Московской горной академии, предложенный Артемьевым и активно поддержанный Федоровским – это не что иное, как осуществ-

вление уже дважды предпринимавшейся попытки перевода обратно в Москву Горного Отделения бывшего Варшавского института.

И тут нужно отметить принципиальный момент. Несмотря на то, что и фон Веймарн, и Артемьев создавали свои вузы на той базе, которую могла предоставить уже созданная в стране высшая школа, подход их был принципиально разным. Если Веймарн создавал в Екатеринбурге Горный институт еще до революции, пытаясь взять лучшее из существовавшей системы путем ее модернизации, то Артемьев уже создавал один из первых советских вузов путем реорганизации этой системы. Это хорошо иллюстрирует один факт: в то время Артемьев начал заявлять, что для поступления в институт будущим студентам не нужно иметь среднего образования. Во главу угла он ставил социальную принадлежность учащихся. И если фон Веймарн даже после прихода к власти большевиков заявлял, что высшая школа должна находиться вне политики, то Артемьев срочно вступил в партию, став членом ВКП(б). Вернадский даже высказал удивление по этому поводу, заметив, что Дмитрий Николаевич вступил в партию, никогда до этого не будучи ни коммунистом, ни социалистом. В общем, Артемьев начал создавать именно советский вуз, совершая все те «детские» ошибки, которые совершались в то время при создании разных учебных заведений повсеместно.

Кончилось это тем, что в 1921 году он разочаровался в Советской власти и, выехав по служебным делам в командировку в Швецию и Германию, предпочел больше не возвращаться на родину (практически одновременно с Веймарном), став таким образом в Советском Союзе такой же «персоной нон грата», как и фон Веймарн. Несколько лет Артемьев публиковался в зарубежных журналах, но затем прекратил научную деятельность, став... католическим священником. Умер, предположительно, в 1946 году.

Ученики Веймарна и Артемьева на их местах

И Веймарн, и Артемьев оставили после себя учеников, работавших потом в Советском Союзе. Веймарн – К. К. Матвеева, а Артемьев – Н. М. Федоровского.

В случае с Матвеевым все выглядит на первый взгляд неоднозначно. В июле 1919 года правительством Колчака было принято решение об эвакуации Уральского горного института во Владивосток, но Матвеев, в отсутствие Веймарна (тот был в командировке) вместе с частью преподавателей и студентов не подчинился этому решению, оставшись в Екатеринбурге, из-за чего и случилось «раздвоение» вуза. Считается, что Матвеев пытался выехать, однако не успел этого сделать из-за сложностей с транспортом. Однако после этого он уже не пытался бежать, а наоборот, остался во главе института и осенью организовал начало учебного процесса.

Присмотримся к этому человеку поближе. Константин Константинович Матвеев – выпускник Петербургского университета, который до начала работы в Уральском Горном работал в геологических экспедициях и уже был известен своей минералогической коллекцией (позже она станет основой Уральского геологического музея). По сути, учеником Веймарна его можно назвать с некоторой натяжкой, так как их научные интересы лежали в разных плоскостях, однако именно Матвееву Веймарн доверил исполнять обязанности ректора. Почему? Исходя из всех дальнейших действий, которые предпринимал Матвеев, становится понятно, что Веймарн ставил именно на него, исходя из того, что этот человек всеми силами стремился к развитию Горного института. И в этом смысле он в Матвееве не ошибся.

Начнем с того, что Константин Константинович не уехал в эвакуацию скорее всего из-за отсутствия возможности вывезти свои минералогические коллекции, которые

очень много весили. А уже оставшись, он во всех своих действиях в первую очередь руководствовался интересами института. Практически благодаря именно ему Горный в Екатеринбурге сохранился и продолжил работать, хотя пришлось решать множество вопросов с преподавательским составом, набором студентов, и главное – необходимостью снимать учебные помещения, так как собственное здание институт построить так и не сумел.

Всё это удалось, однако в конце 1919 – начале 1920 гг. в Екатеринбурге начался процесс создания Уральского государственного университета, который (по тем же лекалам, что и Нижегородский университет, о котором мы рассказывали выше) должен был вобрать в себя другие учебные заведения, в том числе и горный институт. В этот период Матвеев, хотя и был переизбран (ректором в ноябре 1919 г. стал Н. Г. Келль, входящий в состав организационного комитета по созданию университета), прикладывал все силы для того, чтобы Горный остался самостоятельным вузом.

В Москве Матвеев нашел поддержку для сохранения самостоятельности института в лице Ф. Ф. Сыромолотова, того самого выходца с Урала, который на совещании в 1918 году голосовал против создания в Москве Горной академии. И здесь мы можем, наконец, ответить на вопрос, почему Сыромолотов был против Горной академии в Москве. Выросший и живший долго на Урале, Федор Федорович был, конечно, в курсе многолетних перипетий по открытию Горного в Екатеринбурге и, судя по всему, как и большинство уральцев, с симпатией относился к Веймарну, который прилагал невероятные усилия для создания этого института. В 1918 году он считал, что отток преподавательского состава в Москву может плохо сказаться на развитии этого вуза, а в 1919–20 гг. вновь вступился за Уральский Горный. Именно Сыромолотов помог заручиться в этом вопросе поддержкой Л. Д. Троцкого, который в то время был в государстве вторым человеком после Ленина, а также видного партийца Г. Л. Пятакова.

Здесь нужно пояснить, что и Матвеев, и поддерживавший его Сыромолотов не были противниками университета; они ратовали за то, чтобы эти учебные заведения развивались самостоятельно. И после поддержки Троцкого вопрос можно было бы считать решенным, однако у сторонников единого университета покровители оказались еще могущественнее. Будущий первый ректор Уральского университета А. П. Пинкевич заручился поддержкой писателя Максима Горького, а тот в свою

Ф. Ф. Сыромолотов

очередь – В. И. Ленина, причем именно Ленин высказал мысль о том, что в университете должно быть в том числе геологическое направление. «Почему в Вашем проекте, – заявил он в беседе с Горьким, – не говорится о технической и горной жизни Урала?» [14].

После этого спорить о чем-то было уже бесполезно: вопрос о ликвидации Уральского Горного и присоединении его к университету был уже решен. Однако Матвеев и Келль попытались предложить компромиссное решение: университет считать союзом институтов, каждый из которых имеет относительную самостоятельность. В ответ на это Екатеринбургскому Губисполкому в августе 1920 года пришлось в приказном порядке распустить Совет Горного института, а ректором назначить А. Е. Маковецкого – человека, абсолютно лояльного к проекту единого университета.

В октябре Ленин подписал декрет об учреждении Уральского государственного университета [15]. Поразительно, но даже после этого Матвеев, воспитанный Веймарном в духе свободолюбия и сумевший в своем вузе сохранить этот дух, не перестал бороться. Уже в ноябре и декабре 1920 года он вновь ездил в Москву, пытаясь добиться для Горного самостоятельности хотя бы внутри университета. И его вновь поддержал Сыромолотов! Однако кончилось всё тем, что в начале 1921 года Матвеев был выведен из состава оргкомитета университета и лишился должности заведующего кафедрой минералогии. Можно сказать, что пострадал и Сыромолотов: начиная с 1921 года он был вынужден уйти с высоких должностей и всю оставшуюся жизнь ра-

ботал в «среднем эшелоне» власти.

Коротко расскажем о дальнейшей судьбе Матвеева. В 1925 году он снова стал заведующим кафедрой и оставался в этой должности почти четверть века. Теперь он считается основателем Уральской школы минералогии и петрографии, а также одним из создателей Уральского геологического музея.

Теперь вернемся к ученику Д. Н. Артемьева – Н. М. Федоровскому. На момент отъезда Артемьева наиболее сильные позиции в Московской горной академии занимали профессора И. М. Губкин, оставшийся исполнять обязанности ректора, и В. А. Обручев, а Федоровский в это время тоже был за границей – в Берлине, куда был направлен в качестве главы Бюро иностранной науки и техники. Он, в отличие от Артемьева, в Советский Союз вернулся, но уже не в горную академию – в 1923 году он возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья. Там он

К. К. Матвеев

Б. В. Дидковский

и работал до 1937 года, когда был арестован «за участие в антисоветской организации». Был осужден на 15 лет и отправлен в Воркуту, однако в 1942 году был переведен в Москву, где, будучи заключенным, работал в одной из «шарашек» – Институте удобрений, однако в 1944 году снова был отправлен в лагерь. Будучи расконвоированным заключенным, преподавал минералогию в Норильске, а затем работал на Норильском комбинате, но снова попал на общие работы. Дожил до освобождения в 1953 году и в 1955-м добился восстановления в Академии Наук СССР. Умер в 1956 году в Москве.

Уральский университет и Московская академия

Если судьбы первых ректоров горных вузов – Веймарна и Артемьева – во многом схожи, но принципиально различаются созданные ими высшие школы, то куда больше общего можно найти, сравнивая Московскую горную академию и Уральский государственный университет, в состав которого влился Уральский гор-

ный институт. Похожи они прежде всего потому, что университет создавался уже как вуз советского типа, где принципиальное значение имела идеология.

Как мы уже упоминали, первым ректором Уралуниверситета⁸ был А. П. Пинкевич – педагог и организатор народного образования, приехавший в Екатеринбург из Петрограда специально для создания нового вуза. Однако ректором он был лишь в период становления университета (в 1920–1921 гг.), а в 1924 году переехал в Москву, где преподавал во 2-м Московском университете.

А в 1921 году ректором Уралуниверситета стал Б. В. Дидковский, тоже знакомый нам по совещанию, на котором он был противником открытия Московской горной академии.

Однако мотивация Дидковского голосовать «против» была иной, чем у Сыромолотова. Если Сыромолотова можно считать до определенной степени сторонником вуза «веймарновского» типа, то Дидковский, несомненно, сторонник создания уже чисто советских вузов, и он голосовал не против нового вуза как такового, а против того, чтобы этот вуз был в Москве. В 1918 году он уже был «представителем Урала», и его устремления были направлены именно туда. В 1919 году, когда Красная Армия оттеснила Колчака на восток, он вернулся в Екатеринбург, где сразу был поставлен на руководящую работу, связанную с геологией, а потом одновременно с этим занимал и должность ректора университета.

Тут нужно отметить, что Уралуниверситет перенес те же «детские болезни», что и большинство вновь создаваемых первых советских вузов. Почти сразу после создания он начал разваливаться, по сути распадаясь на те самые институты, за самостоятельность

⁸ Именно такое сокращение было принято в 20-х годах. Позже Уральский государственный университет, который считался правопреемником этого вуза, имел другое сокращение – УрГУ. Ныне УрГУ влился в состав Уральского федерального университета (УрФУ).

которых ратовал Матвеев. В итоге к 1925 году в университете остались всего три факультета, два из которых в свое время были сформированы из Уральского горного института, и вуз был реорганизован и переименован в Уральский политехнический институт⁹.

Этот политехнический институт в 1930 году был разделен сразу на 10 институтов¹⁰, один из которых в 1932 году стал Уральским горным институтом¹¹. И именно этот вуз, переименованный в 1934 году в Свердловский горный институт, ныне называется Уральским государственным горным университетом (УГГУ). По сути, именно тогда Уральский Горный, сохранивший основы, заложенные еще Веймарном, вновь стал самостоятельным вузом.

Похожая картина в том же 1930 году произошла и в Московской горной академии: она была разделена на 6 новых институтов¹², один из которых был Московский горный институт (считавшийся правопреемником академии), ныне входящий в состав Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» в качестве Московского горного института (МГИ).

Таким образом Уралуниверситет и Московская академия были уже близкими по духу вузами, уже не противостоявшими друг другу. А отголоски противостояния в начальном периоде проявились лишь однажды – в 1925 году, когда в Главпрофобре¹³ сложилось мнение о том, что Горный факультет нужно закрыть, так как «в стране уже есть три вуза, в которых готовят инженеров для горной промышленности» (имелись в виду Петроградский горный институт, Московская горная академия и Сибирский технологический институт), причем один из профессоров МГА даже бросил: «Зачем Уралу горфак? Там и угля-то нет». Отстоять факультет перед Главпрофобром удалось лишь к 1926 году, а до этого он «висел на волоске» [16].

В дальнейшем же эти вузы стали во многом похожи друг на друга и долгие годы сотрудничали между собой как два института одного профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Известия», № 166 от 6 августа 1918 г.
2. Филатов В. В. «Быть по сему». Екатеринбург: УГГУ, 2014. С. 36.

⁹ При создании Уралуниверситета Уральский горный институт, вошедший в состав этого университета, был разделен на два: собственно Горный и Политехнический. В 1925 году, когда принималось решение о реорганизации университета, новый вуз постановлением Совнаркома сначала решили назвать Горным институтом, но затем поменяли это решение. Этот вуз считается родоначальником УГГУ-УПИ – вуза, на базе которого (путем слияния с УрГУ) сейчас создан Уральский федеральный университет.

¹⁰ В июле 1930 года он был разделен сначала на 8 институтов: появились Уральский институт черных металлов, Уральский институт цветных металлов, Уральский геологоразведочный институт (на базе геологического отделения горного факультета), Химико-технологический институт, Уральский механико-машиностроительный институт, Строительный институт, Лесотехнический институт и Физико-механический институт. А в сентябре появились еще два института: из Уральского института цветных металлов был выделен самостоятельный Уральский горный институт угольных и нерудных ископаемых, а из Уральского механико-машиностроительного – Энергетический институт.

¹¹ Путем объединения Уральского горного института угольных и нерудных ископаемых с Уральским геологоразведочным институтом.

¹² Московский государственный геологоразведочный институт, Московский горный институт, Московский нефтяной институт, Московский институт цветных металлов и золота, Московский институт стали (черной металлургии), Московский торфяной институт.

¹³ Главное управление профессионального образования.

3. Шорин А. Г. Два года, о которых мы забыли (Уральский горный институт в 1917–1919 гг.) // Изв. УГГУ. 2016. № 4 (44). С. 105.
4. Здание очень красивого и величественного вида с надписью «Горный институт» // Изв. УГГУ. 2016. № 4 (44). С. 103-104.
5. Поленов Ю. А., Шириханова Н. А. Страницы истории УГИ-СГИ-УГИ-УГГГА-УГГУ // Изв. УГГУ. 2013. № 3 (30). С. 75.
6. Шорин А. Г. Здания Уральского Горного // Изв. УГГУ. 2017. № 1 (45). С. 109.
7. Шорин А. Г. Статья о Петре Петровиче фон Веймарне для русской «Википедии» // Изв. УГГУ. 2016. № 2 (42). С. 97–100.
8. Веймарн П. П. Этюды по энергетике восприятия и творчества: I. О рациональной постановке физико-технического образования в целях поднятия научной и технической продуктивности страны // Петроград: Книгоиздательство «Естествоиспытатель», 1915.
9. Веймарн П. П. Очерки по энергетике культуры // Изв. УГГУ. 2016, №2 (42). С. 101–109.
10. Хисамутдинова Н. В. Уральский горный институт во Владивостоке // Изв. УГГУ. 2016. № 3 (43). С. 123.
11. Блох Ю. И. Крутые виражи Дмитрия Артемьева // Природа. 2010. № 7 (1139). С. 71.
12. Иванов О. А. Первый ректор Московской горной академии // Изв. вузов. Горный журнал. 2009. № 1. С. 96.
13. Блох Ю. И. Исторические корни и учредители Московской горной академии // Геофизический вестник. 2008. № 8. С. 10.
14. Главадский М. Е. Рождение Уральского Университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 1995. С. 69.
15. Декрет СНК РСФСР от 19 октября 1920 года.
16. Шорин А. Г. Здания Уральского Горного (продолжение) // Изв. УГГУ. 2017. № 2 (46). С. 127.

